

А.К. Дживелегов

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Издательский дом
"КНИЖНАЯ НАХОДКА"

Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время.

Изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго.

А. К. Дживелеговъ.

СРЕДНЕВѢКОВЫЕ ГОРОДА

ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.

Издание Акц. Общ. „Брокгаузъ-Ефронъ“.

Цѣна 1 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ, Прачешный пер., № 6.

1902

А. К. Дживелегов

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

569315

Москва
КНИЖНАЯ НАХОДКА
2002

УДК 940
ББК 63.3(0)4 -22
Д41

Серия основана в 2002 году

Дизайн и оформление серии И. Сибирмовской

Текст печатается по изданию:
Дживелегов А.К. Средневековые города в Западной Европе
СПб.: Брокгауз-Эфрон, 1902. — 248 с.

Дживелегов А.К.

Д41 Средневековые города в Западной Европе. — М.: Издательский дом «Книжная находка» 2002. — 304 с. — (Юность Европы).

ISBN 5-94987-004-2

Работа известного отечественного историка и культуролога А.К. Дживелегова (1875–1952) посвящена истории развития европейских городов как торгово-экономических центров в эпоху Средневековья.

Книга рассчитана на широкий круг любителей истории.

УДК 940
ББК 63.3(0)4

ISBN 5 94987 004-2

© Д.Н. Бутко, вступ. ст., примеч. и коммент., 2002
© Издательский дом «Книжная находка», 2002

ОГЛАВЛЕНИЕ

Л. Бутко. А.К. ДЖИВЕЛЕГОВ И ЕГО «СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ»	7
ПРЕДИСЛОВИЕ	15
ГЛАВА I. ВОЗНИКНОВЕНИЕ, РОСТ И УПАДОК ГОРОДОВ	19
Римские города и связь с ними средневековых	22
Влияние варварских набегов на рост городов	28
Феодальные неурядицы и их влияние на рост городов	36
Хозяйственный переворот XII–XIV веков, возрождение торговли, появление рынков. Влияние экономических условий на дальнейший рост городов	39
Освобождение городов в Италии и на юге Франции.	49
Коммунальная революция в Северной Франции. Города буржуазии и «новые» города.	54
Свободные города в Англии	62
Процесс освобождения в Германии	67
Политическое положение средневековых городов в разных частях Европы	73
Города и феодальный строй. Упадок средневековых городов	76
ГЛАВА II. ГОРОДСКОЕ УСТРОЙСТВО И ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ.	87
Сеньориальный режим в немецких городах	90
Сеньориальный режим в итальянских городах	97
Сеньориальный режим во французских городах.	100
Сеньориальный режим в английских городах	102
Укрепление и идея особенного мира	105
Распорядки в сельской земельной общине.	107
Городские учреждения, возникшие под влиянием торговли. Купцы, рынок, меры и вес.	110
Чем обязан город сельской общине	116
Город как реальная община и как община личная	120
Городское землевладение, разрешение крепостных отношений в городах; право гражданства и его эволюция.	124

Городское право, гражданское и уголовное; его значение	135
Городские суды	142
История городского управления в Италии и в Южной Франции	149
История городского управления в Северной Франции	157
История городского управления в Германии	162
Городское устройство и управление в Англии	169
Происхождение городских учреждений и, в частности, городских советов	173
ГЛАВА III. ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ	177
Купеческая гильдия	181
Городская торговая политика	190
Происхождение цехов	199
Ученик, подмастерье, мастер	203
Организация цехов; их отношение к общественной власти; принципы цеховой промышленности	214
Городские финансы	221
Военная организация в городах	229
Народное образование и призрение бедных в городах	237
Отношение горожан к духовенству	240
Отношение горожан к знати. Евреи в городах	246
Количество и распределение населения	253
ГЛАВА IV. ИТОГИ ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ	
В СРЕДНИЕ ВЕКА	263
Краткий обзор	265
Экономическая роль городов	269
Социальная роль городов	273
Политическая роль городов	275
Культурная роль городов. Заключение.	279
ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ	283
ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ	291
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	299

А. К. ДЖИВЕЛЕГОВ И ЕГО «СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ»

В судьбе Алексея Карповича Дживелегова (1875–1952), как и в судьбах большинства представителей отечественной интеллигенции, в полной мере отразилась сложность и противоречивость прошедшего столетия. Революции, войны, крушение старого и мучительное рождение нового порядка, тоталитаризм и засилье идеологии во всех сферах жизни не могли не повлиять на творчество и мировоззрение А. К. Дживелегова, незаурядную личность ученого: историка, искусствоведа, мыслителя.

Современному читателю А. К. Дживелегов знаком, скорее всего, как исследователь эпохи Возрождения, автор блистательных очерков о судьбах отдельных ее представителей* как основатель школы советского театроведения. Но в большом наследии А. К. Дживелегова и, в частности, в дореволюционном творчестве им рассматривались многие аспекты гуманитарной культуры: социальные, правовые, экономические, этнографические. Именно к таким работам, где универсализм и многогранность дарования молодого ученого проявились наиболее широко, и относится исторический очерк «Средневековые города в Западной Европе», впервые вышедший в свет в 1902 году.

Но чтобы представить себе, как и когда создавались «Средневековые города», какая тематика интересовала ученого в те годы, какие мысли и социальные тенденции проявлялись в том числе и в предлагаемой сегодня читателю исторической работе, необходимо более подробно остановиться на его жизни и творчестве в период до 1917 года, к которому А. К. Дживелегов уже был признанным российским ученым и историком, общественным деятелем и публицистом.

Долгий жизненный путь Алексея Карповича Дживелегова был сложным. Он родился 14 марта 1875 года в Нахичевани-на-Дону** в обедневшей армянской купеческой семье. Первое образование Дживелегов получает в начальной шко-

* См., например: Дживелегов А. К. Творцы итальянского Возрождения: В 2 кн. / Под общ. ред. Р. Хлодовского. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб; Республика, 1998.

** Нахичевань-на-Дону — город, основанный крымскими армянами в конце XVIII века. Ныне — правобережная часть г. Ростова-на-Дону. — *Прим. ред.*

ле Нахичевани-на-Дону, затем в епархиальной армянской школе и Ставропольской гимназии, где рано обнаруживает склонность к историческим наукам. В 1893 году, успешно окончив гимназию, А.К. Дживелегов поступает на историко-филологический факультет Московского университета.

В.И. Герье, автор работ по истории западной церкви, Р.Ю. Виппер, историк-антиковед, П.Г. Виноградов, ученый-медиевист, автор «Исследований по социальной истории Англии» и ряда других работ по системе феодальных отношений — вот лишь некоторые из профессоров-историков, преподававших тогда в Московском университете.

В студенческие годы Дживелегов становится и членом Кавказского землячества, через которое в Союзном Совете, руководящем органе студенчества и московских землячеств, защищает либеральные взгляды студенчества.

По окончании учебы Ученый совет предложил Дживелегову остаться при университете, но секретный циркуляр тогдашнего министра народного просвещения Н.П. Боголепова, ограничивающий допуск лиц нерусского происхождения в высшие учебные заведения, не позволил ему осуществить эти планы.

С 1898 года А.К. Дживелегов сначала внештатно, а спустя некоторое время и войдя в состав редакции, печатается в «Русских ведомостях». Здесь он ведет хронику: новости науки, искусства и литературы. В иностранном разделе печатает статьи по истории и социологии, исторические справки и биографические заметки.

В эти годы складываются и политические взгляды А.К. Дживелегова, которые к 1905 году приводят либерально настроенного ученого и журналиста в только что сформированную партию конституционных демократов. Активно участвуя в агитационной работе по созыву первой Государственной Думы, в нескольких брошюрах тех лет он рисует политическую доктрину партии кадетов*. Права личной и политической свободы, как основа функционирования свободного государства, требования установления ответственности правительства перед Думой, изменение существующего строя в России в пользу конституционной монархии — вот лишь несколько тезисов этих работ.

Безусловно, что журналистская и активная политическая деятельность Дживелегова не могла не отражаться и на его исторических работах того времени. Публицистический характер анализа западной истории, ее транскрипция на русской почве во многих публикациях «Русских ведомостей», «Голоса Минувшего» и в отдельных работах**, в том числе и предлагаемых сегодня читателю «Средневековых городах...», становится интереснейшим инструментом подачи материала.

* См., например: Дживелегов А.К. О конституции и конституционном порядке. — М.: Труд и воля, 1906; Дживелегов А.К. Права и обязанности граждан в правовом государстве. — М.: Труд и Воля, 1906.

** См., например: Дживелегов А.К. Крестьяне в революциях сорок восьмого года. — М.: Труд и Воля, 1906; Дживелегов А.К. Голодовки в Средние века. — М.: Труд и Воля, 1906.

О свободе личной и общественной как необходимом условии жизни современного общества говорит Дживелегов-публицист. «Городской воздух делал человека свободным», — повторяет несколько раз на страницах «Средневековых городов...» принцип средневекового права Дживелегов-историк. Но свобода горожанина средневекового города — это «...не та свобода, которую знает и ценит современный человек; в Средние века пьедесталом этой свободы была не отвлеченная идея человеческого достоинства, а практическая идея экономического удобства». Свобода же Дживелегова-публициста — орудие современных социальных преобразований, где уже каждый человек должен обладать свободой как средством своей реализации. Такова универсальность Дживелегова — видение современных проблем общества в их историческом развитии.

Особое место в работах А.К. Дживелегова в эти годы занимает армянский вопрос. Еще в публикациях «Русских ведомостей» Дживелегов исследует эту тему в контексте взаимоотношений Османской и Российской империй, а одна из опубликованных статей, посвященная владениям армянской церкви, даже способствовала пересмотру указа об имуществе армянской церкви. В продолжение данной темы вскоре выходит небольшая работа «Армяне в России» (М.: Труд и Воля, 1906) — одно из первых исследований на тему прошлого и настоящего армянской диаспоры в Российской империи.

Этнографические мотивы, а скорее понимание автором сложности и противоречивости национальных вопросов в европейском масштабе, нашли свое отражение и на страницах «Средневековых городов...». Отдельная глава в этой работе и в ее непосредственном продолжении «Торговле на Западе в Средние века» касалась роли евреев в истории торговой политики городов.

Во время первой мировой войны А.К. Дживелегов возглавляет информационный отдел Всероссийского союза городов, становится членом объединенного комитета городского и земского союзов — организаций, оказывающих помощь больным, раненым и беженцам и участвующих в снабжении русской армии. Вскоре Дживелегов входит в Центральный Комитет партии кадетов (1916 г.), а после февральской революции участвует в работе московского Государственного совещания (авг. 1917 г.) и избирается депутатом российского парламента (окт. 1917 г.) от партии кадетов. Не оставляет в эти военные годы Алексей Карпович и преподавательской работы. В 1915 он читает лекции в Нижегородском народном университете, в 1916 — в Народном университете А.И. Шанявского в Москве*.

Тема Германии в эти годы находит свое выражение в нескольких работах Дживелегова. В фундаментальной двухтомной «Истории современной Герма-

* См. подробнее о творчестве А.К. Дживелегова и его жизненном пути: Девятова Ю.Н. Триумф и трагедия отечественного либерализма. Жизненный путь и эволюция общественно-политических взглядов А.К. Дживелегова (1875–1952) // Армянский вестник. — №3–4. — 1998; Девятова Ю.Н. Алексей Карпович Дживелегов // История России. Биографии // Под ред. А.А. Чеботарева. — М., 2001. — С. 540–548.

нии. 1750–1910». (СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1908–1910) и в «Немецкой культуре и войне» (М.: Т-во И.Н. Кушперов и К°, 1915).

Заметим, что и в «Средневековых городах...» значительное место уделяется именно немецким городам, что признает и сам историк. Но тому есть объективные причины: более богатая и систематизированная историография, способствовавшая анализу социально-статистических данных (количество населения средневековых городов, его рост или убыль по тем или иным причинам, данные по количеству торговых и сословных представительств в городах и т. д.) — важного условия при социально-экономической методологии как концептуальной основы «Средневековых городов...».

Работа «Средневековые города в Западной Европе» задумывалась А.К. Дживелеговым в продолжение выпущенной несколько ранее брошюры «Городская община в Средние века. Некоторые новые теории о происхождении средневековых городов» (СПб., 1901). Но в отличие от этой работы, где предметом рассмотрения были теории эволюции городской общины в последних европейских исследованиях, проблематика «Средневековых городов...» шире: здесь находит свое место сравнительный анализ торговых союзов городов, различных европейских хартий, внутреннего устройства городов и цеховой организации. Взяв за основу рассмотрения четыре страны (хотя первоначально планировалось выстроить более широкую картину европейских городов): Англию, Францию, Италию и Германию, Дживелегов показывает город как, в первую очередь, торговый средневековый механизм. Ведь без торговли средневековый город «...никогда бы не сделался городом; в нем никогда не появилось бы специальное городское право; поземельные отношения в городе никогда не сделались бы тем социальным чистилищем, пройдя которое крепостной утрачивал клеймо зависимости; суд и управление не выработали бы тех форм, на которых лежит печать нового времени; сеньориальный режим еще долго не поддавался бы усилиям своих противников».

Надо сказать, что отечественная историография по вопросу средневекового города в начале XIX века насчитывала лишь несколько работ так или иначе касающихся этой темы. Среди них можно назвать работы А.Н. Смирнова «Коммуна средневековой Франции» и Ф.Я. Фортисского «Приморские венецкие города и их влияние на образование ганзейского союза». Поэтому А.К. Дживелегов значительный акцент делает на анализе западных работ, среди которых справедливо выделяет монографию Карла Гереля, сына знаменитого немецкого философа, «*Städte und Gilden der Germanischen Völker im Mittelalter*» («Германские города и гильдии в Средние века») с точки зрения богатства ее фактологической базы и широты анализируемого материала. В ней автору удается рассмотреть историю городов в Англии, Скандинавских странах, Нормандии, Северной Франции, во всех частях Нидерландов и в части Германии.

Интересным для современного читателя представляется и другое. С методологической точки зрения «Средневековые города...» выстроены на основе сравнительно-экономического подхода — одного из новых и популярных направлений исторической методологии на рубеже XIX–XX веков. И делая основной своей работы такой подход, А.К. Дживелегов исследует отдельный элемент исторического наследия — европейский город. Поэтому совсем по иному звучат в этой работе правовые, общественные, торгово-экономические оценки жизни средневекового города — к этой общеевропейской сравнительной характеристике сознательно стремится автор.

Иdea такой систематизации материала и структура его подачи уже в этой работе А.К. Дживелегова становятся основой для дальнейшего исследования более частных моментов жизни средневекового города — системы торгово-экономических отношений, чему будет посвящена одна из последующих работ А.К. Дживелегова, методологическое и концептуальное единство с которой неоднократно подчеркивает и сам автор в тексте «Средневековых городов...»*.

«Средневековые города в Западной Европе» были написаны А.К. Дживелеговым специально для серии исторической литературы «История Европы по странам и эпохам в Средние века и новое время», которую под редакцией профессоров И.И. Кареева и И.В. Лучицкого выпускало в начале прошлого века одно из авторитетнейших издательств в области научной и энциклопедической литературы — Акционерное общество «Брокгауз-Ефрон». Для издания этой серии были привлечены самые известные представители отечественной исторической науки: В.И. Герье, И.М. Гревс, Е.В. Тарле, Д.М. Петрушевский, С.Ф. Фортунатов и др. Формат научно-просветительской серии позволял авторам не только давать читателю богатейший фактический материал, опирающийся на последние историографические достижения европейской и отечественной исторической науки того времени, но и вводить принципиально новые методологические разработки, подтверждением чего служит и историко-экономический проект в этой серии А.К. Дживелегова, который и отразился переиздаваемая сейчас работа «Средневековые города в Западной Европе».

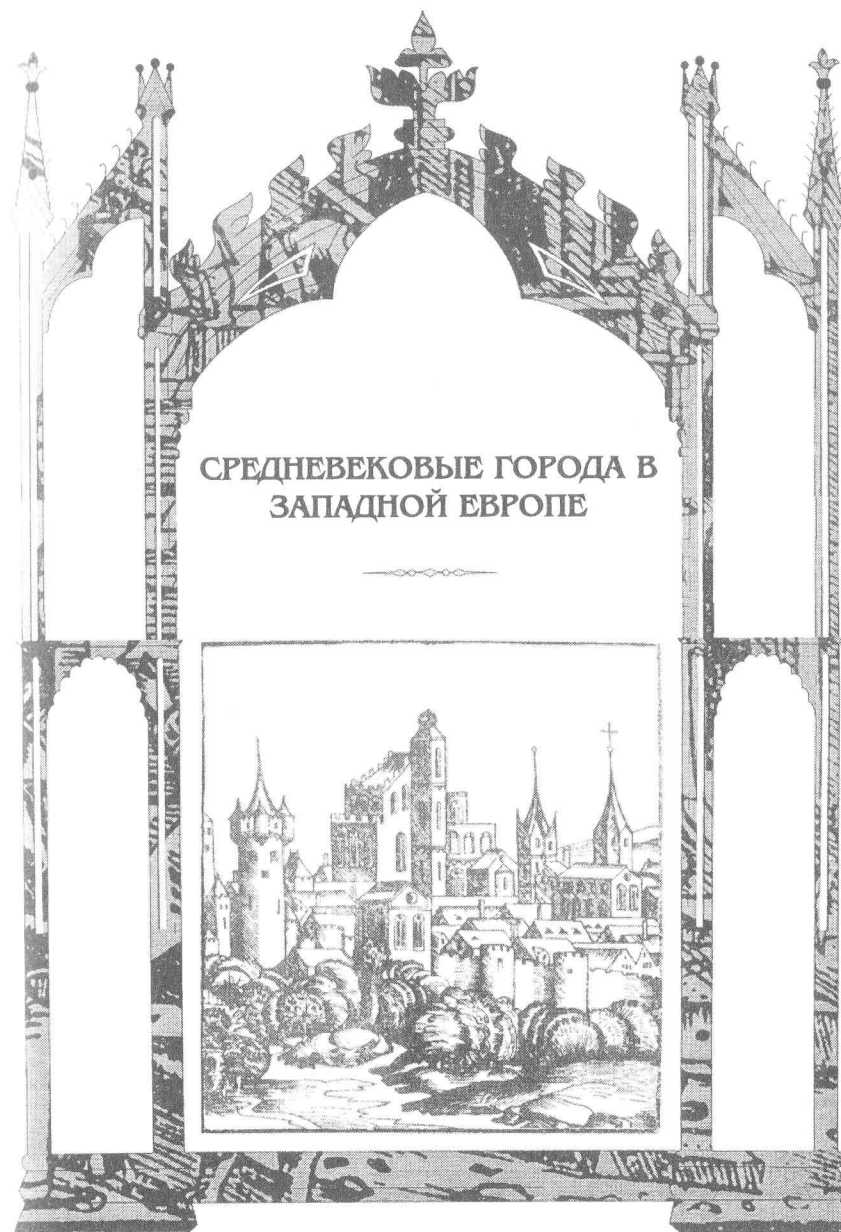
Посмотрев на прошедшее с момента выхода в свет книги А.К. Дживелегова работы и несомненные достижения исторической науки в контексте исследования европейских городов, работа А.К. Дживелегова не теряет своей научной ценности. Богатый фактологический материал, иллюстрирующий жизнь городов, четкая и ясная концепция изложения автором системы организации городской жизни — несомненные достоинства этой работы.

* См. Дживелегов А.К. Торговля на Западе в Средние века. — СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1904. (История Европы по странам и эпохам в Средние века и новое время).

Остается добавить, что при подготовке данного издания редакция привела публикуемый текст в соответствие с современными орфографическими и пунктуационными нормами, оставив в неприкосновенности стиль речи автора и особенности его словоупотребления. Предлагаемое издание дополнительно снабжено комментариями и указателем имен.

Отдельную благодарность редакция и автор статьи выражают Сергею Львовичу Клименкову, всесторонне содействовавшему своими советами подготовке настоящего издания.

Дм. Бутко

ПАМЯТИ Карла Гегеля, исследователя, больше всех содействовавшего своими трудами разработке истории средневековых городов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Года полтора назад я напечатал под заглавием «Городская община в Средние века» книжку, посвященную изложению некоторых новых гипотез о происхождении средневековых городов¹. Сочувственный прием, сделанный ей в специальной и общей печати показал, что русская читающая публика нуждается в работах подобного рода и побудил меня взяться за составление более систематического очерка по истории средневековых городов. Выпуская его в настоящее время, я считаю необходимым предпослать ему несколько замечаний, объясняющих план и прием моей работы.

Приступая к ней, я имел намерение дать не совсем то, что теперь предлагается вниманию читателя. Предполагалось составить очерк истории городов во всех странах Европы, причем главное место должен был занимать прагматический рассказ; кроме того, в книгу должна была войти самостоятельная глава, посвященная городским союзам. Такой план и редакция, и я считали более соответствующим для целей той серии исторических очерков, в которую входит книга. Но его пришлось оставить, так как при этих условиях книга грозила разрастись, по крайней мере, втрое против намеченных размеров. Поэтому мой план изменился. Прагматический рассказ я вынужден был свести до минимума, а самый очерк ограничить только четырьмя главными странами: Италией, Францией, Германией и Англией. В этих пределах я по мере сил старался дать ясное и до-

ступное изложение сложного вопроса о росте средневекового города в Европе.

Однако это оказалось много труднее, чем предполагал я сам. Историк-популяризатор только в том случае может надеяться на более или менее успешное выполнение своей задачи, если наука предлагает ему готовые результаты. Вот этого-то условия у меня как раз не было.

Начать с того, что в западной, не говоря уж о русской, литературе нет ни одного сочинения, которое охватывало бы историю городов в главных странах средневековой Европы. Книга Гюльмана², вышедшая в 20-х годах XIX столетия, успела сильно устареть, а капитальный труд Карла Гегеля³ трактует только о германских странах, написан по своеобразному плану и не мог быть поэтому положен в основу моего изложения. Таким образом, сравнительно историческую работу мне пришлось проделывать частью самостоятельно. Но здесь явилось другое затруднение. История городов разработана для разных стран крайне неодинаково, и не всегда было легко сопоставлять отдельные моменты развития у различных народов. Лучше всего исследована история немецких городов. Немецкая наука ставит и так или иначе разрешает целый ряд определенных политических, юридических, экономических вопросов имеющих отношение к истории городов. И я пытался приложить масштаб, выработанный немецкими учеными к истории городов других стран. Но это далеко не всегда оказывалось возможным: в литературе по истории не немецких городов и многие крайне существенные вопросы нет никакого ответа. Там, где это объясняется различием условий, это вполне понятно, но в тех случаях, где условия складывались одинаково и ответ требуется самой логикой фактов, историк-популяризатор оказывается прямо в безвыходном положении. Он не и следовательно, не может дать того, чего не дает наука, а наука молчит. Подобного рода пробелы особенно многочисленны начальной истории городов.

Дальнейшее затруднение заключается опять-таки в свойствах литературы предмета. По истории городов, особенно немецких, в последние 10—12 лет написано очень много, но в качественном отношении литература оставляет желать лучшего. По многим важным вопросам до сих пор идут споры, и согласия в близком будущем не предвидится. Поэтому и тут мне иногда приходилось избирать правильную точку зрения самостоятельно, руководствуясь теми немногими изданиями подлинных актов, которые я мог найти в России. Иногда я прибегал к существующему мнению; в этом отношении я особенно обязан трудам Карла Гегеля; но иногда это оказывалось невозможным, и мне приходилось выбирать среднее положение между двумя крайними мнениями и комбинировать несколько гипотез. Об этой подготовительной работе читатель, конечно, не узнает. Размер и характер книги принуждали меня давать только выводы; но я старался быть по возможности менее догматичным. Свойства материала таковы, что историк постоянно испытывает искушение превратить исторический очерк в социологическую схему; этого я избегал изо всех сил и поэтому старался быть возможно более щедрым на фактические иллюстрации, подчеркивающие различие в ходе процесса в разных странах.

Что касается общих взглядов на эволюцию городского строя, то я и теперь придерживаюсь той точки зрения, которая изложена в предисловии к моей первой книжке, и считаю хозяйственные отношения основой всего городского развития. Но в то же время я не могу закрывать глаза и на другие факторы и не склонен переоценивать значение рынка в процессе роста городов, как это делают многие немецкие ученые, в том числе лучшие авторитеты по истории германского права: Бруннер, Том, Шредер и Амира.

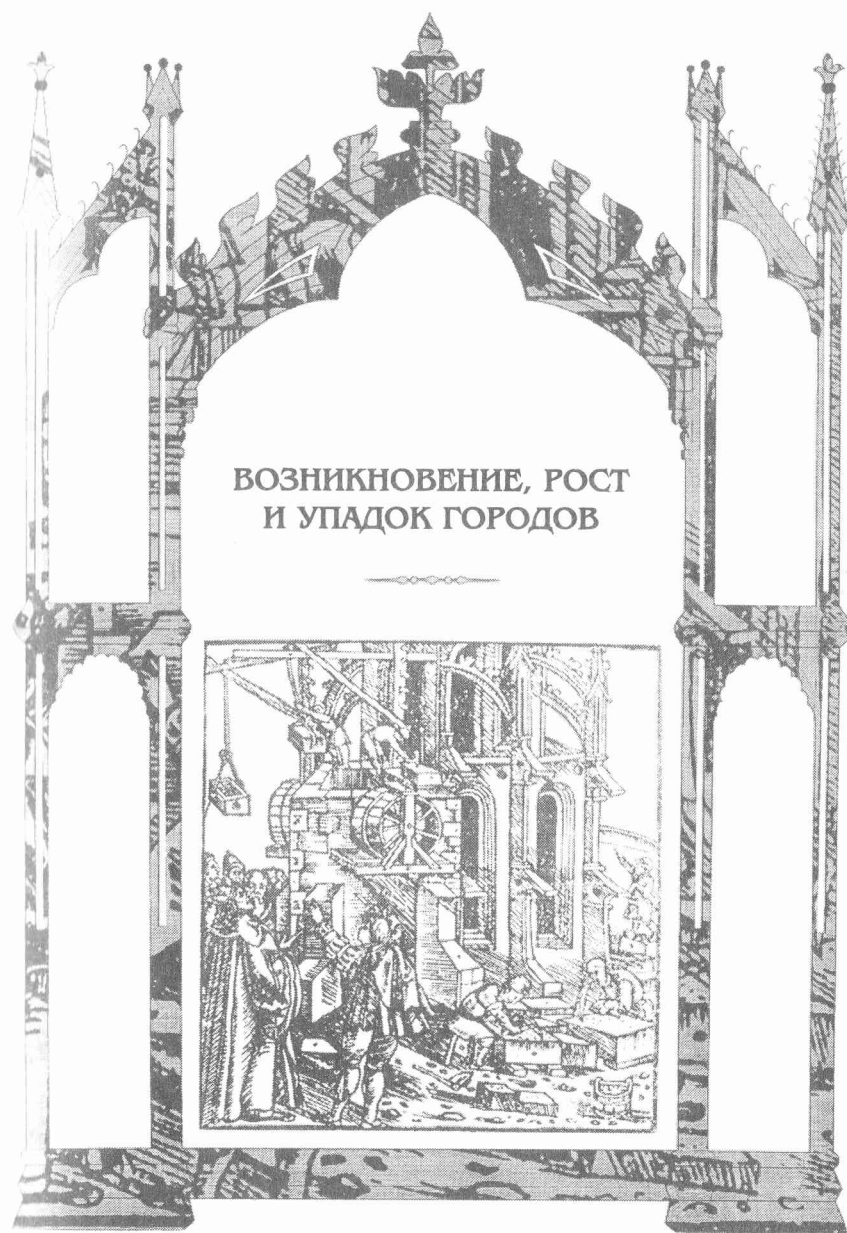
Еще два слова о хронологических пределах книги: изложение устройства римских городов не включено в нее частью вследствие недостатка места, частью потому, что в настоящей

серии появится самостоятельная работа о Римской империи. Заключительной же даты у меня не могло быть. С термином «Средние века» еще приходится мириться, ибо он слишком прочно привился в обиходной исторической терминологии, но понятие, обнимаемое им — явно ненаучно. Ни исходной, ни заключительной даты этого периода наука не знает: о них можно лишь условливаться⁴. Поэтому я доводил изложение до такого пункта, который подсказывался в разных случаях самими фактами; я заканчивал его там, где средневековые города теряли свои отличительные признаки.

Моя книжка не претендует ни на оригинальность, ни на полноту: я прекрасно знаю, что многие вопросы, которые представляют научный интерес, мною обойдены, знаю, что не мог дать столько фактов, сколько бы мне хотелось. Но с этим обстоятельством я поневоле должен был примириться. Книжка является одной из серии ей подобных⁵, и то, чего недостает в ней, читатель восполнит по другим.

*А. Д.
25 марта 1902 г.*

- ⇒ Римские города и связь с ними средневековых
- ⇒ Влияние варварских набегов на рост городов
- ⇒ Феодалные неурядицы и их влияние на рост городов
- ⇒ Хозяйственный переворот XII–XIV веков, возрождение торговли, появление рынков. Влияние экономических условий на дальнейший рост городов
- ⇒ Освобождение городов в Италии и на юге Франции
- ⇒ Коммунальная революция в Северной Франции. Города буржуазии и «новые» города
- ⇒ Свободные города в Англии
- ⇒ Процесс освобождения в Германии
- ⇒ Политическое положение средневековых городов в разных частях Европы
- ⇒ Города и феодальный строй. Упадок средневековых городов

История средневекового города представляет собою сложный процесс, начало которого теряется в туманной дали раннего Средневековья. Наука после долгих изысканий, после многих лет, прошедших в спорах, сумела составить себе довольно ясное представление о том, что такое средневековый город в цветущую пору своей истории. Но чем дальше подвигаемся мы к исходной точке этой истории, тем больше встречаем затруднений. Затруднения порою так велики, что приводят в полное отчаяние некоторых из наиболее нетерпеливых историков; один французский ученый даже не хочет попытаться проникнуть взором в то время, когда зарождались в Европе новые условия городской жизни. Однако упорный и настойчивый труд, положенный в дело исследователями, позволяет в настоящее время говорить об условиях возникновения городов, если не с определенностью, то, по крайней мере, с большей вероятностью. При некоторой осторожности, как кажется, не будет чересчур оптимистично утверждать, что главные вопросы, связанные с про-

исхождением средневековых городов, находят довольно удовлетворительное разрешение.

Тут с самого начала необходимо строго различать несколько коренных вопросов. Как возникали средневековые города? Какие причины способствовали распространению и развитию городов? Откуда произошли городские учреждения? Под какими влияниями сложились основные условия городской жизни? Все эти вопросы совершенно различные, и значительная часть ошибок, в которые впадают чересчур торопливые исследователи, неосторожно старающиеся покончить с вопросом о происхождении городов одним ударом, происходят оттого что они сваливают все эти и многие другие вопросы в одну кучу и путаются поэтому в действительно трудно разрешимых вопросах.

Пока мы должны будем заняться только первыми двумя вопросами; рассмотрение их осветит начальный период внешней истории городов.

Римские города и связь с ними средневековых

Когда переселение варваров влило струю свежей крови в одряхлевший организм Европы, то в прошлой ее истории уже был блестящий период городского развития; он принадлежал целиком Римской империи. В новой культуре, которая постепенно выросла из слияния римских элементов с варварскими, городским отношениям также суждено было сыграть огромную роль. Поневоле напрашивается вопрос: есть ли какая-нибудь связь между этими двумя переходами городского развития, и если есть, то какая? Постановка такого вопроса кажется, по видимому, еще более необходимой потому, что в первоначальной истории варваров нет и следа городов; о некоторых племенах со слов римских писателей было известно, что они даже ненавидят города, что им тесно в городских стенах.

Поэтому когда вопрос о происхождении городов стал разрабатываться научным путем, то за разъяснением его прежде всего обратились к римским условиям и стали пытаться из них

объяснить историю городов в Европе. В настоящее время никто не смотрит на римский муниципальный строй, как на источник средневекового, но тем не менее вопроса об отношении между собою того и другого обойти невозможно. Он только ставится не так широко, как прежде. В чем сказывалось влияние римских городов на средневековые? Как широка была сфера этого влияния?

Вот два коренных пункта, без освещения которых будет непонятно многое в первоначальной истории средневековых городов.

Связь, несомненно, существует. Колонизаторская система римлян была в общем одинакова, начиная от первых завоевательных шагов вне Лациума¹ и кончая последними моментами их военного могущества. В области, подчинение которой имелось в виду, каждый крупный шаг вперед ознаменовывался постройкой укрепления; укрепления эти получали римскую муниципальную организацию. Основы при выборе места для укрепления были различны. В Галлии², например, где римляне нашли целую сеть независимых друг от друга областей, для колонии выбиралось наиболее значительное из племенных поселений. Большинство городов Галлии, восходящих к первому веку римского владычества, имели именно такое происхождение. В Англии римское влияние тоже оставило большие следы. От римлян осталось большое количество городов: Лондон, Йорк, Линкольн, Бат и многие другие. Достаточно припомнить, сколько английских городов оканчиваются на *chester*, чтобы судить о многочисленности римских укрепленных лагерных стоянок, превратившихся позднее в города. В Германии можно констатировать несколько способов основания римских городов. Там наперечет известны племенные поселения, превращенные в римские города. Если считать колонии, основанные и на кельтической почве, то всех будет одиннадцать: Мец, Трир, Тонгр, Вормс, Шпейер, Аугст, Аугсбург, Хур, Брегенц, Кемптен, Зальцбург. Другая группа городов возникла в разное

время из лагерных стоянок, утративших свое значение. Это — Кельн, Страсбург, Ксантен, Базель, Майнц. Еще одна группа, самая многочисленная, возникла подле крепостей. Сюда относятся, между прочим; Цюльних, Битбург, Нимвеген, Крейцнах, Бонн, Регенсбург, Пассау, Цюрих, Кобленц.

Все города первых двух категорий и некоторые из последней получили римское муниципальное устройство; городской округ назывался *civitas*; позднее этот термин употреблялся в применении к собственно городу, хотя техническое обозначение его было *urbs*; названием мелких городов было *municipium* или *oppidum*; термин — *colonia*, необходимый в первое время для юридического разграничения городов, пользующихся полным и неполным муниципальным правом, сделался излишним после реформы Каракаллы, даровавшей право римского гражданства всем жителям империи³. В противоположность *oppidum*, обозначавшему всякое обнесенное стенами место, *castrum* обозначало специально военное укрепление.

Такое устройство было распространено всюду, куда доходило римское господство: в Галлии, Испании, Британии, в рейнских и дунайских провинциях, но его не знали внутренние области Германии и Скандинавские страны. Так что если ставить вопрос о влиянии римского муниципального устройства на средневековое, то прежде всего придется сильно ограничить сферу исследования территориально. Говорить же о том, что незатронутые романизацией области могли заимствовать римские порядки из романизованных, едва ли необходимо. Как раз в тех провинциях, откуда можно было бы ожидать распространения римского влияния, муниципальное устройство успело окрепнуть только к началу V века, а к этому времени с востока началось передвижение варваров, то самое, которое оказалось роковым для империи. Оно же разрушило и римские основы муниципального быта. Исчерпанных сил могучей державы на этот раз не хватило для отражения врагов. В конце 406 года вандалы⁴, аланы⁵ и свевы⁶ перешли Рейн, бурным потоком пронеслись че-

рез Галлию и разлились по Испании, вслед за ними бургунды⁷ заняли Эльзас, алеманны⁸ наводнили так называемые десятинные поля. Потом вестготы⁹ получили позволение занять Аквитанию¹⁰; еще через несколько десятилетий пришли гунны¹¹. Нетрудно себе представить, что должны были перенести римские провинции за первую половину V века. Римские города, конечно, страшно пострадали. Св. Иероним жалуется в 409 году: «Майнц, прежде роскошный город, взят и разрушен. Реймс, Амьен, Арра, Турне, Шпейер, Страсбург — захвачены германцами. В альпийских странах и по Дунаю после Тридцатилетней войны только немногие старики помнят свободные времена...» Несколько десятков лет спустя Сальвиан оплакивает гибель римской культуры: «Уж не будут больше даны игры в майнцском цирке, потому что город разрушен и уничтожен, не будут они устраиваться и в Кельне, потому что он полон врагов, не увидит их и пышный Трир, потому что от него ничего не осталось после четырехкратного опустошения, прекратились они и во многих городах Галлии и Испании». Оба писателя еще не знают о нашествии Атилы; поход гуннов на Орлеан еще больше усугубил бедствия страны. В числе многих других городов особенно пострадал Мец. Что касается додунайской полосы, где устроили свое гнездо гунны, то там царило полное запустение.

В конце V века рейнские провинции и Северная Галлия были заняты франками¹², и владычество Рима пало окончательно. Приблизительно в это же время остготы овладевают Италией, вестготы — Испанией; в Британии еще раньше устроились англсы¹³, саксы¹⁴ и готы¹⁵. На развалинах римских учреждений постепенно устанавливается новый строй; провинции дробятся на племенные государства; внутри каждого производится новое деление, которое лишь в очень незначительной степени опирается на римское; меняется социальная группировка, вся жизнь входит в новое русло. Словом, начинается тот процесс варваризации общества, который определил на много веков ход развития Западной Европы.

Что же случилось с городами при новых условиях? Часть их была разрушена, а жители зачастую даже не решались вновь их отстраивать, ибо никто не мог им поручиться, что в ближайшее же время не нагрянет новый враг. Так города и лежали в развалинах в ожидании более спокойных времен. Другая часть сохранилась, но в них происходил внутренний процесс, который привел к полной гибели римских муниципальных учреждений. Из тех племен, которые получили свои земли от Рима по любовному соглашению, у вестготов, бургундов и др., этот процесс совершался медленнее, у тех, которые захватили наследие Рима силою оружия — быстрее; но результаты всюду были одни и те же. В первое время еще названия напоминали о времени римского господства, но под этими названиями скрывались уже совершенно другие отношения. *Curia*, прежний городской сенат, стала обозначать двор знатного лица, *consul* сделался графом и проч., и проч. Вместо римской *civitas* появляется *pagus* — территориальный округ, находившийся в заведывании королевского чиновника, графа. Народ делится на сотни, у которых свои выборные. Над исконным римским населением становится германское в качестве более благоприятствуемой законом расы.

Городам тем более грозил полный упадок, что основная тенденция завоевателей, народа земледельческой культуры, оттягивала население в село; только в Италии и Южной Франции это явление было менее заметно. Но города были спасены от полной гибели одним условием.

В германских племенных государствах получило большое значение христианство. Особенно важную роль пришлось сыграть ему там, где, как у франков, оно было принято не в арианской¹⁶, а в ортодоксальной форме. Христианство и его носительница церковь служили живой связью между современными и римскими порядками. В последние века римского господства церковь уже успела отвоевать себе очень обширный, далеко выходящей за религиозные вопросы, круг деятельно-

сти. В то время как политическая власть римских императоров в своем стремлении регламентировать все функции общественной жизни давила население провинции и беспощадно выжимала из него все соки, церковь и ее представители, епископы, являлись носителями совершенно другого принципа, морального. Чиновник, губернатор назначается свыше, тем самым императором, которому население привыкло приписывать все свои невзгоды; епископ выбирается самим обществом и уже потому ближе ему. И авторитет епископа мало-помалу увеличился настолько, что сама императорская власть должна была прибегнуть к нему, чтобы сделать из него как бы посредника между собою и населением. Во второй половине IV в. в городах появляется новая должность; это — *defensor civitatis*, защитник города; она вручается епископу, и он таким образом вводится в круг государственных чиновников. Но от этого характер его деятельности не меняется; наоборот, теперь он получает возможность действовать от имени власти и потому более свободно. И *defensor* вполне оправдывает свое название; он защищает население от произвола фискальных чиновников, охраняет слабых и неимущих от насилия богатого и сильного и проч. Резиденцией епископа был непременно город. Этому положительно требовали постановления Лаодикейского и Сардикского соборов¹⁷, запрещавшие основывать епархии в селах. Диоцезы¹⁸ епархий совпадали с городскими округами (*civitas*).

Когда римское владычество сменилось франкским, то должность *defensor*'а сохранила свое прежнее значение, но, по видимому, она была отнята от епископа и передана графу, который, разумеется, относился к своим связанным с нею обязанностям далеко не так, как епископ. Поэтому и эта должность, последняя из римских муниципальных должностей, скоро исчезла. Но епископская власть от этого не потеряла, ибо функции *defensor*'а фактически остались за нею. Округ (*pagus*, *Gau*), сменивший *civitas*, по-прежнему совпадал с диоцезом, что было крайне важно, как для покоренного населения, так и

для новых прозелитов христианства. Столицей округа была резиденция епископа, который бок о бок с графом продолжал свою работу: строил церкви, всегда появлялся в нужную минуту, чтобы утешить гнев кого-нибудь из власть имущих, не исключая и короля, защищал слабых и даже заботился о хозяйственных нуждах населения. Для королевской власти деятельность епископа была тоже важна, ибо он и теперь, как в последнюю пору империи, служил посредником между королем и народом. К резиденции епископа были обращены взоры всех, и этой резиденцией был город.

Епископы спасли римские города в меровингскую эпоху¹⁹, но римских элементов в этих городах оставалось очень немного. Это приходится сказать не только про области, занятые франками, но даже и про лангобардскую Италию, где хоть тень римских учреждений дожила до франкского завоевания. Варвары не трогают римского областного деления и по его образцу выстраивают свое. Сохраняют стены, башни, ворота городов, берегут постройки, потому что они кажутся им нелишними, но всюду в городах заводят свои порядки. Словом, внутренняя связь между римскими муниципиями и варварскими городами совершенно исчезла. Стены старые, но в них новая жизнь*.

Влияние варварских набегов на рост городов

Каролингская эпоха²⁰ принесла мало существенно нового городам. Старые епископские резиденции оставались, и так как Карл Великий подтвердил постановление Лаодикийского и Сардикского соборов о том, что только город, *civitas* или *urbs* могут быть такими резиденциями, то всякая новая епископия, основанная где бы то ни было, немедленно возводила местопребывание епископа в ранг города. И такое превращение не оставалось простой фикцией. Новооснованная резиденция об-

* В своем месте будет рассмотрен более благоприятный для сторонников римского происхождения вопрос о социальных отношениях в городе.

водилась валом; вокруг вала собиралось окрестностное население, которому было более безопасно жить под его охраной и под защитой церкви. Щедрые земельные приношения благочестивых королей скапливали в руках церкви все больше и больше владений; эти владения, равно как и жившие на них люди, обыкновенно получали иммунитет. Все это — такие условия, которые по тому времени редко соединялись вместе иначе; поэтому епископские города развивались довольно ускоренными темпами.

Была и другая причина, которая, хотя и в гораздо меньшей степени, но все же способствовала росту городов. Эта причина — подвижность каролингской императорской резиденции. Первое время царствования Карла Великого у него не было постоянной столицы. Непрерывные войны, требовавшие всюду его личного присутствия, заставляли его то и дело менять свое местопребывание. Здесь были его дворцы-*palatia*; но далеко не каждый такой *palatium* делался городом. Правда, часть их помещалась уже в существующих (римских) городах, например в Трире, но как и сам Карл, так и его преемники не особенно любили жить в епископских городах. Поэтому, когда к концу своего царствования Карлу пришлось выбирать постоянную резиденцию, то он не избрал ни Кельна, ни Трира, ни Майнца, а остановился на Ахене; при его преемниках выдвинулись другие дворцы: Франкфурт, Регенсбург и др.; те из них, которые еще не были городами, стали постепенно приобретать такое положение.

Но за всеми этими причинами скрывалась причина гораздо более общего характера. Она начинает уже обнаруживаться и при Карле Великом, но вполне отчетливо разглядеть и оценить ее становится возможно только через несколько поколений после смерти великого императора. Это — необходимость военной защиты.

Уже в каролингскую эпоху терминология населенных пунктов начинает путаться. Куда исчезло довольно строгое разгра-

ничение римской эпохи? Теперь город наряду с *civitas* и *urbs* очень часто называется *castrum*, *castellum*, *burgus*; по немецки термин *burg*, т. е. огороженное, укрепленное место, становится даже единственным; в немецких текстах называются бургам Иерусалим, Вифлеем и вообще всякий город. Откуда же это взялось? Очевидно, смысл существования города стали видеть, главным образом, если не исключительно, в его укреплениях. И нетрудно догадаться, почему произошла такая эволюция в сознании общества.

Железная рука Карла Великого умела удерживать напор враждебных племен на империю; частью они были отражены, частью покорены; благодаря этому в направлении движения произошли некоторые изменения; обычный путь на запад был прегражден победоносным войском Карла; стали искать и нашли другие выходы, и прежде всего обратились к морю. Внутри государства тоже господствовал относительный порядок. Своеволие баронов находило узду, и гнев императора устрашал самых строптивых и необузданных. Но то, что было легко для Карла, то для его преемников оказалось делом совершенно непосильным. Монархия Карла Великого — это в сущности организованная коалиция племен в целях защиты. Такую постановку своей задачи Карл унаследовал от своих предшественников и без оговорок принял ее. Орудием для выполнения этой задачи было создание двух сильных политических элементов: аристократии и церкви. Положение дел требовало этого, но Карл едва ли сознавал, что таким героическим средством в корне подрывается государственная идея. Его преемникам и довелось испытать оборотную сторону его политики, когда и знать, и церковь, усилившаяся благодаря поддержке свыше, обнаружили свою антигосударственную тенденцию.

Внутреннее разложение империи Карла Великого привело и к ослаблению ее извне. Острая внешняя опасность казалась исчезнувшей, и коалиция распалась. Верденский договор 843 г. был только завершением внутреннего процесса²¹. Распадением

империи воспользовались старые и новые враги, и прежде всего норманны²². Смелые мореплаватели, они не пропустили ни одной большой французской реки, чтобы не проникнуть по ней внутрь страны. Не будет никакого преувеличения, если мы скажем, что они прошли всю Францию из конца в конец. По Гаскони они доходили до Пиренеев, по Лангедоку до Тулузы и Нима, по Провансу до Арля; Дофине и Овернь, Шампань и Бургундия также подвергались их набегам. И набег не прекратился даже после уступки Нормандии²³. Норманны посещали и немецкие реки. Записан ранний набег по Маасу и Рейну (822 г.). Арабы после завоевания Сицилии пытались счастье и на юге Франции и успели в 889 г. почти на целое столетие (до 975 г.) утвердиться в Провансе, в крепости Фрессине, и держали оттуда в страхе не только Прованс и Дофине, но и Савойю и даже часть нынешней Швейцарии. Наконец мадьяры²⁴, которым всю жизнь не переставал платить дань победитель при Мерзебурге, были грозой и для жителей Восточной и Средней Франции в течение всей первой половины X века. Для Англии это условие тоже существовало в виде набегов датчан.

Каковы же были результаты этого условия в интересующем нас отношении? Естественно, что набег сопровождался страшными опустошениями и массовым избиением людей. Население не могло найти защиту у королевской власти, потому что она была крайне слаба, и попытка Генриха Птицелова организовать отпор мадьярам силами государства, несмотря на временный успех, окончилась неудачно. А во Франции королевская власть при последних Каролингах и при первых Капетингах²⁵ была куда слабее власти хотя бы того же Генриха I в Германии. Между тем организовать защиту собственными силами общество тоже не могло. Выше было замечено, что отличительной особенностью германского быта было преобладание земледелия; поэтому завоевание римской территории сопровождалось отливом в село, а уцелевшие города на первых порах сделались совершенно лишними в установившемся строе

жизни и были спасены лишь епископами. Теперь любовь к земледелию и система открытых сел и поместий подверглась большому искусству. Совершенно невозможно подсчитать, сколько сел было разорено во время вражбых набегов и сколько земледельцев перебито или уведено в неволю. И понятно почему. Населению некуда было укрыться от врагов. Стен не было, а крепкие стены одни могли оказать защиту, потому что ни норманны, ни мадьяры не любили терять времени на осаду и, пограбив кругом, спешили дальше к более легкой добыче.

Вот почему по всей немецкой, английской и французской территории началась постройка укреплений в той или иной форме и о надежных римских городах пришлось сильно пожалеть. Во французских поместьях вместо открытой усадьбы появился крепкий замок, некоторые из поместий превращаются в настоящие укрепления. Для замков пригодились старые заброшенные римские *castella*. Села устраивались в некоторых случаях иначе; в особенно счастливых условиях были те из них, поблизости от которых находились развалины старого римского города. *Castellum* последнего очень нередко оставался целым; в него и прятались обыкновенно при приближении врага; а в тех случаях, когда и цитадель бывала разрушена, наспех возводили новые укрепления из обломков стены римской *civitas*. Так как набеги отличались большим постоянством, то по миновании первой опасности немедленно принимались либо за реставрацию существующего, либо за сооружение нового укрепления. За образцами ходить далеко не было нужды: они были перед глазами. Подновленное укрепление называлось *castellum* или *burgus*, новое — *castrum*; последний был устроен на манер римского *castra stativa* и часто снабжался внутренней цитаделью. Нередко тут же группировались укрепленные церкви или монастыри*, все сооружение украшалось башнями, и элементарный город был готов.

* Монастыри, кстати сказать, повсеместно укреплялись с самого основания. Исключения крайне редки.

И в Германии мы встречаем почти буквально тот же процесс. И там развалины римских городов служили в одно и то же время образцами и материалами, но область римской оккупации была невелика и ограничивалась Рейном на западе и Дунаем на юге. Во всей остальной территории приходилось строить укрепления заново. Естественно, для таких укреплений и выбирались более удобные места, где уже существовал двор какого-нибудь сеньора, или просто более или менее значительное село. Эти укрепления и назывались бургамы (*burgus*, *Burg*). Один Генрих I настроил их целый ряд по восточной границе. В Германии в большей степени, чем где бы то ни было, укрепления, хотя бы самые элементарные (вал с частоколом или даже без него и ров), являются отличием города от села; как увидим ниже, укрепление приобретает большое юридическое значение, но, по-видимому, на первых порах для этого не требовалось непременно внешней ограды, а достаточно было простой внутренней цитадели. Позднее сделались необходимы внешние стены.

В Англии в саксонскую эпоху этот процесс еще заметнее. Тут условия военной обороны тем существеннее, что римская оккупация не оставила даже тех следов, которые она оставила в Германии. В Англии история города прямо начинается с крепости. В этом отношении никто не сделал для страны столько, сколько Альфред Великий. Судьба заставила его вынести на своих плечах всю тяжесть борьбы с датчанами, и он понял, что остановить их можно только при помощи полной реорганизации военного дела. Какова была эта реорганизация в целом, нас здесь не интересует. Укажем только на одну ее сторону. Альфред, подобно Генриху Птицелову в Германии, во всех наиболее опасных пунктах настроил крепостей (*burh*, *burgh*, т. е. укреплений, поздн.: *borough*); и от этих крепостей пошло большинство старых английских городов.

Италия в этом отношении стоит в значительной степени особняком. Классическая страна городской культуры, она таковой

и осталась при готском и лангобардском владычестве. Часть городских укреплений была разрушена, главным образом, при нашествии лангобардов, но и лангобардам кровавый опыт очень скоро показал, что стены и башни прямо необходимы. Нападение франков во время междоусобицы и при Автари, попытки византийцев, набег аваров²⁶ на Фриуль — такие факты заставляли сильно заботиться об укреплениях. Лангобарды так и поступали. Ротари даже сделал вполне естественный вывод из этого: при завоевании Лигурии он велел повсюду срыть городские стены; он вполне правильно рассуждал, что если стены полезны, то вовсе не следует, чтобы они были полезны врагу или ненадежному подданному. Когда Ломбардия²⁷ подчинилась Карлу, то и он должен был признать необходимость укреплений, хотя бы на случай аварских набегов. По его приказанию, например, были вновь отстроены стены Вероны. Но особенно чувствительно сделалось удобство крепостей в смутную эпоху второй половины IX и начала X века. Дикие орды мадьяр посещали, конечно, и Италию, и только стены, часть которых только теперь сообразили реставрировать, а часть вновь была сооружена на скорую руку вокруг монастырей и проч. — и спасали население от грозного неприятеля. Словом, даже в Италии условия военной обороны содействовали увеличению таких поселений, которые со временем превратились в города.

Условия военной защиты оказали не только внешнее влияние на ход развития городов, выразившееся в постройке укреплений. Они реагировали и на состояние населения в городах. Естественно, что в городах под стенами, хотя бы и самыми простыми, защищаться было легче, чем в поместье. Поэтому сельские помещики при приближении опасности всегда спешили в город. А так как опасность была хроническая, то помещики стали заводить себе в городе дома, а нередко и совсем переносили туда свою постоянную резиденцию. Таков источник разнородности социального состава в итальянских и южно-французских городах, в которых знать рано сделалась су-

ществленным элементом городского населения. В Англии процесс совершается несколько иначе: городское население заключает договор с окрестными тэнами²⁸, чтобы на случай набега датчан у каждого из них был наготове отряд для защиты города; за это население несет известные повинности. Поэтому получается та своеобразная разнородность существования, которая столь характерна для английского города. Первое время в городе никогда не бывает одного сеньора: их несколько; они делят между собою защиту и поэтому обеспечивают за собою повинности населения своего квартала. В немецких городах, выросших из бургов Генриха I, этого не случилось, ибо организованная им система была иная. Он приказал, чтобы из окрестных крестьян каждый девятый человек обслуживал бург (так называемые *agrarii milites*) и приготавливал на случай опасности все необходимое для прочих; за то остальные восемь должны были работать и на долю девятого.

Мы должны коснуться здесь еще одного местного явления, хотя оно относится к более поздней эпохе, чем та, о которой в настоящее время идет речь — это возникновение испанских городов. Римских городов в Испании так же, как и во Франции осталось немного: они погибли частью во время передвижений через полуостров германских племен, частью — во время арабского завоевания. Но, когда кастильские и арагонские короли стали отвоевывать у мусульман страну, она вновь стала покрываться городами; но эти города были уже совершенно иные. Короли, совершенно того не подозревая, практиковали римскую систему колонизации: лишь только им удавалось отнять у мусульман клочок территории, они немедленно основывали там укрепления, заселяли их своими солдатами, а затем путем дарования всяческих льгот и привилегий (*fueros*) привлекали туда христианское население. Процесс этот начался в XI веке, но главная масса хартий новооснованным городам роздана в XII и XIII веках. Мы заговорили о происхождении испанских городов именно здесь ввиду того, что оно представляет очень

большую аналогию с тем же процессом в других европейских странах; но на Пиренейском полуострове он несколько запоздал и поэтому принял иную форму. Различие заключается в том, что в Испании города появились в качестве результата наступательной политики, а в других странах — оборонительной. Основная же черта — давление военной необходимости — повсюду одна и та же.

Таким образом, военные условия, условия обороны и наступления не следует ценить слишком низко. В них заключался порою источник важных сторон будущего развития.

Феодальные неурядицы и их влияние на рост городов

Постройка укреплений ввиду необходимости защиты от внешних нападений продолжалась еще в течение всего X века. К концу его крупные народные передвижения прекратились, но как раз к этому времени стало все определеннее сказываться новое условие, существовавшее и раньше, но теперь приобретшее особенно большое значение.

Разложение каролингской монархии сопровождалось еще одним последствием, которое вытекало из самой постановки политической задачи у великого императора — ослаблением власти; оно в свою очередь вело к дроблению власти — одному из основных признаков зарождающегося феодализма. Королевская власть принуждена была силою вещей отчуждать в пользу частных лиц свои права и прерогативы (иммунитет), так что феодальный барон — духовный или светский — приобретал почти полную независимость; ему открывался простор для какой угодно деятельности. А так как целые столетия непрерывной упорной борьбы воспитывали людей только в одном направлении, то нетрудно понять, почему вместе с выработкой основ феодализма по всей Западной Европе водворяется царство мелких войн, миниатюрных походов, организованного хищничества и проч.

Вот с этим-то обстоятельством и находится в связи следующий момент истории города. Этот момент всего отчетливее ска-

зался на развитии французских городов; поэтому достаточно рассмотрения особенностей процесса во Франции для нашей цели.

Против насилия феодальных баронов могла защитить только сила. Это превосходно сознавалось всеми современниками; но было еще одно представление, которое привычно импонировало обществу; это — идея религиозной защиты и религиозного покровительства. Стена церкви или монастыря согласно средневековому миросозерцанию была священной оградой, и предполагалось, что поступок, совершенный в ее черте, карается не только на земле, но и на небе. В таких местах всякий преступник находил защиту от преследования; насилие в них не должно было иметь места, хотя бы это насилие носило вполне законный характер. Это представление не только жило в сознании современников, но уже смогло проникнуть в законодательство. В смутную эпоху частных войн духовенство сообразило, что из этого представления можно извлечь большую пользу, но в его чистом виде воспользоваться им было неудобно, поэтому духовенство прибегло к ловкой фикции. Пространство, обведенное стенами, было ничтожно, между тем только оно пользовалось правом убежища и только там могли селиться люди. Было тесно, и оставалось одно — расширить пространство. Так и делалось. Но служители церкви были не так просты, чтобы сделать это без надлежащих формальностей; наоборот, акт расширения обставляли процедурой, которой было совершенно достаточно для нетребовательных современников. Эта процедура служила двум целям: она, во-первых, оправдывала факт расширения перед Богом, и, во-вторых, должна была отбить охоту у беспокойных соседних баронов на какие бы то ни было посягательства. Для этого акт расширения получал санкции как духовной, так и светской власти. Прелаты²⁹ округа торжественно водружали на требуемом расстоянии вокруг монастыря или церкви пограничные знаки — кресты и предавали анафеме всякого, кто мог осмелиться нарушить тем или

иным насильственным действием святость места. Со своей стороны, светские бароны не менее торжественно отрекались от своих прав на захваченный именем Бога округ и клялись по светскому проучить того, кто осквернит священную черту. Убежище было готово; оно называлось в этих случаях *salvitas*, *salva terra* (*sauvete*)³⁰. Однако, несмотря на всю торжественность обоих предостережений, они помогали, по видимому, не всегда. Правда, в современных хрониках рассказываются эпизоды о чудодейственной силе огороженного места. Например, какие-то охотники накормили собак хлебом, взятым в ограждении церкви аббатства св. Бенедикта — собаки околели; оруженосец одного рыцаря дал там же сена лошади, она издохла под всадником, а рыцарь разбил себе бедро. Кары небесные, вероятно, этим не ограничивались, нередко были и земные наказания, но всего этого было недостаточно. И монахи вполне основательно перестали доверять покровительству неба и сеньоров и начали прибегать к более действительной защите «защищенной» ограды — к стенам, к башням, к гарнизону. Только таким образом *sauvete* делалось действительно «спасенным местом».

В XI веке такой тип был господствующим, что объясняется преобладанием религиозного элемента над светским в общих культурных условиях. По мере того как религиозный элемент в феодальных отношениях стал уступать светскому, тип убежища стал перерабатываться. Переходным моментом к светскому убежищу были села, бурги или замки, основанные светскими сеньорами и ими же поставленные под покровительство какого-нибудь близлежащего монастыря. Такие поселения объявлялись так же неприкосновенными, как и церковь. Здесь принцип неприкосновенности исходит все еще из религиозной идеи, но постепенно необходимость в этом стала исчезать, и появился новый тип убежища — светский. Село или замок, превращенные в убежище, назывались в разных частях Франции различно: *ville neuve*, *ville franche*, *bourg neuf*, *bourg franc*, *libertas*, *francitas*. Такие убежища особенно умножились, начиная с кон-

ца XI века; в них начало одной, самой многочисленной категории французских городов, так называемых «новых городов». Они возникли в качестве оплотов против феодальной анархии, но вскоре приобрели новое значение в связи с экономическим переворотом. Позднее мы увидим, каковы были юридические последствия представления об убежищах. Заметим пока, что явление имело место и в Германии, и в Англии, и в Италии, но там оно выражалось не так отчетливо, как во Франции. Благодаря идее убежища увеличивалось количество привилегированных и укрепленных поселений, которые постепенно под влиянием новых условий стали превращаться в города.

Хозяйственный переворот XII–XIV веков, возрождение торговли, появление рынков. Влияние экономических условий на дальнейший рост городов

До XII века в Европе еще нет городов в том смысле, в каком можно говорить о городе в блестящую пору его развития, начиная с половины XIII века. Все то, что описано выше — не больше, как зачатки, порою крайне рудиментарные. Раннее Средневековье знает римские города, знает королевские и епископские резиденции, знает светские и духовные помещичьи дворы, знает бурги и замки, знает — словом, определенное, довольно немногочисленное количество поселений различного типа, снабженных укреплениями, наделенных привилегиями, которыми пользуется убежище, но не знает города в юридическом смысле. В долгом процессе, тянувшемся с V до XI в., постепенно накаплиются те признаки, которые в следующий период будут отличать город от других поселений. Но этих признаков накопилось недостаточно. Не хватало самого существенного, который мог появиться не раньше XII века и, появившись, быстро преобразовывал зародыши городов в настоящие города. Этим признаком был рынок. Он создает экономическое отличие города от села. Какие условия вызвали его появление?

Этот вопрос требует внимательного рассмотрения.

В Римской империи, представлявшей собою огромную территорию свободной торговли, значение города поддерживалось в большой степени, если не главным образом, экономическими причинами. Город был местом, где совершался обмен, был постоянным рынком; отличие его от села проводилось отчетливо и вело к ряду юридических последствий. Завоевание империи варварами произвело полный переворот; хозяйственная жизнь германских племен не вышла еще из среды натурального хозяйства; земледелие было главным занятием у всех без исключения завоевателей, торговли они почти не знали и в рынке поэтому почти не нуждались; все необходимое производилось дома; только три отрасли производства начинали понемногу дифференцироваться: гончарное на юге, ткацкое (шерсть) у приморских фризов³¹ и кузнечное — повсюду. Но размеры производства не могли быть значительны, ибо все три отрасли были не более, как побочными промыслами при постоянных земледельческих занятиях. Обмен был непосредственный, деньги не играли в нем почти никакой роли и извлекались из кубышек лишь тогда, когда приезжал с заморским товаром бродячий купец — первое время сириец, действовавший, впрочем, только в пределах прежней римской оккупации, потом еврей, проникавший уже и вглубь Германии, и в Англию. Были и рынки — прежде всего во всех оставшихся римских городах, затем в дворцовых имениях, первые публичного характера, вторые частного, но количество такого рода рынков было сперва невелико, привилегии давались с оглядкой, а элементарные потребности обмена, которые предъявляла эпоха, находили и так полное удовлетворение.

Факты обмена были исключением: поскольку Европа приобщалась к мировой торговле, ее роль была совершенно пассивная, а местная торговля была в пеленках. Господствующей экономической формой было натуральное хозяйство. Оно сгладило существовавшую в римскую эпоху противополож-

ность между городом и селом: города, пережившие смутную эпоху разрушений, и в экономическом, и в социальном отношении снизошли до степени села; так же, как и села, они находились во владении сеньора, так же, как и в селах, в городах обрабатывалась земля. Городские марки и пригороды представляли уже совершенно сельскую картину. Укрепление населенных мест, появление в них или около них бургов и замков совершенно не изменяло их сельского характера.

Натуральнохозяйственный строй продолжал господствовать вплоть до XII века; даже и после того, как обмен преобразовал городское хозяйствование, последнее долго не могло отделаться от многих переживаний предшествовавшей экономической эпохи. Вся история экономических отношений до XII века есть история постепенного упадка натурального хозяйства и постепенного развития черты менового; одно мало-помалу заступает место другого. Переворот XII—XIII вв. подготовлялся исподволь и был переворотом лишь отчасти. При его характеристике необходимо иметь в виду две категории причин: внутренних и внешних.

Вырастал народонаселение, меньше становилось незанятой земли. Хозяйственная ячейка стала мало-помалу утрачивать свою, столь характерную для натурального хозяйства самостоятельность, покоящуюся на обработке земли; земледelec стал оказываться уже не в состоянии доставлять себе все необходимое собственными силами; он начал нуждаться в производстве других хозяйств. Но связь с землей порывается не сразу; она на первых порах лишь делается менее полной. Условия природы и географического положения заставляют обращать особенное внимание на такую статью, которая представляется более выгодной. Одни особенно напирают на хлебопашество, другие — на виноделие, третьи — на солеварение, четвертые — на рыболовство, пятые — на горный промысел. Эти моменты в некоторых пунктах непосредственно связаны с возникновением городов. Так, Люнебург и Галле в Германии вы-

росли благодаря своим соляным варницам, Гослар — благодаря своему горному делу, Ярмут, Гримсби и Скарборо в Англии и целый ряд приморских городов в других странах — благодаря рыбной ловле и т. д. Таким образом, мало-помалу возникло естественное разделение труда; между центром специального промысла и более или менее широкой округой завязывался обмен. Такой элементарный обмен не нуждается еще в сложной, организованной торговле: ему достаточно простого периодического рынка.

Но тут дело осложняется. Вся эта внутренняя, так сказать, автономная хозяйственная эволюция получает могучий толчок с другой стороны. Благодаря крестовым походам зарождаются постоянные правильные сношения с Левантом³², которые в еще большей степени способствуют падению существующих экономических принципов.

На этой почве Италия далеко опередила остальные государства Европы. Многие из итальянских городов и во главе их Амальфи и Венеция еще до начала крестовых походов нашли способы непосредственно завести сношения с портами Леванта, не прибегая к византийскому посредничеству. Оттого-то так рано и начался расцвет этих двух муниципий; но в то время, как норманнское завоевание погубило Амальфи, первый крестовый поход послужил дальнейшему развитию Венеции, а вместе с нею Генуи и Пизы, материальный рост которых не замедлил отразиться на других городах Северной и Средней Италии, а затем и на всех городах Европы вообще. Различными путями, морскими и сухопутными, торговые сношения распространяются из Италии на север*, денежное хозяйство начинает под влиянием нескольких условий как экономических, так и политических, прокладывать себе путь в сферу натуральнохозяйственных отношений. Чудеса Востока перестают быть волшебной сказкой; крестоносцы распространяют более пра-

* Читатели узнают об этом процессе во всех его подробностях в другой книжке настоящей серии³³.

вильные взгляды на природу далекого Леванта, привозят образцы его произведений; европейское общество начинает пробуждаться от спячки и испытывает желание ближе узнать Восток и его продукты: ткани, оружие, курения, пряности. Роскошь, явление почти незнакомое раннему средневековью, делается мало-помалу обычной, и мировая торговля на первых порах развивается, как служанка роскоши. Как только идея того, что роскошь делается потребностью в высших классах общества, проникает в сознание большинства, являются люди, посвящающие жизнь служению этой потребности и делающие из этого служения источник существования. Европейский — сначала итальянский — купец немедленно вытесняет еврея и через Альпы и по Роне или морем мимо испанского и французского берегов привозит в Англию и Фландрию восточные товары. Местный купец бросается по следам итальянца, предпринимает путешествие в Италию, покупает там товары и привозит их на родину; средиземноморские портовые города: Марсель, Нарбонна, Монпелье, Барселона и др., не говоря об итальянских муниципиях, покупают товары непосредственно в Левантских портах, куда судна и караваны доставляют в изобилии произведения Индии и Китая, Аравии и Эфиопии.

Ясное дело, что при почти полном отсутствии рынков первоначально торговля могла быть только развозной (*Hausier — oder Wanderhandel*). Купец с товаром разъезжал по стране, останавливаясь в лежащих по пути селах и понемногу распродал свой короб. Такой порядок мог удовлетворять только на первых порах, пока потребности не успели сделаться скольконибудь настоятельными. По мере того как спрос увеличивался, такая система становилась все более и более недостаточной. Случайного посещения купца становилось мало. Общество уже хотело знать наверное, когда и где можно получить такой-то товар.

С другой стороны, параллельно с развитием торговых сношений, стал увеличиваться класс торговцев, следовательно, в

однородной феодальной массе началась сословная дифференциация; множество людей лишилось возможности заниматься земледелием, потому что торговля не оставляла им свободного времени. Между тем питаться своим товаром купец не мог; значит, купцу нужно было покупать хлеб. Правда, хлеб — это такая вещь, которую можно было достать где угодно, но в обычное время запас его заготавливался в обрез, и крестьянин круглый год питался тем, что собирал за лето. Так что когда спрос на хлеб со стороны людей, отбившихся от земледелия, сделался явлением постоянным, крестьяне, естественно, должны были привыкнуть к мысли, что в течение года не раз представится случай продать хлеба заезжему купцу. Отсюда необходимость делать запасы более значительные, чем прежде. Но когда крестьянин стал заготавливать на случай продажи, то ему уже не хотелось идти на авось, и он тоже стал стремиться приурочивать продажу своего хлеба к известному месту и к известному времени. А так как купцу нужен был не только хлеб, но и многое другое: мясо, живность, пиво, вино, одежда, обувь, оружие и проч., т. е. все то, что при господстве натурального хозяйства он имел дома и чего теперь лишился, то в среде той же феодальной семьи появились люди, которые посвятили себя удовлетворению всех выросших постепенно потребностей других лиц; эти люди тоже стали приурочивать сбыт своих продуктов к определенному месту и к определенному времени и в свою очередь отбились от натурального хозяйства, т. е. стали нуждаться в обмене; наряду с купцами выделились ремесленники. Сословная дифференциация пошла дальше, а с нею вместе шире и шире распространялась сеть обмена. Рынки стали необходимы. Для обмена между земледельцами и промышленным населением потребовался еженедельный рынок, для заграничных товаров — ярмарка.

Право воздвигать рынки едва ли было с самого начала королевской регалией, унаследованной германскими королями от

римских императоров, как это принято думать*. Оно сделалось регалией лишь при последних Каролингах; но, когда торговля в XII в. получила такое огромное значение среди факторов социального процесса, стеснения, связанные с необходимостью испрашивать позволение при основании рынка, естественно должны были пасть, и феодальные владельцы стали основывать рынки уже по собственному почину. В Германии, например, грамоты, дарующие рыночную, монетную и таможенную привилегию при саксонских и салических императорах³⁴ очень многочисленны; при Гогенштауфенах³⁵ они уменьшаются, а потом и почти совсем исчезают. Духовным и светским сеньорам очень выгодно учреждать рынки в своих владениях, потому что рынок даст большие доходы (таможенный сбор); поэтому они всегда идут навстречу желанию своих людей. Там, где поселение уже обнесено стенами и тем более там, где вдобавок имеются налицо условия религиозной защиты, учреждение рынка непосредственно создаст город, ибо оно проводит различие между укрепленным поселением, в котором началась сословная дифференциация и в котором вырабатывается специфическое право, и селом, поселением с однородным составом жителей, живущих по общему праву.

Само собою разумеется, что рынки предпочитали основывать под защитой укреплений, хотя бы элементарных. В тех государствах, где центральная власть могла следить за этим, издаются прямые постановления, предписывающие основывать рынки в городах. Таков, например, эдикт Вильгельма Завоевателя, по которому видно, что и современникам ясна была связь между рынком и городом. «Рынки, — гласит этот эдикт, — должны устраиваться только в городах нашего государства, только в защищенных стенами бургах и безопасных местах... Города и бурги и основаны с этой целью, т. е. чтобы охранять жителей и защищать государство; поэтому они должны существо-

* Римские рынки, устраивавшиеся через каждые девять дней, даровывались не императором, а сенатом.

вать свободно»*. Таким образом, устанавливается двоякая связь города с рынком. Сначала приходят к пониманию значения безопасности торговых операций, а постепенно выясняется и другая сторона дела, значение города, как определенного пункта, в котором всякий желающий купить или продать найдется то, что ему нужно.

Процесс возникновения городов теперь идет гораздо быстрее. Замок, монастырь, простое село, поставленное в благоприятные для торговли условия, быстро присоединяется к существующим условиям превращения в город и получает соответствующую санкцию от сеньора. Возьмем, например, монастырь. Его влияние находится в прямой зависимости от того положения, которое патрон монастыря занимает в иерархии святых и от чудодейственной силы мощей, которыми он владеет. Реликвии привлекают богомольцев, богомольцы — купцов, появляется рынок; в монастырскую казну поступают пошлины, и монастырь предоставляет купцам различные льготы и преимущества; рынок водворяется около церкви, приобщается к праву убежища. Поселение растет и постепенно приобретает все права города. Таким же образом превращается в город село, в известном смысле еще проще, потому что село имеет свои учреждения, из которых прямо вырастают некоторые учреждения города. Первым моментом, хронологически отделенным от последующих довольно большим промежутком времени, было, как указано выше, возведение укреплений. Под их защиту являлись монахи с мощами, потом купцы с товаром; начиналась сословная дифференциация, выработывалось городское право. Та же волна новых поселенцев принесла городские права замку. Сеньоры-помещики, духовные и светские, коллективные и личные, неизменно покровительствуют новым поселениям, дают им привилегии, способ-

* Этот закон опирается на более древнее постановление англосаксонской эпохи, согласно которому договор о купле-продаже должен был заключаться в городах и при свидетелях. В законе Вильгельма новое упоминание о рынке.

ные привлечь новых жителей. Им это выгодно, потому что благодаря рынку растут их доходы. В тех случаях, если нет подходящих поселений, которые могли быть превращены в город, крупные феодалы не задумываются закладывать город непосредственно.

Вот таким образом два элемента, выгода сеньора и накопление богатства у городского населения, делают возможным дальнейшее городское развитие. Эти два элемента тесно связаны один с другим, и общий источник их лежит в преобразовании хозяйственных отношений. То, что было невозможно при господстве натурального хозяйства, легко осуществлялось после его разложения. Даруя льготы городскому населению, сеньор получает повинности в повышенном размере, но за то горожане выплачивают их в однажды определенной сумме и спокойно владеют остальным имуществом, не опасаясь насилий и вымогательств и сохраняя свободу хозяйственной деятельности. Обе стороны остаются в выгоде, ибо доходы сеньора растут, а достаток горожан приумножается. Но горожане богатеют быстрее, ибо сеньор по старой феодальной традиции живет барином и с особенной легкостью тратит деньги, у горожан же обогащение — дело и смысл жизни. Богатство создает силу, и, когда сеньор нарушает свои обещания, сила эта пускается в ход, — и сеньор должен уступить.

Наиболее характерным моментом в данном случае является возникновение упомянутых выше французских «новых городов», *villes neuves*. О первоначальных источниках этих поселений* говорит то, что они всюду укреплены, а на юге Франции они даже носят название *bastides*; но главной причиной их развития являются хозяйственные условия, хотя военные продолжают оказывать свое действие и в позднейшую эпоху**. Основание таких поселений было выгодно для сеньора, ибо

* См. выше. — С. 38—39.

** Такова была причина того усердия, с каким английские короли закладывали города на своих континентальных владениях, или французские — на юге.

оно приносило ему доход, и он охотно давал различные льготы населению. Так, повинности обыкновенно все переводились на деньги и значительно облегчались, и хотя в политическом отношении «новые города» никогда не достигали той независимости, какую пользовались коммуны, но их обитателям жилось под крылом сеньора очень хорошо, ибо они не знали многих хлопотливых обязанностей, столь многочисленных у коммун. Короли тоже крайне охотно основывали такие поселения, потому что в них соединялась экономическая выгода со стратегической. Многочисленные французские villeneuve'ы, указывают на популярность этого типа городов*.

Это почти буквально то же, что происходит в Испании**, но разница та, что Испании приходится выдерживать тяжелую борьбу с маврами³⁶; и короли не скупятся на вольности, чтобы привлечь колонистов. Испанские города часто при самом основании получают от королей столь большие вольности, что становятся почти независимыми, и в последующую эпоху королям приходилось тяжело расплачиваться за свою щедрость, когда город заключал союзы (германдады), направленные не только, как обыкновенно, против феодальной аристократии, но нередко и против самих королей. Французским королям никакой серьезной опасности не грозило; поэтому и вольности, даруемые ими своим «новым городам», были отмерены строго в пределах необходимого для их фискальных и стратегических целей.

* Один Людовик VII основал их несколько; ему обязаны своим возникновением «новые города» в Сенонэ, близ Компьеня, villeneuve d'Etampes и др.

** См. выше. — С. 34—35.

Освобождение городов в Италии и на юге Франции

Соединение отдельных прав и привилегий дает поселению свод городского права, и только специфическое городское право делает поселение городом. Последнее звучит тавтологией, между тем это единственный правильный критерий: не иммунитет, не стены, не рынок, не убежище, а городское право, являющееся соединением юридических последствий, вытекающих из каждого из этих условий с некоторыми отдельными моментами сельского устройства, создает город. К концу XII и началу XIII вв. этот процесс повсеместно завершился. Теперь город, как сложившееся целое, подхватывается той самой волной экономической эволюции, которая играла такую огромную роль в его происхождении, и получает от нее дальнейший толчок.

В сложившемся таким образом городе начинается новая жизнь, складываются новые социальные и экономические отношения, которые проводят все большую и большую разницу между городом и селом: обращается капитал, накапливается богатство, возрастает благосостояние жителей, а с ним вместе могущество города. Между жителями города, соединенными общими интересами мало-помалу закладываются связи, появляется сознание единства городского целого, сознание противоречия между интересами горожан и интересами сеньора. Ниже мы увидим, как епископ из покровителя общины, к которому все обращались с доверием, прося о защите, превратился в господина, властного, сурового, гораздо более подходящего к роли правителя, чем к роли пастыря. Община, на хребте которой очень чувствительно отражалась эта эволюция, почувствовала ее немедленно, и у нас есть очень ранние известия, доказывающие, что согласие между епископом и городом нарушено. Одно идет даже от IX века (850 г.) и относится к Италии. Жители Кремоны серьезно повздорили с епископом из-за портовых и корабельных пошлин. Дело доходило до суда королевского посланца. Гораздо серьезнее было столкновение в Милане спустя 130 лет (в 980 г.). Миланцы составили заговор (conjuratio) против

архиепископа Ландульфа, выгнали его из города, побили его людей и добились некоторых уступок. Подобный же случай имел место несколькими годами раньше (957 г.) в другом конце Европы, в германском городе Камбре. Когда епископ камбрейский Беренгар отправился по какому-то делу ко двору императора, жители сговорились между собою (*conspiratio*) не пускать его в город и действительно заперли перед ним ворота. Но епископу нетрудно было с помощью своего соседа, фландрского графа, принудить свой город к покорности. Эти примеры, разумеется, обобщению не подлежат, но они ценны, как указание на то, что в разных частях Европы единение жителей в городах было ранее возможно и вело к столкновению с сеньорами. Но для того, чтобы эти столкновения приводили к эмансипации города, нужно было гораздо больше, чем простая солидарность. Нужна была сила, превосходящая силу сеньоров; нужны были такие обстоятельства, которые доказали бы сеньорам выгоду освобождения; нужны были крупные политические комбинации, которые могли привлечь к городам союзников. Эти три условия необходимы, и мы встречаем их всюду, где города сбрасывают с себя иго сеньоров. Иногда соединяются два из них — обыкновенно первое или второе с третьим; иногда и одного бывает достаточно.

Но господство сеньоров над городом прошло далеко не бесследно, особенно если сеньором был епископ. Заботы об укреплении положили начало отделению города от села; иммунитет нивелировал в той или иной степени состав жителей и тем подготовил почву для единения; покровительство торговле и промышленности создало внешнее процветание*; оставалась

* Вообще, там, где дело шло о внешней политике города, интересы горожан и епископа совершенно совпадали; епископ был их ярким защитником, и народ не терпел умаления своего епископа. Так, в самый разгар неладов между миланцами и архиепископом Гвидо, народ не допустил папского легата, своего союзника, усомниться в правах архиепископа «...не ради самого Гвидо, но защищая честь и независимость св. Амвросия, патрона города». Этот пример далеко не единичный, но он красноречивее других.

только зависимость. При изучении этого процесса невольно вспоминается известная сказка про мертвую и живую воду. Лежит в поле богатырь, изрубленный врагами на куски; приходит волшебник с двумя кувшинами; в одном мертвая вода, в другом живая. Поливает он тело из первого — тело срастается, раны исчезают; поливает из второго — богатырь встает и встряхивается, как после тяжелого сна. Епископское управление было мертвой водой истории; оно срастило разрозненные элементы городского тела и освободило его из-под власти государства. Живая вода истории — сложного состава, но в ней больше всего экономических элементов. Она уничтожила единственную оставшуюся в силе зависимость, зависимость от сеньора, и доставила городам более или менее полную политическую самостоятельность.

Исключительно крупная роль, которую пришлось сыграть в процессе эмансипации городов экономическим условиям, выясняется из территориального распространения свободных городов — коммун. Оно строго следовало по торговым путям, положенным сношениями с Левантом. Первыми сбрасывают зависимость итальянские общины, за ними — южнофранцузские города; затем движение идет по Рейну во Фландрию и Северную Францию, оттуда перекидывается в Англию; потом оно распространяется по всему континенту Западной Европы.

Было бы ошибочно предполагать, что эмансипация достигнута была одним ударом и что коммуна появилась на свет Божий сразу, подобно Минерве из головы Юпитера. Предшествующее развитие не только подготовило почву для единения, но и доставило городам признаки некоторых их прав со стороны верховной власти и со стороны сеньоров. Выше было приведено несколько примеров столкновения объединенных жителей с сеньором; из той же эпохи у нас есть случаи, когда сеньоры соглашались дать своим городам хартии вольностей; в 967 г. и 984 г. аббатство св. Арнульфа в Меце даровало две грамоты местечкам Морвиль и Брок. Но эти случаи немного-

численны, чаще мы имеем пожалования со стороны верховной власти. Император Генрих II даровал привилегии местечку Шато-Камбрези в 1003 г., в 1014 г. ариманны (свободное население) Мантуи получили торжественную хартию, подтверждающую права общины (*communalia*) и освобождающую мантуанцев от пошлин. Такие же хартии во второй половине XI в. и в первые два десятилетия XII в. получили от императоров Феррара, Пиза, Кремона, Болонья. Итальянские привилегии тем интересны, что они одни сделались основанием для грядущей свободы. К половине XII в. все города Ломбардии и Тосканы уже освободились и имеют свое собственное управление. Ломбардские города достигли этого легче, ибо им не так трудно было справиться с епископами, как тосканским городам с сильными маркграфами. У последних обыкновенно приходилось мирными путями добиваться согласия на создание коммунальных органов.

Фактическое освобождение городов Южной Франции совершилось почти одновременно с освобождением итальянских городов, хотя юридическое закрепление факта последовало позже. Процесс в обеих странах представляет много аналогий. Главная особенность его заключается в том, что борьба ведется городским населением сообща, буржуазия находит деятельную поддержку со стороны знати. В Италии, например, не только мелкая знать, вальвассоры, но и крупное рыцарство, капитаны, борются с сеньором в рядах горожан. Если мы захотим выяснить причину этого явления, нам придется обратиться к римским условиям. Выше указывалось на то, что в организм итальянского и южнофранцузского общества попало сравнительно мало германской крови, и феодальные отношения привились далеко не так сильно. Юг продолжал оставаться страной городской культуры, а в самих городах продолжала господствовать римская общественно-юридическая традиция. Отличительный признак римского гражданского строения в том его виде, в каком оно кристаллизировалось после унич-

тожения рабства и удержалось в последующем процессе социальной дифференциации — это равенство перед законом. В борьбе с германским феодальным принципом, провозглашавшим строгое неравенство во всех смыслах, принцип римского гражданского права не только не был поглощен, но в очень значительной степени сумел нейтрализовать последствия германского влияния. Дроблению общества он помешать не мог, но он не дал выработаться тому резкому социальному антагонизму, который так характерен для Северной и Средней Европы. Известная гражданская солидарность осталась и, в связи с тем фактом, что на юге — все благодаря тому же римскому влиянию — не произошло отлива в село в таких поглощающих размерах, обуславливала интенсивность городской жизни. После экономического подъема это — главная причина ранней эмансипации городов юга.

Благодаря всему этому и самый процесс эмансипации на юге прошел глаже; здесь редки сцены варварской расправы, здесь почти нет ожесточенной борьбы с сеньором, как на севере, здесь, вообще говоря, отношения улаживались более мирным путем.

В Провансе и Лангедоке, например, обоюдное соглашение долго заменяло хартии, и его тем легче было добиться, что города находились во власти нескольких сеньоров, враждовавших между собою, и гражданам приходилось постоянно разыгрывать роль союзника той или иной стороны; помощь, конечно, давалась недаром, а за известные уступки, так что за редкими исключениями дело никогда не доходило до прямого столкновения с сеньором. К тому же между ленной знатью и буржуазией существовало согласие, а сеньоры умели понять выгоду освобождения, потому что в Ниме, Арле, Нарбонне, Монпелье, Каракасонне, Тулузе и проч. оживление торговли началось не со вчерашнего дня.

Необходимо помнить и о политических условиях, которые содействовали более быстрой эмансипации городов юга. Клас-

сическая страна итальянского городского движения Ломбардия была отделена от императора таким внушительным забором, как Альпы, через который не так просто было перешагнуть при первой же тревоге, а, явившись в Италию, император не мог там оставаться долго, ибо и в Германии дела обстояли не всегда благополучно. Он не мог помешать созданию коммун в Италии, как помешал созданию немецких. А когда коммуны образовались и научились вступать в коалиции, то они сделались драгоценными союзниками в борьбе между императорами и папами и сумели извлечь из этого обстоятельства очень солидную выгоду. Леньяно было конечным результатом такого положения дел.

В Южной Франции эти условия меньше заметны, но тем не менее они существуют. Вначале города поддерживают своих епископов в их бесконечных распрях с графами Прованса, а позднее, когда Прованс сделался яблоком раздора между Германией и Францией, обе стороны искали поддержки таких городов, как Арль, и горожане, видя, что в них нуждаются, стали оценивать свои услуги; плата всегда требовалась одна и та же — дарование и расширение вольностей.

Коммунальная революция в Северной Франции.

Города буржуазии и «новые» города

На севере коммунальная революция начинается на рубеже между Германией и Францией в самом бойком торгово-промышленном районе Северной Европы, во Фландрии и Северной Франции, а оттуда проникает в Среднюю Францию, Англию и Германию. Здесь уже мы не встречаем нескольких условий, так сильно способствовавших освобождению на юге. На севере дворянство почти не жило в городах. Здесь в корне социального развития лежали германские бытовые условия, притягивавшие ленную знать в села. Городское население складывалось из вилланов³⁷, попавших в струю сословной

дифференциации и под могучее влияние появления денежного хозяйства. Повинности в городах были легче, чем в селе, потому что они частью выкуплены, частью переведены на деньги. Но основной факт оставался в силе. Горожанам, купцам и ремесленникам приходилось бороться с сеньорами без помощи знати, оказавшейся столь драгоценной на юге. Затем города севера, не исключая и фламандских, далеко не обладали такими большими средствами, как итальянские и прованские. Наконец, они находились, можно сказать, перед глазами своих королей, которые первоначально, а в значительной степени и потом смотрели на новые стремления городов довольно косо и всегда были склонны помочь своим вассалам, особенно когда и они могли пустить в ход те аргументы, которые были единственными у горожан — золото. Благодаря всему этому на севере революция прошла далеко не так гладко. В некоторых случаях городам пришлось добиваться свободы путем тяжелых жертв. Сценами кровавой бойни на городских улицах, сценами дикого насилия как с одной, так и с другой стороны пестрят страницы особенно французской истории. В ней больше драматизма, больше материала для историка-художника, чем в медленном росте городской свободы в южных городах. Но даже здесь нельзя сказать, чтобы горожане получали свои хартии только силою оружия, чтобы сеньоры уступали, только побежденные в борьбе. Были и тут случаи соглашения. Главным средством, конечно, являлись деньги. Духовные сеньоры того времени были довольно богаты, но светские или бедны, или расточительны не по карману. В деньгах они нуждались всегда, и порою нужда бывала по понятиям того времени очень настоятельна. Рыцарь грешит всю жизнь и, если не подумает о спасении души, неминуемо попадет в ад; до этого доводить никому не хотелось, а спасение стоило дорого. Нужно было либо к крестовому походу пристать, либо самостоятельно совершить паломничество в Святую Землю, либо одарить соседний монастырь. А откуда взять денег; у мо-

нахов не разживешься: они предпочитают сами брать; единственный исход — обратиться к своим же людям из горожан. Но и они народ прижимистый: даром не дадут. Приходилось даровать им вольности. Тут еще можно было торговаться; если купцы запрашивали сразу слишком много, спасение души могло ждать; хуже бывало, когда сеньор попадал в плен и враги требовали немедленного выкупа или когда отпускали пленного барона на честное слово. В этих случаях время не терпело, и буржуазия умела пользоваться безвыходным положением своего господина. Бывали и другие обстоятельства, когда города без большого риска могли приобретать хартии — тогда, когда сеньоры затевали между собою войну и нуждались в помощи. Некоторые из фламандских городов в 1127—1128 гг. так ловко воспользовались войною двух претендентов на графство, что получили вольности с обеих сторон. Таковы Брюгге, Лиль, Теруан, Сент-Омер.

Но, вообще говоря, в Северной Франции и во Фландрии труднее было добиваться коммуны мирным образом. Сеньоры были сильнее и — особенно духовные — очень дорожили теми доходами, которые они получали от горожан. Поэтому примеры Лана и Камбре характернее для севера, чем примеры Лиля и Сент-Омера.

Жители Камбре рано стали обнаруживать свободолюбивые стремления. После неудачной попытки 957 г. город более ста лет жил спокойно. В 1076 г., когда эмансипационное движение уже чувствовалось в воздухе, он вновь сделал попытку силою добиться свободы. Епископ Герард зачем-то отлучился из города. Жители составили коммуну*, присягнули ей и решили не пускать сеньора в город, пока тот не поклянется утвердить ее. Епископ дал неопределенное обещание, был впущен и приказал своему наемному отряду напасть на не ожидающих ничего горожан. Перебито и замучено было много народу; пленников, захваченных в церкви, истязали, выкалывая им глаза и

* В источниках прямо говорится *communiam juraverunt*.

накладывая клейма. Коммуна была уничтожена. Но камбрейцы отличались упорством. В 1107 г., воспользовавшись неурядицами, в которые принужден был впутаться епископ, снова учредили коммуну и прогнали епископа. Но на беду в Камбре явился император Генрих V, призвал бюргеров на свой суд, упрекал их в заговоре против государства, приказал принести хартию, которую тут же разорвал и велел горожанам дать клятву, что такие восстания не будут повторяться. Епископ, разумеется, был водворен на место. Двадцать лет камбрейцы держали свое обещание, на двадцать первый не вытерпели. В 1127 г. они вновь образовали коммуну, воспользовавшись войною за фламандское наследство. Потом она была вновь уничтожена, но опять восстановлена.

Еще богаче драматическими сценами история знаменитой коммуны Лана (Laon). В богатом городе с давних пор существовал такой порядок, что сильный угнетал слабого, буржуа — виллана, рыцарь — купца, епископ — всех вместе. Пока епископ выбирался из числа местных сеньоров и имел поэтому связи с городской знатью, город, лишенный руководителей в протесте, молчал. Но, когда в 1106 году кафедру получил чужак-норманн по имени Годри, который перестал делать разницу между горожанами и даже предпочитал жать богатых, в городе началось волнение. В 1109 г. Годри уехал в Англию, оставив управление городом своим рыцарям и клиру. Горожане купили у них согласие на коммуну, и против ожидания сам епископ тоже, разумеется, за приличную сумму утвердил хартию. Ланцы сумели далее добиться разрешения у короля Людовика VI, который взамен ежегодных платежей приложил к грамоте свою печать и даровал городу еще некоторые вольности. Прошло три года, и епископу стало скучно: везде, на каждом шагу коммуна становилась ему поперек горла и мешала ему удовлетворять свои прихоти. Соседние рыцари, которым тоже не стало житья от коммуны, не позволявшей им грабить своих членов, вполне сочувствовали епископу. И замыслил Годри

уничтожить хартию. Короля уговорить было нетрудно. Это стоило всего 700 ливров. Людовик приехал в Лан, лично отменил коммуну и поспешил назад, предоставляя епископу справляться, как ему было угодно. Но епископу и на этот раз не суждено было пожить всласть. Свобода — такая вещь, с которой, раз попробовавши ее, нелегко расставаться. В городе началось глухое брожение, которое перешло в открытый бунт, когда Годри вздумал возобновить свои издевательства над горожанами. Народ с яростными криками: «Коммуна, коммуна!», — окружил дом епископа; его люди и рыцари, поспешившие было к нему на помощь, были перебиты, дом взят приступом и самого Годри, переодетого в платье слуги, нашли в каком-то подземелии, спрятавшимся в бочке. Один из горожан ударил дубиной по бочке и спросил, есть ли там кто-нибудь. «Жалкий пленник епископа», — раздался оттуда глухой голос. Но нелегко было обмануть врагов, опьяненных жаждою мщения. Бочку опрокинули, епископа за волосы извлекли оттуда, вытащили на улицу и, несмотря на мольбы и обещания, замучили до смерти. Но и горожанам не долго суждено было пользоваться плодами победы. Людовик VI с войском двинулся на Лан: не спас жителей его союз с крупным соседним бароном. Город был разорен дотла, а сами горожане, искавшие защиты за стенами замков своего союзника, преданы казни.

Однако даже такой страшный урок не смирил уцелевших ланцев. Волнения начались снова, и епископ, помня об участи Годри и понимая, что учреждение коммуны оживит город и окажется выгодным ему же, поспешил даровать жителям вторую хартию (1128). Людовик VI, ничтоже сумняшеся, утвердил и ее, но на этот раз устройство города получило название не коммуны, а «учреждения мира», *institutio pacis*. Полвека спустя епископ снова сделал попытку отменить коммуну, но горожане предупредили его у Людовика VII и заключили союз с несколькими соседними коммунами, так что епископ потерпел неудачу и на военном, и на дипломатическом пути; но

он был счастливее у сына Людовика, Филиппа Августа; тот, получив изрядный куш, в 1190 г. уничтожил хартию, но в следующем году, получив от горожан тоже кругленькую сумму, восстановил ее. Тринадцатый век коммуна просуществовала более или менее благополучно и была окончательно отменена в 1331 году.

Коммунальные хартии во Франции представляют очень большое разнообразие, как по тому устройству, которое они дают свободным городам, так и по степени независимости, которую они обеспечивают. Ни один город в Северной Франции не пользовался такой независимостью, как южнофранцузские города, отделенные от северных коммун широким поясом городов буржуазии и новых городов. Но и на севере существовала большая разница между коммунами. Восточные коммунальные конституции были более либеральны; наиболее типичны среди них Ланская и Суассонская, по образцу которых создано всего больше хартий. Суассонская, например, не только копировалась в Иль-де-Франсе (Компъен, Санлис, Крепи), но и в Шампани (Сансе) и в Пикардии. Из других хартий больше распространены были хартии Нуайонская, Сен-Кантенская, Амьенская, Бовесская и др. На западе наиболее употребительной формой была Нормандская хартия, так называемые Руанские установления (*Etablissements de Rouen*), гораздо более консервативная, чем восточные хартии.

Судя по истории ланской коммуны, можно предположить, что деньги были главным элементом, определяющим отношение королевской власти во Франции к городам. Такой взгляд был бы не вполне правилен. Правда, при поверхностном знакомстве с процессом роль денег бросается в глаза, потому что трудно усмотреть какую-нибудь другую руководящую нить. И в этом нет ничего странного. Коммунальное движение застало королевскую власть врасплох, и не только Людовик VI, но и Людовик VII никак не могут уяснить себе положение дел; для безопасности они решают, что коммуны — бунтующие города,

которые надо усмирять при обыкновенном течении дел; деньгам иногда удавалось изменить такое отношение в пользу коммун. Но уже у Людовика VII проглядывает другое отношение, более сознательное. Филипп Август и Людовик VIII явно покровительствуют движению. Первый понимает превосходно, в чем дело, второй идет по его стопам. Покровительство коммуна становится орудием усиления королевской власти. Это можно видеть из того очень тонкого различия, которое устанавливают короли между городами. Городу на королевской земле ни разу не удалось добиться самостоятельности; города епископов могут действовать свободно; им не мешает король; города во владениях светских сеньоров поощряются в своих стремлениях и получают самые либеральные хартии. Не трудно понять мотивы такой политики. Короли ищут союзников в неприятельском лагере, а так как светский барон — враг более опасный, чем епископ, то его враги пользуются более щедрой помощью. Мало того, такой король, как Филипп Август отлично понимал, что эмансипация из-под власти сеньора есть переход к непосредственному подчинению королю. Поэтому он старается устроить так, чтобы всякая новая коммуна получала свою санкцию от него. Первоначально в этом не представлялось никакой надобности. Коммуну учреждал сеньор, а не король, а если короля просили приложить свою печать, то только для прочности договора, а не по юридической необходимости. Но постепенно просьба о королевской санкции сделалась обычной, и с конца XII века король уже один пользуется монополией утверждать коммунальную хартию. Выгоды такого положения дел для королевской власти совершенно очевидны. Это новое, созданное обстоятельствами, выражение старой собирательной тенденции Капетнигов.

Конечно, не все французские города сделались коммунами. Мы видели, что известными льготами и привилегиями чисто гражданского свойства пользовалась и другая категория французских городов, «новые города». Ближе к ним, чем к комму-

нам, стоит еще одна категория, так называемая «городов буржуазии», *villes de bourgeoisie*. Новые города заново основывались или превращались в города из сел, замков и проч. Их наделяли привилегиями, чтобы поднять их значение. Инициатива тут принадлежала сеньору или королю. Коммуны отвоевывали свои привилегии от сеньоров путем тех или иных усилий. Города буржуазии — это города уже существующие, но почему-либо не оказавшиеся в силах завладеть политической самостоятельностью. Сеньоры и короли, которым удалось отстоять свои верховные права, тем не менее понимали слишком хорошо, что лишит город всяких привилегий — значит обречь его на упадок и превратить в гнилые местечки. Поэтому хартии раздавались, притом, конечно, не даром, а за деньги; но эти хартии обеспечивали подобно грамотам новых городов только известную сумму гражданской свободы. Это — главным образом судебные, торговые и финансовые привилегии. Город откупается от произвола и вмешательства в его частную жизнь. Но над ним стоит королевский или сеньориальный приказчик (*prevôt*).

Городами буржуазии были почти все города, расположенные на королевских доменах: Париж, Орлеан, Бурж, Лоррис, Этамп, вообще большинство городов Иль-де-Франса, Орлеана, Гурени, Берри, ряд городов на английской территории и в Бургундии и множество городов на северо-востоке. Не все хартии были одинаковы. На королевских доменах преобладающим типом была Лорриская хартия, которая даже не признавала общины, а лишь обеспечивала привилегии отдельным лицам*. Наоборот, Бомонская хартия, крайне популярная на землях светских и духовных сеньоров на северо-востоке, почти ничем не отличалась от коммунальной; города бомонского типа имели мэра и присяжных и пользовались чуть не всей совокупностью привилегий коммуны.

* Крупные города, как Орлеан и Париж, в последующую эпоху успели добиться некоторого самоуправления. В революционную эпоху половины XIV в. Париж даже был почти коммуной.

«Новые города», отличные от городов буржуазии по своему источнику, впоследствии по своему устройству слились с последними.

Свободные города в Англии

Англия шла своеобразным путем и, чтобы понять ход освободительного процесса, нужно постоянно иметь в виду основные факты. Норманнское завоевание прекратило развитие феодализма в политическом смысле. Принятая Вильгельмом система пожалований очень остерегалась сосредоточивать большие земельные комплексы в руках одного магната. Крупные владения были, но они были разбросаны по всей территории королевства. Вассалитет также не поощрялся, потому что король не хотел порывать связь между собою и феодальным рыцарством. Благодаря этому норманнское завоевание, двинувшее феодализацию в социально-экономическом отношении, предотвратило сильное дробление власти и содействовало фактическому установлению абсолютизма. Затем большинство городов попало в число королевских доменов, так что тут в руках короля *dominium eminens* соединялось с *dominium utile*³⁸. Все эти условия привели к ряду крайне важных последствий. Городам в вопросе об освобождении пришлось иметь дело главным образом не с баронами — духовными и светскими, — а с королевской властью. Значит, и революция, наподобие французской коммунальной, сделалась немислима; она может рассчитывать на успех только тогда, когда сеньор слаб, а тут сеньор — могущественный король.

Отсутствие феодального дробления в политическом смысле, которое в норманнскую эпоху прекратилось почти совершенно, повело к тому, что в Англии не могло образоваться той резкой противоположности между привилегированным и наделенным политическими правами феодальным гнездом и остальной территорией. А на континенте в таких гнездах и консолидировались первоначальные городские отношения; под крылом сеньо-

ра создалась единая городская организация, противоположная организации остальной территории. Английский город развивался на тех же основах, как и негородская территория; он вошел в административную и феодальную организацию страны. А для того чтобы добиться политической самостоятельности, ему нужно было пройти процесс обособленного развития.

Но у городской свободы в Англии был могущественный союзник — фискальный интерес королей. Он действует уже при Вильгельме I Завоевателе. Горожане платят королю подать, которая составляется из земельного и домового оброка и других повинностей. Норманнские короли обнаруживают постоянное стремление перевести ее на деньги и, помимо всего прочего, увеличить ее. И судя по некоторым приписываемым Вильгельму I законам, он понимал, каким образом городская подать может увеличиться. Роль, которую может сыграть здесь торговля, сознается вполне. Один закон приказывает устраивать рынки только под защитой городских стен*; другой — обеспечивает свободу виллану, прожившему в городе традиционный срок**.

Смысл обоих законов совершенно ясен. Король покровительствует городам, чтобы привлечь туда торговые обороты и людей и чтобы этим увеличить цифру своей фирмы.

Особенным покровительством пользуется Лондон, но тут к фискальным интересам присоединяются и политические причины: привлечь на свою сторону столицу было, конечно, очень важно. Генрих I получил престол не совсем законно; он должен был достаться его старшему брату Роберту: и он спешит закрепить за собою симпатии англичан. Город Лондон получает на откуп графство Мидльсекс за ежегодный оброк в 300 фунтов, право избрания из среды горожан шерифа³⁹ и коронера⁴⁰ и, следовательно, освобождается от всех негородских судов; затем горожане освобождаются от уплаты различных на-

* См. выше — С. 45—46.

** Об этом подробнее см. во II главе.

логов и штрафов, от уплаты таможенных, дорожных и мостовых пошлин по всей Англии, от судебного поединка и за ними укрепляются все вотчинные права*.

Среди всех этих привилегий финансовая приобретает особенное значение. Сущность ее заключается в следующем: шериф, который был прежде сборщиком податей, отвечал перед королем только в размерах определенной суммы; все, что он мог собрать свыше, шло в его собственный карман. И, конечно, только глупый человек не пользовался бы столь легким способом обогащения. Вполне понятно, что городам было крайне выгодно взять в свои руки сбор податей, чтобы не переплачивать еще лишка, шедшего в пользу шерифа. Королю обыкновенно это было тоже выгодно, потому что, чтобы взять откуп на подати, горожане с радостью соглашались несколько поднять цифру налога. Такое соглашение и состоялось. Городской откуп назывался *firma regis* или *firma burgi* — это оброк, выплачиваемый городом королю и раскладываемый им между своими членами.

Все важнейшие привилегии постоянно подтверждаются королями. Особенно много подтверждено привилегий при Генрихе II; но наряду с подтверждением старых даруются и новые, каждый раз в силу особенной грамоты. При Генрихе II все чаще встречается констатирование за городом права даровать свободу виллану, прожившему в нем один год и один день без розыска о нем со стороны господина. При том же короле появляется и еще одно условие. Генрих II соединил в своих руках владычество над Англией и всей западной полосой Франции. Взаимное влияние между обеими частями королевства усилилось, и учреждения Нормандии сделались вновь образцом для Англии. При Генрихе II по всей Нормандии и по соседним областям распространились коммунальные учреждения Руанского типа (*Etablissements de Rouen*). Они были перене-

* В последнюю рубрику включены церковь и бароны, живущие в городе.

сены за пролив во время отсутствия Ричарда Львиное Сердце. В 1191 году Иоанн, желая привлечь к себе симпатии столицы и заодно получить денежный куш, торжественно устроил в Лондоне коммуну (она так и называлась — *communa*). Подробностей о ней мы не знаем, но, несомненно, это была настоящая присяжная коммуна по образцу северофранцузской. Тут впервые на английской почве появляется мэр. Сложившееся таким образом лондонское городское право послужило образцом для множества других городов, но лишь немногие привилегии точно воспроизводили лондонскую; в большинстве других отсутствовал один из наиболее важных пунктов — свобода от торговых пошлин, и вообще они варьировались без конца. Главным побудительным поводом для дарования вольностей была хроническая нужда в деньгах, но общая причина того, что королевская власть не противится стремлениям городов, лежит глубже. Наибольшее количество привилегий падает как раз на эпоху Великой Хартии⁴¹, когда все английские сословия в тесном союзе между собою завоевали у королевской власти свои основные вольности. Привилегии Лондона были оговорены даже в самом тексте Великой Хартии. Английская аристократия, руководившая борьбой с королевской властью, обнаружила в ней много политического благоразумия. Она отстаивала не исключительно свои сословные интересы; в своих притязаниях она уделяла место нуждам и других сословий, не исключая городского и даже сельского. И со своей стороны бароны высказывали готовность признавать права низших сословий. Их политика по отношению к вилланам, которым они обеспечивали некоторые важные права, больше бросается в глаза, но и буржуазия не была ими забыта. Мы сейчас увидим, что там, где бароны были городскими сеньорами, они без больших колебаний, хотя, конечно, за деньги, давали хартии. И если при дальнейшем развитии муниципальная свобода* не падает под

* Тут речь идет, конечно, не о политической независимости

ударами королевской власти, как это случилось во Франции, то причина этого лежит именно в том, что в Англии сословия не враждовали между собою и не изнуряли друг друга в бесконечных распрях, а дружно боролись за свои вольности с общим врагом. Что касается освобождения сеньориальных городов в Англии, то тут больше аналогий с французским процессом. Хартии давались за деньги, а в деньгах английские лорды и духовные сеньоры нуждались чаще, чем континентальные. Для выкупа из плена, для доставления себе возможности съездить в Святую Землю рыцарь всегда просил у богатых горожан денег; прелатам они нужны были тогда, когда им приходилось строить новые храмы и проч. И за каждую крупную сумму горожане требовали той или иной вольности, так что постепенно отделялись от контроля лорда. Иногда летописи передают и о более гуманных поводах для дарования хартий. Так, о графах лестерских рассказывается следующий эпизод. В Лестере граф заменил очистительную присягу другим, не менее диким, но больше соответствовавшим его наклонностям, способом доказательства правоты — судебным поединком. И вот два родственника, Николай, сын Акона, и Жоффруа, сын Николая, поспорив об участке земли, вышли на поединок. Поединок продолжался долго, с первого до девятого часа, и ни один из противников не мог одолеть другого. Наконец один из них стал отступать и приблизился спиной к колодцу. Еще шаг, и он бы упал туда, но его противник крикнул ему, чтобы он был осторожнее, и таким образом предупредил падение. Толпившиеся вокруг сражавшихся люди пришли в восторг от столь необычного великодушия и подняли громкий крик, такой громкий, что граф услышал его из своего замка и заинтересовался, в чем дело. Ему рассказали, и он был так растроган, что согласился на отмену судебного поединка. За ежегодную уплату известной суммы денег он позволил горожанам выбирать 24 человека присяжных для разбора всех тяжб между горожанами. Но, вообще говоря, хартий, дарованных барона-

ми, было немного; в огромной массе 1500 королевских привилегий, барониальные грамоты (*baronial charters*) занимают, как это легко объясняется условиями, очень скромное место.

Процесс освобождения в Германии

В Германии процесс освобождения, соединяя в себе черты французского и английского, в главном шел оригинальным путем. И тут особенности феодального развития наложили сильный отпечаток. Как известно, в Германии, в противоположность Франции, вотчинная власть была сравнительно слаба, а в противоположность Англии — в ней выросли сильные племенные княжества, по политическим правам представляющие значительную аналогию с французскими*.

Существование крупных феодальных владений было постоянной угрозой центральной власти, и она, начиная с Генриха I, бросается из стороны в сторону, чтобы найти противовес их влиянию. Саксонские императоры стоят на каролингской точке зрения, но она у них видоизменяется под давлением обстоятельств. Они пытаются найти поддержку у духовных сеньоров и поэтому щедро одаряют их иммунитетами и, вообще, оказывают им большое покровительство, тем самым еще сильнее подрывая основы собственной власти. Конрад II и Генрих III приходят к пониманию политической близорукости этого средства и пытаются путем симонии¹² превратить духовных сеньоров в прямое орудие собственной власти. Политика заискивания сменяется политикой эксплуатации. Наряду с духовенством выдвигается новая социальная сила, которую первые два Салийца поддерживают и стараются усилить. Это — мелкое рыцарство. Генриху III действительно удается достигнуть такими комбинациями превосходных результатов, но стоило ему умереть, как равновесие сразу нарушилось и Генриху IV пришлось создавать новую силу, которая вместе с мелким ры-

* Французские, конечно, не представляли племенных единиц.

царством могла бы нейтрализовать влияние церкви. Этой силой и были города. Естественно, что пока города находились под властью своих епископов, до тех пор они не представляли из себя политической единицы. Чтобы иметь в них опору, их нужно было освобождать. Сделать это было во многих случаях тем легче, что горожане сами успели накопить много сил благодаря развитию торговых сношений. Расчет Генриха оказался вполне правильным в том отношении, что и у него, и у его сына не было более верных союзников против князей, чем города, но он несколько обманулся, рассчитывая немедленно же создать из городов внушительную силу. Могущество городов — явление более позднее.

С очень скромной торговой привилегии, данной Генрихом IV Вормсу, и начинается освободительное движение. Первые вольности города получили по частям: сначала беспшлинная торговля в более или менее многочисленных местах, затем — личная свобода, затем — самоуправление. Но такой порядок практиковался в тех случаях, когда город фактически был уже городом, т. е. имел и стены, и рынок; а там, где город нужно было создать, то село или рыночный поселок сразу получали известный цикл привилегий, городское право; то же бывало, когда город основывался, в буквальном смысле, на голой земле. Как бы то ни было, начиная с Генриха IV и кончая Гогенштауфенами, города и городское население были важным орудием власти в руках императоров. В принципе только император и мог создать город; вплоть до XIII века это право оставалось императорской регалией, потому что регалиями были составные моменты права основания города или возведения поселения в ранг города: право закладки рынка, право возведения укреплений, право дарования судебных изъятий. Но очень скоро после того, как Генрих IV положил основание новой политике, по следам императоров пошли территориальные князья, те самые князья, против которых, главным образом, и ковал свое оружие гениальный салический импера-

тор. Пионерами выступили Церингены⁴³. Конрад Церинген основал в 1120 г. первый город «на свежем корню» — Фрейбург в Брейсгау, причем привилегия, которой привлекались поселенцы, была скопирована с только что получивших вольности от обоих Генрихов верхнерейнских городов: Вормса и Шпейера. Вообще постепенно развивавшиеся конституции старых, преимущественно римских городов были главными образцами, по которым крупные феодалы выкраивали городские права для новооснованных поселений. Наряду с Церингенами, столетием позже прославился, как основатель городов, колонизатор славянских земель Генрих Лев⁴⁴; ему обязаны своим возникновением такие города, как Мюнхен и Брауншвейг; им дарованы привилегии Любеку. Вообще XII и XIII века — это классическая пора закладки городов, с самого начала получавших все необходимые вольности. Вычислено, что в эту эпоху в одной северовосточной Германии основано по меньшей мере 350 городов, всего уже в эпоху от XII и до середины XV в. в Германии основано было около 800 городов. И далеко не одни крупные феодалы были заражены городостроительной горячкой; за ними тянулись и мелкие: каждому хотелось иметь свой город и поэтому нередко основывали его без толку. Поселение важно снабжалось окончанием *burg* или *stadt*, но очень скоро падало до степени простой деревни. С половины XII века появляются образцовые городские конституции, по которым составлялись грамоты новооснованных городов. Самыми известными среди них были Фрейбургская (в Брейсгау), Франкфуртская, Мюнхенская, Любекская, Зестская, Дортмундская, Гамбургская, Магдебургская.

Императоры освобождали города или создавали тем или иным путем новые для того, чтобы в хаосе феодального государства найти лишнюю опору против антигосударственных элементов. Побудительные причины у территориальных князей были более узкие. Они просто поняли, в чем основной нерв хозяйственной эпохи. Они облегчают податные и военные по-

винности нового поселения, отлично зная, что убыток всегда возместится прямым или косвенным путем. Одни таможенные доходы при условии процветания города могли превысить все прочие статьи нехитрого бюджета; а кроме того, у купцов в случае нужды всегда можно было взамен новой привилегии найти столько денег, что легко было покрыть не бог весть какие расходы. Гораздо сложнее были, конечно, расчеты таких замечательных людей, как Генрих Лев, который ясно представлял себе будущее колонизируемого им края и который предназначал город не только для торгово-промышленных, но для военных целей. Словом, тут наблюдается значительная аналогия с французскими новыми городами; если расчеты какого-нибудь Церингена не шли дальше расчетов простого французского барона, думавшего только о своей выгоде, то планы Генриха Льва во многом совпадают с планами французских королей.

Императоры относились к городостроительной деятельности князей довольно спокойно. Прежде всего, каждый такой акт предполагал предварительное согласие или последующую санкцию императора. Этот порядок был последствием упомянутой выше регалии. Только при Фридрихе II* князья получили право возводить на своей территории укрепления и заручились обещанием короля не устраивать там новых рынков близ уже существующих. Они истолковали свое новое право, как право раздавать городские привилегии. Императоры так и не протестовали, и регалия постепенно прекратилась. Но в это время и борьба между центральной властью и центробежными силами подходила к решительному моменту и сама политика Фридриха II в Германии, столь противоположная его южноитальянской политике, показывала, что императорская власть готова капитулировать перед властью территориальных князей. В дальнейшей истории городов последним пришлось стать лицом к лицу с князьями, которые в конце концов и сокруши-

* Император двумя договорами 1220 и 1231 гг. сделал значительные уступки князьям: первый касался духовных, второй — светских.

ли их вольности. Тут уж императоры бессильны. Но и тогда, когда, как в XII в. или в начале XIII в., они могли бы оказать давление на князей, они этого не делают, предоставляя им освобождать города или основывать свободные поселения по желанию. Насколько можно судить по скудным в этом отношении источникам, они просто считают княжеские города скорее полезным, чем опасным для себя элементом, и не думают о том, что владение городом сильно увеличивает могущество князя. В тех случаях, когда княжеский город попадает под власть императоров, они подтверждают и расширяют дарованные князьями городские привилегии. Так поступил Барбаросса с Любеком и другими городами, отнятыми у Генриха Льва после его измены⁴⁵. Эта политика была рассчитана на укрепление связей между горожанами и империей. Каковы бы ни были соображения императоров, совершенно ясен один капитальный результат всего этого развития: в Германии появляются десятки самостоятельных в политическом отношении городских общин, в которых согласно духу экономического момента сосредоточиваются торговля и промышленность и которые в свою очередь делают важным политическим фактором. Этот результат коренным образом изменяет классификацию немецких городов.

В эпоху возникновения городов немецкие города распределялись по трем главным рубрикам: королевские, или имперские, княжеские и епископские. Древнейшими городами первой категории были те, которые с самого начала принадлежали королю в качестве вотчин и дворцовых резиденций. Такие города были более многочисленны на юге, чем на севере; северных имперских городов было наперечет: Ахен, Дортмунд, Гослар, Нордгаузен, Мюльгаузен и после изгнания Генриха Льва — Любек; количество южных сильно увеличилось после вступления на престол Гогенштауфенов, когда к империи отошли все штауфеновские и церингенские лены. Епископские города, классической областью которых был запад Германии, стояли

ближе к имперским, ибо принцип верховной имперской собственности над имперскими церковными землями не забывался. Княжескими или территориальными городами были те, которые возникали на землях светских князей или простых сеньоров, или те, которые, будучи епископами по основанию, подпали под власть светских князей.

Политика императоров, начиная с Генриха IV, привела к тому, что епископские города перестали существовать. Они освободились из-под власти сеньора и частью стали в непосредственные отношения к государству, частью подпали под владычество князей. Первые со времен Фридриха II назывались *Reichsstädte*, или в отличие от исконных имперских городов — *Freistädte*, вторые — *Landstädte*. К числу этих вольных городов относятся: Базель, Страсбург Шпейер, Вормс, Майнц*, Кельн, Аугсбург, Констанц, Магдебург, Нюрнберг и пр. Это — бесспорно вольные города. Относительно некоторых других дело обстояло не так просто. Мец, Туль, Верден, Оснабрюк, одно время даже Трир, не имели определенного положения.

Немецкое городское право благодаря частью политическим, частью географическим и этнографическим условиям оказалось очень влиятельным и легло в основу городского права целых стран. Как известно, магдебургское право вместе с немецкими колонистами проникло в Западную Русь и в Польшу, а северные кодексы Любекский и Гамбургский сделались образцами для городских конституций трех скандинавских государств: Дании, Норвегии и особенно Швеции.

*В 1462 г. Майнц потерял свою независимость и сделался княжеским городом. Положение Регенсбурга было неопределенно; он не то был имперским с самого начала, не то сделался им позднее.

Политическое положение средневековых городов в разных частях Европы

Степень политической самостоятельности, достигнутой городами в Европе, была сильно различна, не только в разных странах, но и внутри каждой отдельной страны. В Италии, как в Верхней, так и в Средней, город приобретает права территориального князя, сливается с территорией и совершенно поглощает государство. Зависимость от императора становится прозрачной. Так что здесь вся страна оказалась поделенной на ряд областей, отмежеванных различными городами-государствами; в Италии не осталось негородских территорий, и политическая география построилась на одном однородном принципе.

То же приблизительно происходило и в Южной Франции. И здесь зависимость от верховного сюзерена⁴⁶ свелась к чисто формальным отношениям; и здесь освобождавшиеся города приобретали огромные права, хотя и не в такой степени, как в Италии; и здесь они захватили почти всю совокупность верховных прав государства. Арль, например, в XIII в. как равный с равным сносится с графом прованским и с Людовиком VIII французским и пользуется всяким удобным случаем, чтобы расширить свою территорию; Марсель, Безье, Нарбонна, Монпелье, Тулуза и Периге не уступали Арлю почти ни в чем.

В Северной Франции коммуна — коллективная сеньория, свободный город-лен; он вырос из феодального режима, и хотя по самому смыслу своего возникновения был ему враждебен, но тем не менее его внешнее положение на первых порах отлилось в феодальную форму и долго еще в ней держалось. Как коллективная сеньория, как феодальный клан, коммуна имеет сюзерена и вассалов. Города буржуазии обычно не обладали политическими правами; короли обеспечили им лишь гражданскую свободу, но на практике благодаря большому разнообразию грамот того и другого порядка трудно было найти очень заметную разницу между наиболее привилеги-

рованным городом буржуазии и наименее независимой коммуной.

Английский свободный город, *liber burgus*, по степени независимости занимает самое неблагоприятное положение. Политической самостоятельностью он не пользовался никогда, и в этом отношении может быть сопоставляем с французскими городами буржуазии и отчасти с немецкими княжескими. У английского города есть выборные должностные лица, есть свой суд, своя печать, он сам держит на откупе свои повинности, но независимостью не пользуется. Английская политическая география также выкроилась однородно, но эта однородность была прямо противоположна той, которую мы наблюдаем в Италии. Там город поглотил территорию, здесь территория поглощает город, в том смысле, что городская организация ничем существенным не отличается от прочей. Английский *liber burgus* делается непосредственным членом государственного организма; над ним довлеет королевская десница; в этом отношении Великая Хартия изменила очень мало. Установившийся обычай, требовавший, чтобы каждый новый король подтверждал привилегии, дарованные его предшественниками, все время, несмотря ни на что, поддерживал зависимость города от короля. Победа баронов над Иоанном вынудила короля на серьезные уступки политического характера, но не устранила возможности вымогательства. Город, хотя и откупавший *firma burgi*, никогда не мог быть уверенным в том, что в один прекрасный день король не потребует с него под угрозой отмены привилегий более или менее значительной суммы денег, не говоря уже о традиционной плате за подтверждение привилегий: появлялось, смотря по обстоятельствам, то требование подарка королеве, то какого-нибудь совершенно произвольного налога. При Генрихе III, который очень неохотно подписал Великую Хартию, и то исключив из нее важнейший пункт о налоге, такие акты были особенно часты. Потребовалась новая борьба с королем, и на полях Льюиса было закончено то, что

было начато на Реинимедском лугу. После 1265 года депутаты от городов уже заседают в парламенте*, сначала нерегулярно, а с 1295 года уже постоянно. Но даже теперь самостоятельность городов была крайне проблематична. В политическом отношении город не выделялся среди прочих органов государства; он только разделял их конституционные права. Зато внутри городов стала развиваться свобода другого порядка. В Германии господствовала страшная путаница отношений, в которой совершенно безнадежно было бы искать однообразие.

В общем, положение имперских городов было более благоприятным, но это не было правилом; некоторые из княжеских пользовались гораздо большей свободой, чем наименее свободные из имперских. Только слабость центральной власти и страшная дробность страны могли создавать такое положение дел. Однако, хотя и многие из имперских городов были почти независимыми республиками, но их самостоятельность и могущество никогда не достигали такой степени, как в Италии. Городские территории были слишком малы, чтобы послужить ядром для образования новых государств. Имперские города стояли в непосредственном отношении к империи, т. е. юридически их положение было то же, что и положение княжеских территорий. Связь их с империей заключалась в том, что они уплачивали налоги, от которых, впрочем, чаще освобождались, и были обязаны доставлять в том или ином виде военную помощь. Что касается княжеских городов, то и они были повинны выплачивать обычный налог (*Bede*), но так же, как и имперские города от имперского, они были освобождены от своего. Самостоятельности немецких городов вечной угрозой служили князья, благодаря которым в Германии и не создано мелких независимых государств вокруг городов. Но то, в чем история видит счастье Германии, заинтересованные современники считали большим неудобством. Руководителям городской политики

* Призвание их в 1213 году было мимолетно и, кажется, оно не имело даже силы прецедента.

казалось, что изолированное положение города лицом к лицу с территориальным князем не представляло ничего утешительного. И города вступают в союзы. Важнейшими из таких союзов были Рейнский 1254 г., Швабский — второй половины XIV в. и Ганза. В состав второго входили главным образом имперские города, в состав третьего — княжеские; в эпоху Рейнского союза еще не определилось различие между теми и другими. Рейнский и Ганза преследовали, один — преимущественно, другой — исключительно торговые цели, Швабский был заключен для борьбы с князьями, угрожавшими свободе городов.

Итак, степень самостоятельности городов находится в обратной зависимости от того, насколько страна успела выработать сильную государственную власть. В Англии, стране с наиболее централизованной и сильной властью, на собственных территориях французских королей и частью на немецких княжеских землях, за городами обеспечивается лишь известная сумма гражданских прав; политической свободы за некоторыми исключениями, которые приходятся на долю Германии, тут не существует. В Италии и Южной Франции, где дробность государственной власти и политическая анархия достигли наибольшего развития, города добились и наибольшей независимости. Среднее положение занимали французские коммюны и немецкие имперские города. Таким образом, политические условия dokonчили то, что начали экономические. Последние сообщили толчок городскому движению, первые его урегулировали и привели к известным результатам.

Города и феодальный строй.

Упадок средневековых городов.

Сложившийся городской строй в Европе сделался отрицанием феодального строя. Это касается прежде всего экономических условий, в которых город, единица менового хозяйственного строя, противопоставляется селу, единице натуральнохозяй-

ственного строя. Город не может допустить существование рядом с собой замкнутых натуральнохозяйственных единиц, таких хозяйств, которые могут все производить дома и не вынуждены ничего обменивать. Если бы окрестные села не привозили в город хлеба, он оказался бы в безвыходном положении, ибо получаемого с городских полей не хватило бы для всего населения. И город принуждает соседние хозяйства вступать с ним в обмен, не останавливаясь в случае нужды даже перед мерами настоящего принуждения. К последним относится часть борьбы с рыцарями — помещиками из ближайшей к городу округи. В хозяйственном отношении между городами нет никакой разницы; независимый ли город или помещичий — это для экономической эволюции совершенно безразлично; для нее освобождение городов — процесс совершенно второстепенный; для нее важна свобода бюргера, позволяющая ему осуществлять новые запросы торговли и промышленности, а не независимость города. Поэтому хозяйственная организация городов повсюду почти совершенно однородна.

Но городской строй был противоположен феодальному не только этой своей стороною. В городах впервые появляется одна из основных идей современного государства; в них, как *mutatis mutandis*⁴⁷ в современном государстве, власть покоится не на землевладении, как требовала строгая феодальная система, а на воле городской общины, выразителем которой является центральный городской орган; итальянские республики показали и следующий этап в развитии современной государственной идеи; над городской общиной там появляется князь, тиран в древнегреческом смысле слова, монарх новой истории государства. С феодальными политическими принципами, тянувшими к земле и смешивавшими частнопровольные и государственно-правовые принципы, историческая эволюция Европы покончила впервые благодаря городам. Хотя в некоторых странах городские отношения и усваивали феодальные формы, но то были только формы, в которых зрело новое содержание.

Французская коммуна, как целое, могла быть только сеньорией и ничем иным, но внутри коммуны не было и следа тех отношений, которые создавали содержание сеньории.

Но историческая роль городов не ограничивалась принципиальным отрицанием феодальной идеи; благодаря городам сделан возможен переход к сословной монархии. Как только города становятся на ноги, они заявляют притязание на участие в политической жизни страны. Этого, конечно, не могло быть в Италии и на первых порах в Южной Франции, где политическая жизнь была поглощена городами, где город был сам государством. Зато в остальных частях Европы этот фазис осуществляется повсеместно. Сословно-представительные учреждения вырастают тоже на феодальной почве, чтобы затем содействовать разрушению феодального строя. Это всего лучше видно на французских условиях. В первых генеральных штатах коммуны участвуют в качестве муниципальных сеньории; поэтому их представители — не выборные депутаты, а должностные лица. Но по мере разложения феодализма, когда члены дворянства и духовенства, которые прежде являлись в генеральные штаты в качестве таковых, стали превращаться в сословных депутатов, и депутаты от городов стали тоже являться по избранию, а не в качестве естественных представителей города.

Иначе обстояло дело в Англии и в немецких княжествах, где принцип избираемости от сословий установился рано и где города стали посылать депутатов в сословные представительные учреждения: в Англии — парламент, в Германии — ландтаги — как только выяснился факт их роста. Здесь не было предыдущей фазы, ибо не было никогда муниципальных сеньорий. Это развитие едва ли не наиболее характерно. Оно показывает, как города, не пользующиеся политической независимостью, приобретают политическое значение и начинают играть роль в жизни государства.

Представительство немецких имперских городов на сейме империи долго еще сохраняло характер старого феодального

представительства. На сейм города являлись в качестве обладателей земского верховенства. Тут замечается некоторая аналогия с первым периодом представительства французских коммун.

История сословной монархии начинается с той поры, когда к двум старым феодальным чинам присоединяется новый, нефеодальный по своему принципу третий чин. Это — новорожденный, сил у него немного, но на нем лежит печать истории, ему суждено сокрушить политическую монополию дворянства и духовенства.

Какова же была дальнейшая судьба городов?

Их экономическое положение было, конечно, вполне прочно. Новые условия хозяйственной жизни все больше и больше выдвигали их значение. По мере того, как развивались торговля и промышленность, возрастала и роль городов; по мере того, как земледелие теряло свое бывшее положение, усиливался отлив из села в город. Количество городов с XIII и XIV веков возрастает не особенно быстро. Только хозяйственный переворот конца XVIII века в огромной степени усилил темп этого количественного роста, и современная культура недаром называется городской культурой.

Зато в политическом отношении города начинают клониться к упадку уже с XIV века. В этом процессе мы должны различать две категории причин, которые идут рука об руку: внутренние и внешние. Внутри городов начинается борьба классов, которая ведет к дальнейшим неурядицам и к ослаблению городов. Этим пользуется государство, чтобы наложить руку на политические вольности городов. Такова схема. Ясно, что больше всего потеряли те города, которые больше всего имели. Городам, у которых не было политической независимости, нечего или почти нечего было терять в политическом отношении. Кроме того, последние не знали либо совсем, либо в той степе-

ни, как свободные, внутренней борьбы, ибо в них не было правящей аристократии, а были одни только подданные; борьба, которая раздирала имперские города в Германии и французские коммун, была незнакома английским городам и французским *villes de bourgeoisie*. И там были, конечно, внутренние раздоры, но они носили совершенно иной характер.

Рассмотрим несколько подробнее процесс утраты свободными городами политической самостоятельности.

К концу XIII и началу XIV веков итальянские города сложились уже совсем, на тех основаниях, которые были изложены выше. Феодальная знать, как таковая, перестала существовать. Сельский феодал должен был покинуть свой крепкий замок и переселиться в город. Таким насильственным водворением знати городам удалось добиться сословной консолидации гражданского состава; но гораздо раньше, чем она закончилась, в том же гражданстве уже существовала классовая дифференциация. *Popolo grasso* и *popolo minuto*, старшие и младшие цеха давно уже чувствовали, что их интересы противоположны, и не скрывали взаимного антагонизма. Этим антагонизмом и пользовались те лица, которые захватывали в свои руки тиранию.

Трудно установить общую историческую причину гибели политической свободы горожан. Иногда основой власти делалась военная сила, иногда крупное богатство, смотря по условиям, но остается тот факт, что в XIV—XV веках во всех крупных центрах Северной и Средней Италии установилась деспотическая власть тиранов. Мы имеем основание думать, что укоренение такой власти было даже необходимо, ибо она нигде не встречала серьезного сопротивления и всюду привилась прочно и надолго. Крупная буржуазия мирилась с нею потому, что деспот снимал с нее обязанность самой обеспечивать себе внешнее спокойствие и возиться с административными и военными вопросами; ремесленники надеялись под десницею тирана видеть осуществление гражданского равенства, которо-

го они не могли добиться раньше, несмотря на все усилия и временные успехи; что касается дворянских семейств, поглощенных городским купечеством и ремесленничеством, то они, естественно, должны были приветствовать нарождающуюся власть, ибо в них сейчас же просыпались старые придворно-феодальные традиции. Было, наконец, и более общее условие, облегчавшее поглощение тиранами политической свободы городов, это — устранение той причины, которая была одной из главных в числе, создававших итальянскую городскую политическую свободу, — борьбы императоров и пап. Империя была изгнана за Альпы, папы упряты в Авиньон⁴⁸, и тиранам предоставлена полная свобода действий. Некоторые города, и во главе их Венеция, не попали в руки тиранов. Но и для них, как для всех итальянских городов, скоро наступила пора упадка, вызванного уже иными причинами, открытием Америки и морского пути в Индию. Открытие Америки первоначально не оказало влияния на положение европейской торговли: влияние этого факта стало обнаруживаться не раньше половины XVI века, когда почувствовался в хозяйственном обиходе Европы прилив драгоценных металлов из Нового Света. Зато открытие Васко да Гамы сказалось сразу. Когда в Венецию пришло известие об этом, в царице Адриатики и Средиземного моря наступила паника, и дальнейшие события показали, что эта паника имела полное основание. Благодаря героическим усилиям Венеция некоторое время еще сохраняла за собою торговлю восточными пряностями, но скоро и ей пришел конец. Итальянские города должны были уступить гегемонию другим нациям.

Во Франции коммун тоже потеряли свою независимость и отчасти по тем же причинам, что и в Италии. Внутренние классовые раздоры и полная неспособность вести дела управления с одной стороны, и усиление королевской власти, с другой — вот главные причины гибели французской коммунальной свободы.

Это случилось, конечно, не сразу. Коммуна, сделавшись коллективной сеньорией, попала в разряд феодалов и должна была испытать на себе политику Капетингов и Валуа⁴⁹ по отношению к феодалам. Какова была эта политика, достаточно известно. Но французские короли не сразу постигают, что коммуна — тот же феодальный класс. Когда проходит период колебаний, им бросается в глаза вражда коммун и баронов, они наблюдают постоянную борьбу между ними, и видят в коммунах союзников. Но по мере того, как мелкие и средние феодалы исчезают, коммунальные вольности начинают являться королям в ином свете; коммуны представляются государствами в государстве, в такой же мере противоречащими собирательной тенденции Капетингов, в какой они прежде казались ее союзниками.

Филипп Август относится к коммунам очень благосклонно, он утверждает большое количество хартий и всюду старается поддерживать мир между различными элементами коммунального населения. Его политика прямо благодетельна для коммун. Но уже с Людовиком Святым начинается период порабощения коммун королевской властью. Легисты⁵⁰, впрочем, еще раньше выставили тот принцип, что никто не имеет права создавать во Франции коммуну, кроме короля или лица, действующего с его согласия, «ибо не дозволено учреждать новые законы»*. При Людовике Святом принцип находит все большее и большее приложение. Практика апелляции к парламентам на приговоры коммунальных судов все расширяет сферу вмешательства королевской юрисдикции в область суда и администрации вольных муниципий; случаи, когда требуется обращение к суду парламента, все учащаются; даже внутренние смуты в коммунах привлекают усиленное внимание короля и его должностных лиц; в некоторых коммунах изменяют конституции в угоду массе и в ущерб патрициям. Но окончательно сокрушают коммунальные вольности финансовые дела. При

* Слово Бомануара; см. выше. — С. 60.

том же Людовике IX королевское казначейство стало понемногу устанавливать свой контроль над коммунальными финансами, и старалось изо всех сил выжать из городов побольше денег. Людовик IX еще предупреждает окончательный финансовый упадок, но Филипп Красивый не знает пощады. То, что он сделал с тамплиерами⁵¹, не было единичным случаем. К коммунам сплошь и рядом применялась та же политика прямого и косвенного грабительства. Налоги, уплачиваемые городами, были огромны, судебные пени за самые незначительные провинности достигали необычайно высокой цифры; поэтому бюджеты коммун в последнем периоде их истории не выходили из дефицитов. Такой политикой Филипп Красивый сразу достигал двух целей: наполнял свою казну и доводил истощенные его фискальной политикой города якобы к добровольному отречению от своих вольностей. Этот неизбежный конец ускорился еще внутренними смутами и произволом королевских чиновников.

Само собою разумеется, что ни сыновья Филиппа IV, ни первые Валуа уже не отступают от этой политики. При Иоанне Добром и Карле V создание новых городов, хотя бы городов буржуазии, является исключением, вызванным военными или иными нуждами, но уничтожение коммунальных хартий продолжается постоянно; революция 80-х годов XIV века, в которой приняли участие Париж и несколько других городов, повлекла за собою еще большие ограничения. Но, вообще говоря, смуты, связанные со Столетней войной и наполнившие все царствование Карла VI, отдалили час конечной гибели всех муниципальных политических вольностей, сам Карл VII ищет их помощи, старается поддержать их внутреннее благосостояние и даже утверждает несколько новых коммунальных хартий. Но он делает это поневоле, вынужденный обстоятельствами, и то, что дает одной рукою, отнимает другой. Он поощряет торговлю и промышленность, в пользу которых его убедил Жак Кэр, он не трогает буржуазию, как класс, но он очень ко-

со смотрит на остатки политических вольностей городов. То же приблизительно делает Людовик XI, который поддерживает буржуазию, чтобы с ее помощью одолеть знать и подавить народ.

Благодаря всей этой крайне последовательной политике, муниципальные политические вольности во Франции, особенно Северной, совершенно теряют свое значение. В Южной Франции коммуны, хотя и не обладают уже прежней мощью, но еще держатся, благодаря экономическим условиям; в эпоху религиозных войн XVI в. они еще раз поднимут голову, но это будет уже последней вспышкой некогда могучего пламени; ее зальет волна абсолютизма.

Если к концу XV века с итальянскими и французскими городами было почти покончено, то политические вольности немецких имперских городов пали гораздо позже. Конец немецкой городской независимости приходится на XVII век. Правда, процесс упадка начался гораздо раньше, еще в XV веке, но он очень затянулся. Здесь мы должны различать три причины: внутреннее ослабление городов, как результат борьбы светского патрициата с ремесленниками, собирательную политику князей и условия международной торговли после открытия Америки и морского пути в Индию.

Международная торговля поддерживала мощь немецких городов; одни из них находились в непосредственных сношениях с центром европейской торговли, с Италией, другие входили в Ганзу и принимали участие в ее операциях.

Первоначально географические открытия не отозвались на немецкой торговле. Она только переменяла направление и не терпела ущерба от конкуренции португальцев и испанцев. Немецкие капиталисты даже завели конторы в Лиссабоне и оттуда вели дело с Востоком и Западом. Но близорукая политика Филиппа II, соединившего в своей власти Испанию и Португалию, погубила все. Пиренейские фирмы разорились, а вслед за ними лопнули крупнейшие немецкие фирмы: «Фуггеры»,

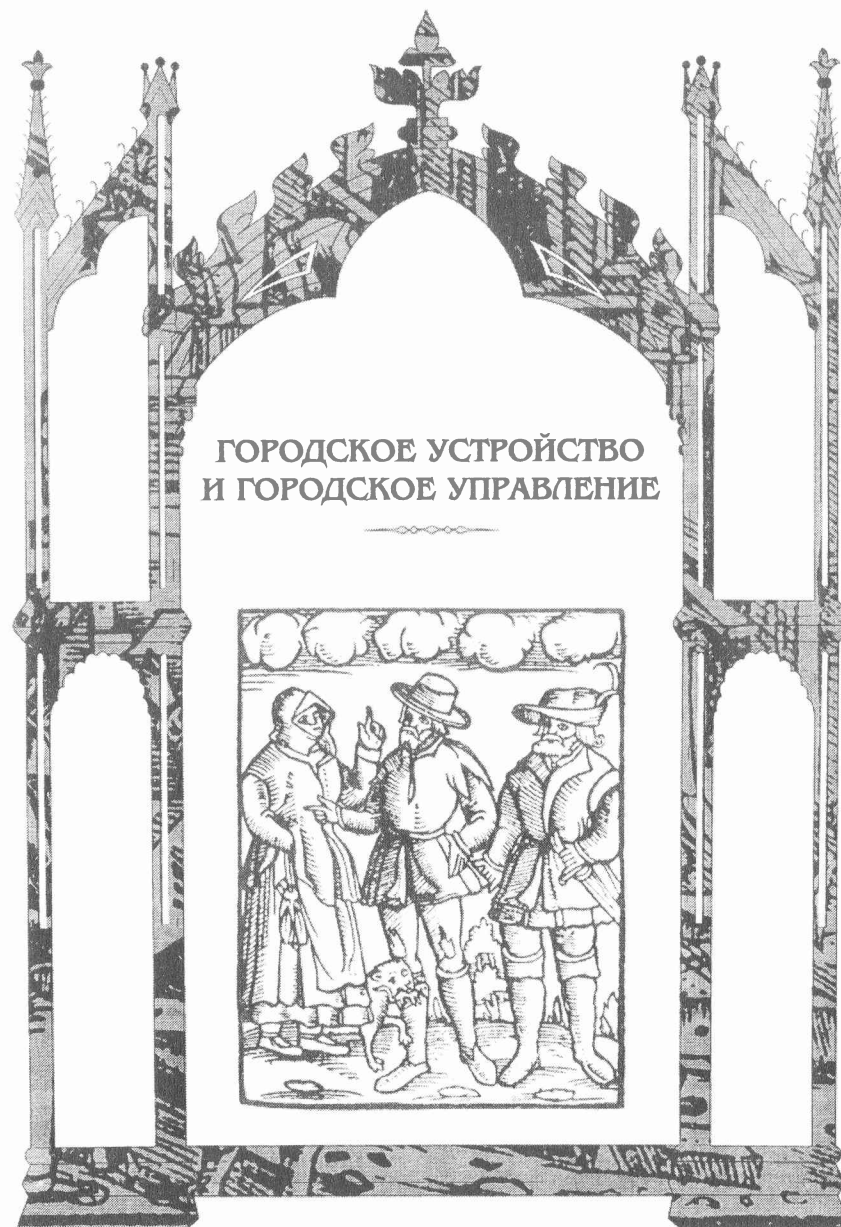
«Вельзеры»⁵² и др., а крах таких домов вел за собою упадок целых городов. Аугсбург и Нюрнберг в течение нескольких столетий не могли оправиться от результатов этого кризиса. Упадок Италии был другим моментом, подорвавшим экономическое значение городов Дунайской и Рейнской линии и вообще Южной Германии. Что касается Ганзы, то ее сгубила внезапно выросшая торговля Нидерландов и Англии и более раннее закрытие русского рынка при Иване III.

Это условие в связи с внутренними раздорами облегчило князьям возможность прибирать к рукам имперские города и ограничивать вольности в княжеских. Первый удар пришелся по княжескому городу, Берлину (1442 г.), второй — по имперскому Майнцу (1462 г.). После этого тянется долгий процесс постепенного подчинения городов князьям. Только единичные города пережили роковой XVII век, когда опустошение и застой, явившиеся результатами Тридцатилетней войны⁵³, докончили города и отдали их на произвол князьям.

Подведем итоги внешней истории средневековых городов.

Они выросли на почве возродившейся торговли и в условиях дезорганизованного феодального общества. Они приноравливались к существующим политическим формам и заняли положение в ряду политических единиц, отбив господствующее экономическое положение у села. Политическая свобода была возможна только благодаря слабости государства, средств которого не хватало на многообразные заботы об управлении; поэтому в стране, где возникла сильная власть, в Англии, политической свободы города не знали. По мере того, как государство крепло, независимость городов расшатывалась. Она окончательно пала, встретившись с последовательной централизованной тенденцией государственной власти. С другой стороны, городам, т. е. соединениям жителей, преимущественно в целях экономической деятельности, стало не под силу нести усложнившиеся с течением времени административные, военные, судебные и проч. заботы; на элементарные неэкономические за-

просы эпохи возникновения городов, муниципальных средств хватало, но впоследствии экономическая деятельность стала поглощать всю энергию горожан, и они охотно снимали с себя бремя политических и административных забот, которое приводило к раздорам классов и партий и не окупалось ничем. Но, расставаясь с политическими правами, горожане, во-первых, не отрекались от участия в политической жизни страны — в представительных учреждениях — и бессознательно подчеркивали экономическое и социальное значение своего сословия, третьего сословия, буржуазии. Когда великий экономический кризис, связанный с открытием Америки и морского пути в Индию, уничтожил торговую монополию средиземноморских городов и постепенно распределил ровнее торговую деятельность в Европе, городское сословие, созревшее в вековых испытаниях всякого рода, снова стало лицом к лицу с абсолютизмом. Но прежде чем настало это время, много утекло воды в европейских реках. Это случилось впервые в 1789 году во Франции⁵⁴.

- ✧ Сеньориальный режим в немецких городах
- ✧ Сеньориальный режим в итальянских городах
- ✧ Сеньориальный режим во французских городах
- ✧ Сеньориальный режим в английских городах
- ✧ Укрепление и идея особенного мира
- ✧ Распорядки в сельской земельной общине
- ✧ Городские учреждения, возникшие под влиянием торговли. Купцы, рынок, меры и вес
- ✧ Чем обязан город сельской общине
- ✧ Город как реальная община и как община личная
- ✧ Городское землевладение, разрешение крепостных отношений в городах; право гражданства и его эволюция
- ✧ Городское право, гражданское и уголовное; его значение
- ✧ Городские суды
- ✧ История городского управления в Италии и в Южной Франции
- ✧ История городского управления в Северной Франции
- ✧ История городского управления в Германии
- ✧ Городское устройство и управление в Англии
- ✧ Происхождение городских учреждений и, в частности, городских советов

Было бы напрасным трудом пытаться дать общую картину городских учреждений в Европе. Даже в пределах одной и той же страны господствует такое разнообразие типов, что нет никакой возможности свести все к одному; если же сопоставлять городское устройство в различных странах, то обнаружатся еще более резкие контрасты. Это и понятно. Ход развития Европы по отдельным странам представляет много особенностей; в одном месте действуют одни условия, в другом — другие. Сравнительно-историческое исследование в этих случаях приведет только к одному результату: мы узнаем доподлинно, что сходства нет никакого. Однако при всем этом попытка уловить общие условия в более или менее обширных районах не может считаться безнадежной и уже а priori¹ имеет за себя некоторые аргументы. Прежде всего есть несколько исторических предпосылок, которые воспроизводятся довольно правильно: одни применимы к более обширным территориальным группам, другие — к менее обширным; границы одних совпадают с границами государства, других — с границами поселения народа, племени,

расы и проч. Действие этих предпосылок испытывает пертурбацию со стороны местных особенностей, так что при однородности принципа в его выражениях наблюдается порою очень значительная разница. В числе этих предпосылок наиболее крупные — римская традиция, бытовые особенности германского племени, политические принципы каролингской монархии и Священной Римской империи, запросы торговли, требования промышленности. Эти предпосылки сами по себе определяют тот район, в пределах которого история может искать черты однородного развития; районы, конечно, в разных случаях будут очень неодинаковы. Те особенности городского устройства, которые явились результатом экономических причин, очевидно, будут распространены больше, чем, например, те, которые явились результатом установления Священной Римской империи, связавшей судьбы Германии и Италии.

Этими соображениями мы и будем руководствоваться при изложении устройства и управления городов. Само собою разумеется, что это изложение не может претендовать на полноту; учесть в одном по необходимости схематичном очерке все известные особенности — задача в данном случае невыполнимая.

Сеньориальный режим в немецких городах

После того как движение народов улеглось и на развалинах Римской империи установились племенные государства германцев, в них начался тот процесс, который со временем привел к феодализации Европы. Одним из первых признаков того, что процесс начался, было появление иммунитета. Этот институт, римский по имени, не имел ничего общего с римскими порядками. Его сущность раскрывается в простой формуле. Вот одна из этих формул, относящаяся к меровингской эпохе. Король говорит: «Ради вечного спасения, чтобы приобщиться к награде, мы благочестиво даруем епископу этого города следующее благодеяние: ни один государственный судья не должен посещать церковных владений, чтобы заниматься там разбором судебных

дел, взимать в пользу государства судебную пеню*, требовать для себя постоя или содержания, уводить поручителей. Все, что приходится на долю фиска² из судебных денег или иных доходов со свободных, крепостных и живущих на церковной земле иностранцев, — все это ради спасения нашей души отныне должно употребляться на освещение церкви». Если иммунитет даровался светскому помещику, то видоизменялся лишь мотив: вместо спасения души фигурировало награждение за верность.

Меровингские формулы большею точностью не отличаются; да в ней и не было необходимости, так как современникам смысл формулы был совершенно понятен. Зато теперь без комментариев понять его мудрено. Первая часть еще ясна: на церковную землю не должны были являться королевские чиновники, творившие суд и расправу, графы; этим церковная или другая помещичья земля исключалась из сотенной организации; следовательно, издержки, которые были связаны с появлением графа, оставались дома. Далее, все, что приходится на долю казны из судебных и иных доходов, идет в пользу церкви. А если судебные доходы идут в пользу церкви, то, по тогдашним понятиям, это значит, что церкви предоставляется и право суда. Тот, кто получает *fredus*, судья. Предоставление судебных денег предполагает полную передачу судопроизводства без ограничения права суда мелкими и средними делами. Иммунитет учреждает вотчинный суд. Граф только тогда появляется на сцену, когда возникает смешанное дело — человека, живущего на помещичьей земле, с посторонним.

Государство отступает от своих прав в пользу частного — физического или юридического — лица. Таков первый принцип феодализма; в данном случае это имеет чисто материальный характер. Центр тяжести в доходах. Позднее дело изменится. Но дарование иммунитета не имело прямого значения для го-

* *Fredus* — та часть вергельда, судебной пени, взыскиваемой с преступника, которая шла в пользу государства; она составляла $\frac{1}{3}$ всей суммы, остальная часть шла в пользу потерпевшего или его рода.

рода, как такового; оно относилось не к народу, а к лежащим вне и внутри города церковным землям.

Иммунитет в собственном смысле является только началом отчуждения государством своих прав. Принцип феодального порядка таков, что оно не может остановиться на этом. Вслед за вотчинным судом сеньор получает и другие права: право на учреждение рынка*, на чеканку монеты, на взимание торговых пошлин. Предоставление этих прав городскому сеньору завершало его хозяйственную самостоятельность и уже более непосредственно относилось к городу. Рынок получал юридическую охрану со стороны государства и защиту от конкурента тех рынков, которые были учреждены без санкции королевской власти и, следовательно, с правом владеть которыми не соединялись права чеканки монеты и взимания торговых пошлин**. Под пошлинами, предоставляемыми сеньору, подразумевались не только пошлины с товаров при купле-продаже на рынке***, но и таможенные пошлины в тесном смысле: дорожные, мостовые, выездные. Сюда же относится освобождение от уплаты пошлин в других местах, даруемое помещику, но не имевшее большого значения. Крупным фактором оно становится лишь позднее вместе с возрождением торговли, но тогда им пользуются уже не сеньоры, а община. Выгодность чеканки обуславливается прибылью, которой пользовался сеньор от монетной пошлины и от размена.

С перечисленными правами связано также заведование мерами и весом; вопрос о мерах и весе является и при чеканке

* См. выше. — С. 45. Рыночная регалия возникла позднее, при последних Каролингах; но и раньше, когда сеньор пользовался правом учреждать рынок когда угодно, он не мог извлечь из этого права никакой пользы, пока не получал двух остальных привилегий. Так что формальное разделение не изменило смысла и естественно должно было исчезнуть.

** Таких рынков, восходящих большею частью к ранней эпохе, было много. Но, чтобы сделаться привилегированными, они нуждались в соответствующей грамоте. Таковы были рынки епископских резиденций: Бремена, Миндена, Гальберштадта до получения их сеньорами Оттонских привилегий.

*** Частные сделки вне рынка не подлежали оплате пошлиной.

монеты, и при определении пошлин, и при рыночной торговле вообще. Это право первоначально также было регалией и никогда оно не переставало рассматриваться как таковое, но так как государственная власть после Карла Великого и его ближайших преемников растеряла почти все свои регалии, то и эта фактически перешла к поместным и к простым общинам; в последних она встретилась с самостоятельной тенденцией, выросшей в общинных отношениях, и привилась очень основательно.

Предоставление епископам и монастырям всех этих регалий могло оказаться простой фикцией, если бы королевская власть не позаботилась о том, чтобы пользование ими не встречало препятствия. Собственных правомочий сеньора было недостаточно, чтобы охранять свои регалии; государство и тут пришло к ним на помощь. Оно дарует сеньорам королевский банн, принудительную власть государства; помещик, получая регалии, получает вместе с ними власть осуществлять их и карать за их нарушение в силу не своих частных прав, а прав государства.

Однако и на этом не прекращается рост власти епископов. Государство нуждается в них*; в тех своеобразных политических комбинациях, которые возможны были только в средневековом государстве, епископы в известную эпоху становятся единственной серьезной опорой королевской власти; чтобы эта опора приобрела большую прочность, епископов систематически усиливают. Это — пора Оттоновских привилегий в Священной Римской империи. Королевская власть отчуждает в пользу епископов судебное верховенство, судебную власть государства. Это не возобновление иммунитета, не устранение и не замена его. Иммунитет сам по себе; полученный епископами и аббатами раньше, он остается в полной силе. Но иммунитет дает право только на вотчинный суд, Оттоновские привилегии — на государственный суд. В руках у епископов и аббатов сосредоточиваются два суда. Власть прежнего судьи, графа упраздняется, и на его место заступает духовный сеньор.

* См. выше. — С. 67.

Появляются духовные графства. Границы этих новых графств не обширны; они обыкновенно охватывают город, в котором находится резиденция сеньора, и ближайшую округу. В Германии нет более точного определения; в Италии границы вычисляются по милям (около полутора км). Так округ Асти равнялся 2 милям, округ Новары — 3, Кремоны — 5, Лоди — 7.

Главное значение передачи судебного верховенства духовным князьям заключается не в образовании самостоятельного городского судебного округа — он образовался позже, ибо в X веке еще не было необходимых условий: торговля была незначительна, особого городского права еще не было. Значение рассматриваемого факта было иное. Он прекращал власть над городом графа и его рода, т. е. власть государства, ибо судебная власть в ту пору составляла сущность господства вообще (*iudicare* на латинском языке того времени означало не просто судить и владеть судом, а гораздо больше — управлять). Это был важный этап, пройденный городом по пути к самостоятельности*. Но тот же факт имел другую сторону. Теперь в руках епископа или аббата соединялись два суда, вотчинный и государственный; к ним присоединялись еще административные права, которыми он пользовался в силу королевского бана. Естественно, что у сеньоров появилась весьма непохвальная склонность путать свои судебные административные и вотчинные права и трактовать всех вообще жителей города, как крепостных. И, пока у него была фактическая возможность вызывать неприятных ему бюргеров в непосредственно зависимый от него суд, до тех пор город был в его руках. Это обстоятельство было, конечно, не последней причиной несогласия и раздоров между горожанами и сеньорами. Привилегии салических императоров положили конец епископскому гнету.

Замещение судебно-административной власти графа властью духовного сеньора далеко не всегда совершалось гладко. В некоторых городах графы были сильны и прямо отказы-

* См. выше. — С. 49–50.

вались уступать. В этих случаях дело доходило до борьбы, и приходилось вмешиваться императору. Преемникам Оттонов иногда приходилось брать назад уступленные епископам права. Так поступил, например, Генрих IV в Вормсе, где епископские полномочия вновь были введены в узкие границы старого иммунитета.

Каким же образом осуществлялась судебная власть епископа там, где реформа прошла без затруднений?

Епископ в силу дарованных ему прав передавал суд назначаемому им фогту (*Vogt, advocatus*)³ или бургграфу*. Последний появляется лишь с XI века. Бургграф, собственно, комендант бурга, так как всякий средневековый город есть бург**. Должность эта — видоизменение и переживание должности прежнего графа. Различие между той и другой заключалось в том, что бургграф назначался и сменялся епископом. В некоторых городах епископы благодаря влиятельности графского рода не решаются круто разделаться с прежним носителем судебно-административных правомочий; в других — они восстанавливают уже упраздненную должность графа, чтобы иметь в нем опору против далеко не всегда покорных и, вообще, ненадежных вассалов и министералов. Но в обоих случаях они обеспечивают за собою право назначения. Иногда фогт и бургграф фигурируют рядом; тогда судьей является один из них. Так, в Кельне бургграф — носитель судебного верховенства в городе наряду с архиепископом; он председатель государственного суда; фогт же разделяет с ним председательство в суде архиепископского двора. Наоборот, в Страсбурге фогт держит суд от епископа, а бургграф — мелкое должностное лицо из среды министералов. В Майнце положение бургграфа очень определено: он держит суд непосредственно от императора, но в то же время он вассал архиепископа. В Вормсе первоначально бургграф — государственный судья, а фогт — вотчин-

* Он назывался и просто графом, городским префектом и проч.

** Об этом ниже. — С. 103.

ный, действующий в пределах иммунитета; в XII веке обе должности сливаются, но название бургграфа исчезает и остается один фогт. В Вюрцбурге обе должности всегда были соединены в одних руках. Итак, бургграф является то высшим городским (и земским) судьей (тогда он граф или вообще знатный, но состоит вассалом епископа), то мелкий административный чиновник из министриалов. Фогт — то верховный судья (тогда он также граф или знатный вообще и в то же время вассал епископа), то второй городской судья из министриалов. Обе должности встречаются и в королевских городах. Имперских бургграфов мы находим в Нюрнберге, Мейссене и др., фогта в качестве второго городского судьи из королевских министриалов в Ахене и Франкфурте-на-Майне.

Третий судья в городе — староста (Schultheiss, schultetus, villicus и иные). Его положение различно, и иногда он играет очень важную роль. В Трире, где нет ни бургграфа, ни фогта, он высшее светское должностное лицо. В Франкфурте и Нюрнберге он — королевский судья и глава города, хотя в первом есть фогт, а во втором — бургграф. Вообще же, как в большинстве случаев, он — помощник судьи, из министриалов. Общее правило то, что бургграф и фогт заведуют высшим судом, староста — низшим*.

Под председательством городского судьи или его заместителя** приговор выносит судебная коллегия. До Карла Великого присутствие на суде было повинностью всего взрослого свободного населения сотни. После реформы, введенной между 770 и 780 годами, судебную общину сменили выборные — ска-

* Были и другие должностные лица в городе, заместитель бургграфа и фогта (в Кельне); лица, заведующие сбором пошлин; лица, заведующие чеканкою денег (две последних должности иногда соединялись в руках камерария). Эти лица выходили почти всегда из среды министриалов.

** В тех случаях, когда бургграфство или должность фогта находились в руках крупного барона, они редко лично председательствовали на суде. Вместо себя они посылали обыкновенно заместителя, а сами совершенно удовлетворялись связанным с должностью почетом и приносимыми ею доходами.

бины, шеффены*. Этот институт был распространен не по всей Германии, но он не ограничивался, как думали, областями франков. В городах по Нижнему Рейну и по Мозелю коллегии шеффенов существуют везде. В Вестфалии они совпадают с городскими советами; в Саксонии мы их находим в Магдебурге и Галле; в Верхней Германии — в имперских городах Ульме и Франкфурте. В Вормсе шеффены есть, но их роли мы не знаем, в Майнце они играют роль адвокатов. В Баварских городах**, в верхнерейнских Страсбурге и Базеле, в Шпейере и Аугсбурге шеффены не встречаются. Наследственная передача должности шеффена от отца к сыну, а за отсутствием или за малолетством последнего, родственнику, не доказана.

Сеньориальный режим в итальянских городах

В Германии только что описанные условия представляют больше всего типичных черт***, по которым легче всего составить представление о том влиянии, какое имел сеньориальный режим на городские учреждения. В других странах мы тоже встречаем почти все основные факты, но в зависимости от местных условий они меняются и разнообразятся до бесконечности. Причина того, что Германия шла в данном случае более правильным темпом, совершенно ясна. Основания политики, которой придерживалась тут государственная власть, окончательно выработались при Карле Великом. Немецкие Каролинги и Оттоны последовательно развивали руководящий принцип Карла. Они покровительствовали духовным сеньорам, в которых хотели видеть свою главную и наиболее естественную опору. Поэтому они мало-помалу передали епископам и аббатам все — по крайней мере, главные функции государственной вла-

* Следует отличать шеффенов, попадающихся отдельно, и коллегии шеффенов. От присутствия первых нельзя заключать к присутствию последних.

** В судах графств в Баварии и Австрии они фигурировали до XII в.

*** Они и исследованы несравненно лучше, чем те же отношения в других странах.

сти, которые те осуществляли или на частнопровых, или на публичноправовых титулах.

Ближе всего к немецким условиям стоят условия итальянские, что также нетрудно понять. Италия первоначально разделяла судьбы Каролингской монархии, а при Оттоне I вошла в состав восстановленной Священной Римской империи, и саксонские императоры обыкновенно придерживались одной и той же политики как в Германии, так и в Италии. Но между прекращением Каролингской династии (875 г.) и коронованием Оттона I (962 г.) прошло довольно много времени, и этим временем воспользовались итальянские епископы, чтобы усилить свои привилегии. Оттоны даровали им все те права, которыми пользовались немецкие епископы, но до Оттонов в смутную пору, когда претендентам на королевский или императорский титул приходилось изыскивать всевозможные средства, чтобы закрепить за собою власть, прелаты в Северной Италии сумели добиться таких прав, которых немецкие сеньоры, как таковые, не получали никогда. В то самое время, когда Генрих I Птицелов надолго утверждал за королевской властью исключительное право строить укрепления, Беренгар I и его преемники в Италии должны были уступить это право епископам. Немецким императорам это обстоятельство было, по-видимому, очень неприятно, и они в своих грамотах обыкновенно лишь вскользь упоминали, — не подтверждая ее формально, но и не будучи в состоянии отменить ее, — об этой привилегии итальянских епископов.

Другое преимущество итальянских духовных сеньоров перед немецкими лежало в области суда. В Германии свободные никогда не были формально обязаны подчиняться имунитетному, вотчинному суду сеньора ни по каким делам. В Италии до Оттонов ариманни фактически делаются подсудными вотчинному суду, но только по мелким делам. Оттоны, делегируя государственную власть сеньорам, даровали им право суда вообще, но по общему духу их законодательства, как это видно

из немецких отношений, этот суд не имел ничего общего с вотчинным судом. В Германии их и разграничивали очень тщательно, и попытки епископов смешивать их встречали всегда отпор со стороны заинтересованных. В Италии же благодаря прежней практике границы сделались гораздо менее определенными, и рассеянность, в которую так охотно впадали епископы, имела больше фактических основ.

Передача епископу прав государственного суда сопровождалась созданием соответствующих должностных лиц. Таким образом, по некоторой аналогии с немецким бургграфом появляются в Италии видам (*vicedominus*) и виконт (*viccomes*), отдельно или вместе. Это — верховные судьи по всем важнейшим делам, верховные судьи над свободным населением города. Так как епископ получает благодаря Оттоновским привилегиям все полномочия графа, то эти должности рассматриваются как непосредственное продолжение графской. Это светские должности, переданные им права считались несовместимыми с духовным саном; поэтому должность видама, отправлявшаяся первоначально духовным*, была передана потом светскому лицу, а должность виконта самым названием свидетельствует о связи с графской. Преемство графской должности выражалось в том, что и видам, и виконт часто носят название королевского посланца (*missus dominicus*)**. Название показывает на объем полномочий епископского должностного лица. Пока *missus* не сделался вассалом епископа, была возможна апелляция к нему. С перенесением посланческих полномочий на епископского вассала суд епископа сделался безапелляционным. Высшим судьям подчинены нотариус (*notarius*) и судья (*judex*); оба они имеют дело только со свободными; один скрепляет гражданские сделки, другой помогает видаму или виконту отправлять судопроизводство.

* Тогда видам является управителем церковных имений.

** Непосредственной связи с каролингскими *missus*'ами нет. Должность создается вновь Оттонами и только по имени примыкает к каролингской.

Фогт (*advocatus*) — управитель церковных земель и в то же время судья над сидящими на них церковными людьми. Его помощник — гастальд, успевший к этому времени спуститься с положения высшего королевского должностного лица (у лангобардов) до положения, напоминающего обычное положение немецкого старосты. Для положения епископской власти в Италии характерно исчезновение скабинов (шеффенов). Оттоновское законодательство уже не застало их в Ломбардии.

Сеньориальный режим во французских городах

Во Франции, где феодальный и сеньориальный режим вообще развился полнее, чем где бы то ни было, поглощение функции государства частными лицами и учреждениями, естественно, должно было осуществиться в больших размерах, чем в других частях Европы. Помимо того, что система иммунитетов получила во Франции огромные размеры, все королевские регалии были мало-помалу присвоены себе сеньорами. В противоположность Германии и Италии тут грамоты, уступающие то или иное право, очень редки. В частности, мы знаем мало грамот, уступающих епископам графскую власть в таких крупных городах, как Реймс, Нуайон, Лан, Шалон, Амьен, Окзер; наоборот, на хартиях покоятся графские полномочия епископов Лангра, Дижона, Турне, Пюи. Сеньоры мало заботятся о внешних формальностях и совершенно не нуждаются в согласии короля. Короли еще в IX веке пытаются бороться против этого, но у них не хватает сил и они принуждены в конце концов безмолвно уступить. То же, что с регалиями, произошло и с правом суда. К полученному раньше от королей праву иммунитетского суда над зависимыми людьми сеньоры вскоре присоединяют право государственного суда, простирающегося на все элементы населения*. Поскольку дело касается истории горо-

* Во Франции, заметим кстати, свободных элементов осталось гораздо меньше, чем в других странах.

дов, во Франции нет такого преобладания духовных сеньоров над светскими, как в Германии или Ломбардии. Поселения возникают как на духовных, так и на светских землях, и привилегии королевской власти захватываются как теми, так и другими. В более позднюю эпоху светские бароны приобретают даже большее значение. Изредка в одном и том же городе устанавливается полюбовное соглашение: граф и епископ делят между собою город. Так было в Суассоне, Бове, Шартре на севере, в Безье, Монпелье, Нарбонне на юге. Но были случаи, когда епископ одерживал верх над графом, который нередко делался простым вассалом епископа. Так было в районах, где лучше сохранился престиж королевской власти и где, следовательно, король сумел сохранить влияние при избрании епископа. Это, большею частью, классические центры коммунальной революции: Нуайон, Лан, Шалон, Амьен, Реймс, Лангр, Турне, Окзер, не говоря о тех городах, которые отошли к империи и, следовательно, попали в сферу политики Оттонов.

Во Франции должностные лица в сеньориальных городах более многочисленны, чем где бы то ни было. Фогт, или авуэ (*avoce, advocatus*), является государственным судьей в пределах иммунитета. Он судит людей, независимых от иммунитета.

Для осуществления графских функций в более широких размерах епископу служит видам (*vicedominus, vidame*). Обыкновенно — это прежний граф, принужденный подчиниться и сделавшийся вассалом*; но бывают случаи, когда епископ отдает эту должность в лен лицу, достаточно сильному, чтобы оно могло служить опорой против других слуг, но не настолько могущественному, чтобы его можно было бояться. Соответствующее положение при светских графах занимает виконт (*vicescomes, vicomte*)**; кастелян (*castellanus, châtelain*), по назва-

* В этом отношении его положение представляет аналогию с немецкими бургграфами в некоторых городах.

** Таким образом, обе должности, в Италии встречающиеся викарно при епископах, во Франции разделяются.

нию соответствующий немецкому бургграфу, отличается от виконта только меньшими размерами находящейся в его ведении территории; обыкновенно он властвует и судит в замке с ближайшей округой*.

Перечисленные четыре должностные лица заведовали высшей юрисдикцией. Для низшей имелись особые чиновники, соответствующие частью немецкому старосте. Вигье (vicarius, viguier) заведует низшим государственным судом, прево (prevôt) — низшим вотчинным; первый, следовательно, представляет аналогии с ломбардским судьей (judex), второй — с гастальдом. В истории французских городов не редкость, что вигье и прево сосредоточивают в своих руках огромную власть. На юге вигье часто стоит во главе города, восставшего против графа; прево же своими притеснениями часто доводит до восстания горожан.

В pendant немецким шеффенам во Франции заседателями в сеньориальном суде состоят эшевены⁴, это — одно и то же. Общих их источник франкский скабинат. Поэтому и во Франции эшевены распространены главным образом в полосе франкской оккупации: во Фландрии и соседних областях.

Сеньориальный режим в английских городах

Переходя к английским порядкам, необходимо сделать несколько общих замечаний, которые должны осветить процесс сравнительно с континентальными условиями. Иммунитет в англосаксонскую эпоху обеспечивал частным лицам те же изъятия, что и на континенте: свободу от посещения королевскими чиновниками и проч. и передавал иммунисту право вотчинного суда. Как и во Франции и Германии, вотчинный суд получил почти неограниченные права, в том числе право казнить смертью и членовредительством. Что касается передачи

королевских регалий, то в Англии дело обстояло несколько иначе. Даже англосаксонские короли очень неохотно уступали свои права сеньорам. Право строить укрепления осталось, как и в Германии, за королем. Рыночная и монетная регалии также никогда не уступались добровольно, хотя бывали случаи, когда бароны пользовались политической анархией и устраивали у себя незаконные рынки и монетные дворы. Но при первой же возможности королевская власть возвращала себе свои узурпированные прерогативы. Для передачи же государственного суда в руки частных лиц в Англии никогда не было ни побудительных причин, ни удобного момента. Суд развился там так неожиданно, сравнительно с континентальными порядками и королевская власть так скоро взяла организацию судопроизводства в свои руки, что сеньоры не успели вступитья. Однако даже и те уступки, которые королевская власть принуждена была сделать частным лицам, не приобретают того значения, как на континенте. Иммунитет и овладение некоторыми регалиями в городах не могли привести к тем последствиям, к которым они привели в Италии и Германии. Этому препятствовала разнородность держания в городах, которые, как мы знаем*, нигде не достигали таких размеров, как в Англии. И до завоевания, и после него в Англии крайне редки города, подчиненные одному сеньору, хотя бы королю: они всегда несут повинности по отношению к нескольким лордам, причем одна часть тянет к одному, другая — к другому и т. д. В англосаксонскую эпоху очень мало городов, подчиненных одному сеньору и почти нет — быть может, совсем нет, городов, подчиненных частному лицу. Всего несколько городов лежат на terra regis, на королевских доменах; но в их числе есть такие, которые только юридически являются городами (borough); фактически — это гнилые местечки, местечки, которые, по выражению одного историка, сгнили, не успев созреть.

* Перечисленные функции не всегда соответствуют именно этим должностным лицам. Сочетания разнообразились очень сильно.

* См выше. — С. 35.

Разнородность держания и почти полное отсутствие городов, находящихся в полной зависимости от частных лиц, приводят к тому, что в Англии мы не имеем перед собою процесса консолидации города. Имунитетские отношения в город в целом не проникают; сложная судебная организация, которая выросла на континенте благодаря соединению в руках сеньора вотчинного и государственного суда, в Англии образоваться не могла. В англосаксонскую эпоху в городе действует свой городской суд, burh-gemot, который отмечен Правдою Эдгара (958—975 гг.); он должен собираться трижды в год, но в больших городах он, вероятно, собирался и чаще, до раза в неделю. Это собрание свободных людей города, приравняемое к scyr-gemot'у и к hundred-gemot'у, к суду графства и сотни. Мы знаем об этом суде очень мало, но, по-видимому, люди, заседавшие в нем — все люди крупные, имеющие соку и соку над своими людьми*.

В норманнскую эпоху дело изменяется. Говоря вообще, разнородность держания сохраняется, но режим завоевания приводит к тому, что появляется больше городов, подчиненных одному сеньору; большинство последних принадлежат королю, ибо все крупные города были зачислены в королевские домены; от короля они переходили в руки частных лиц, но таких случаев все-таки очень мало. Классический пример — Лестер, где установился довольно типичный сеньориальный режим, с бесконечным рядом повинностей, со всеми баннальными правами и проч. После завоевания сеньориальный режим получает несколько большее развитие; приказчики и старосты (reeve, bailif), частью известные еще в саксонскую эпоху, начинают играть более крупную роль, председательствуют в городском суде. Но хотя внешним образом английский сеньориальный строй и напоминает континентальный, по существу он все-таки сильно от

* Сока — право частного суда. Сокмены — люди лично свободные, но находящиеся в юрисдикционной зависимости от частного лица или от короля, как лица частного.

него отличался. Зависимость городского населения несравненно мягче, чем во Франции, и такие примеры, где над горожанами являлась сильная вотчинная власть, крайне редки. Вообще же городские жители — большею частью свободные; обыкновенно они уплачивают только оброк (притом большею частью денежный) с участка и с дома; с этим часто соединялась судебная повинность, сока, реже, как иногда в королевских городах, и другие повинности, в совокупности приближавшие положение горожан к положению вилланов. Для прочих свободных оставался в силе общий суд, суд сотни, так как город обыкновенно составлял сотню, а большой объединял несколько. Эмансипация, как указано выше, состояла, кроме выкупа повинностей, в приобретении права избрания шерифа, земского судьи.

Следовательно, в этом отношении английские порядки значительно уклоняются от континентальных.

Укрепление и идея особенного мира

Вторым моментом, который содействовал образованию особого городского устройства, было укрепление. Влияние этого момента сильно в тех частях Европы, где хорошо представлен германский элемент, ибо юридические последствия, вытекающие из существования укреплений, имеют источником германское обычное право.

Город — бург; бург — замкнутое пространство, а всякое замкнутое пространство, согласно немецкому обычному праву, пользуется особенным миром. Это значит, что преступление, совершенное в чертах огороженного места, карается тяжелее, чем совершенное в других местах. Особенным миром пользуется всякий дом, всякая деревня внутри своей ограды. Но для бурга является следующий момент. Право воздвигать укрепления — королевская регалия; поэтому каждый бург считается королевским бургом. А то, что принадлежит королю, стоит под специальным высшим миром. У каждого дома свой мир, но мир королевского дома выше, чем мир всякого другого дома.

У каждого поселения свой мир, но мир королевского поселения, бурга, выше, чем мир всякого другого поселения.

Это положение нетрудно проследить в первоначальной истории учреждений всех главнейших европейских стран, в Англии, как и в Италии, во Франции, как и в Германии. В англосаксонских порядках, например, burh имеет свой мир, за нарушение которого полагается особая пеня, burh-bryce. Но ясное дело, что представление о связи особенного городского мира с укреплениями, с бургом, могло сохраниться только там, где сам бург продолжал считаться поселением короля, т. е. там, где королевская власть сумела удержать за собою право строить бурги и владеть ими. А таких стран, как мы знаем, было только две: Германия и Англия. Во Франции и в Италии королевская власть потеряла это право. Но и в Англии идея специального городского мира после завоевания перестает играть такую видную роль, какую продолжает играть в Германии. Наоборот, во Франции она возрождается позднее. Понятно, почему произошло все это. Необходимость особенного городского мира стоит в прямой зависимости от того, насколько обеспечен общий государственный порядок, и от того, в какой степени город обладает возможностью осуществлять этот особенный мир. В Англии в норманнскую эпоху порядок был обеспечен лучше, чем где бы то ни было; с другой стороны, городские установления приняли такую форму, которая делала излишней юридические презумпции идеи особенного мира. Во Франции идея была воскрешена, как только городское население стало приходить к сознанию необходимости юридической защиты в дополнение к защите материальной. Какова была эмбриология идеи особенного мира, мы не знаем; можно только утверждать, что с идеей Божьего мира она не стоит в прямой связи; быть может, здесь имеется косвенное влияние тех видов светских убеждений, о которых говорились раньше*. Зато для

* См. выше. — С. 38.

Германии мы можем проследить ее развитие с относительной полнотою; нарушение городского мира каралось высшим штрафом королевского банна в 60 шиллингов; постепенно идея особенного городского мира передается королями горожанам и начинает рассматриваться не как право короля, а как право бюргеров, и с бурга переносится также и на пригород; это значит, что в сферу действия городского мира включаются все городские жители. Словом, в Германии естественная эволюция приводит к тем же условиям, которые во Франции были получены искусственным путем.

Идея особенного мира в этих двух странах приобретает огромное значение. Она делается зерном городского права и содействует, следовательно, образованию особого городского судебного округа. Во Франции «учреждение мира» делается даже названием совокупности городских вольностей, когда последние не хотят квалифицировать «новым, гнусным словом», коммуною.

Распорядки в сельской земельной общине

Нам предстоит теперь рассмотреть третий источник городского устройства, условия поземельной общины.

Поземельная община, как известно, — институт чисто германский, и всюду, где оседали германские племена, общинные отношения реагировали на условия землевладения. В сильно романизованных областях община не выдержала борьбы с римской политической системой и постепенно вытеснялась ею: так было в Италии, Южной Франции и Испании; в других она получила тем большее распространение, чем интенсивнее была иммиграция германских племен. Поэтому во Франции она играла более видную роль на севере, северо-востоке и востоке, чем в бургундских и вестготских уделах. В Англии, благодаря тому, что процесс оккупации страны германцами тянулся долго и борьба отличалась большим упорством, проникновение поземельных условий в лице общинных порядков совершилось

полнее, чем где бы то ни было в пределах Римской империи. Но, конечно, классической страной поземельной общины остались нероманизованные германские земли, и прежде всего сама Германия.

Эти факты уже предreshают вопрос, где общинные порядки больше влияли на образование городского устройства. Естественно ожидать, что такое влияние всего сильнее будет в Германии. Так это и было в действительности, а так как, кроме того, вопрос и изучен лучше применительно к немецким условиям, то мы положим в основу изложения характеристику немецких условий.

Каковы основные черты сельской общины? В хозяйственном отношении мы можем указать две главные: во-первых, у общины есть земли, находящиеся в совместном владении и совместном пользовании всех ее членов: это — альменда⁵, т. е. леса, пустоши, выгоны, воды; во-вторых, община ведет совместное хозяйство на пахотных землях и на лугу. В юридическом отношении община является соединением людей, на основе корпоративного, негосударственного и несеньориального права; у нее есть свой суд, не государственный и не сеньориальный, а корпоративный суд, наиболее обычное название которого в Германии — бурдинг (Burdung, т. е. крестьянский суд); источник его судебных полномочий лежит в автономии общины; ему подсудны все общественные элементы; в этом его отличие от сеньориального суда, который существует исключительно для несвободных и зависимых элементов.

Организация общины крайне проста; она содержит на общественный счет пастуха, лесного и полевого сторожа и имеет старшину, который носит очень различные названия: Bauermeister, Zender, Heimbürg и т. д. и который соединяет в своем лице функции администратора и судьи. Коллегии, которая помогала бы ему или контролировала бы его, первоначально нет; она появляется не раньше XIII в.; в трудных случаях старшина прибегает к помощи сельского схода или нарочитых выборных.

Такова организация свободной общины. Но в эпоху происхождения городов автономных общин оставалось немного. Большинство общин перешло в категорию зависимых. Зависимость их выражалась большей частью тем, что сеньору принадлежала верховная собственность над альмендою. Господство совершенно или почти совершенно не касалось личности крестьян и никогда не распространялось на всю территорию общины. Автономия общины была ограничена в слабой степени. Ограничения заключались в том, что господин имел право более интенсивно пользоваться альмендою, чем члены общины; только с его согласия можно было приступать к корчеванию леса; бауермейстер мог быть назначен только с его согласия; он имел долю в доходах бурдинга. В этих случаях нередко должность судьи переходила в руки людей сеньора, обыкновенно судей в сеньориальном суде, и внешним образом общинный суд сливался с сеньориальным; но разница между исконными крепостными и членами прежней свободной общины не сглаживалась никогда: она выражалась в том, что повинности последних были легче, что их хозяйственная деятельность никогда не исчерпывалась потребностями сеньора и проч.

Для выяснения влияния общинных распорядков на городское устройство нет необходимости особенно настаивать на переживании вполне свободной общины. Факт ее существования в XI в., и не только в XI в., но и гораздо позже — процесс закрепощения в некоторых местностях Германии затянулся вплоть до XVIII в. — установлен, но до сих пор не удалось найти типичного примера непосредственного превращения свободной сельской общины в городскую. Важно сопоставить учреждения обеих общин; тот или иной характер сельской общины несколько не изменяет дела. Важность эта обусловлена тем, что история города в Средние века начинается с общины. Это — общее правило, которое находит применение даже в Италии, где занесенные германцами порядки несмотря ни на что удержались в некоторой степени в самой типичной для городов

стране — в Ломбардии. Каков характер городской общины — вопрос другой.

Она далеко не везде была одинакова, далеко не везде создавалась при одних и тех же условиях, предполагала одни и те же юридические предпосылки. Но община была всюду. И уже по чисто логическим соображениям напрашивается сопоставление сельской и городской общины; вопрос, нет ли тут филиации⁶, возникает сам собою.

Городские учреждения, возникшие под влиянием торговли.

Купцы, рынок, меры и вес

Мы бы никогда не поняли, каким образом из только что описанных социальных и экономических условий произошли городские отношения, если бы упустили из виду одну категорию фактов — результаты возрождения торговли. Без них город никогда не сделался бы городом; в нем никогда не появилось бы специальное городское право; поземельные отношения в городе никогда не сделались бы тем социальным чистилищем, пройдя которое крепостной утрачивал клеймо зависимости; суд и управление не выработали бы тех форм, на которых лежит печать нового времени; сеньориальный режим еще долго не поддавался бы усилиям своих противников. Те общественные и экономические формы, с которыми читатель познакомился, — зародыши. Возрождение торговли и ее результаты — среда, питавшая эти зародыши и способствовавшая их превращению в новый мир своеобразных отношений, в городской строй.

Как уже знает читатель, торговля вела к дифференциации феодальной семьи и к выделению класса профессиональных купцов. Купцы странствовали со своим товаром с места на место: там покупали, тут продавали. Это периодическое скитание по стране прерывалось редкими заграничными поездками. Но

купец не мог превратиться в странствующего жида; голос хозяйственной выгоды не обладал той силою, которая гнала, не давая отдыха.

Властное «Иди!» уступало утомленно и все тому же расчету, который время от времени требовал оседлости. И купцы оседали. Но где? Прежде всего, конечно, по старой памяти в римских городах в Италии, Франции, римской Англии, по Рейну и по Дунаю. Но римские города были не везде; в Центральной Германии и в глубине Англии их совсем не было, в глухих углах Франции они были разрушены. Тогда они выбирали удобные для своих целей места: большие дороги (Дортмунд и Зест в Вестфалии на главном пути, соединяющем Везер с Рейном), удобные бухты (Саутэмптон, Бристоль, Брюгге, Руан, Гамбург), слияния рек (Гент, Лион, римские Кобленц и Майнц), броды и переправы (Мастрихт, Утрехт, Франкфурт-на-Майне), места, где река уже судоходная (Верден, Базель) и где поэтому нужно устроить товарный склад, границы государств и проч. Епископские резиденции обыкновенно всегда лежали в таких местах, и потому купцы охотно устраивались перед оградой церкви; вообще они предпочитали такие пункты, где под боком есть укрепление, чтобы в случае какой-нибудь неожиданности спрятаться туда вместе со своим добром. Охотно откликались они и на призыв баронов и территориальных князей, закладывавших новые городские общины на свежем корню.

Поселение купцов в общине является важнейшим этапом в возникновении города. Все те места, где селились купцы, уже имели жителей: пригороды замков, бургов, монастырей, епископских и королевских дворов были уже общинами; но эти общины были сельскими общинами. В новых городах община появлялась в момент основания, ибо основатель распределял между жителями участки земли на основе общинного пользования. В этих случаях поселение прямо делалось городской общиной, минуя сельскую, но основание городов на свежем кор-

ню — факт более поздний: XI век знает очень мало таких случаев, и то в своей последней четверти. Для выяснения влияния купеческого поселения на рост города нужно иметь в виду прежде всего более старые условия.

Значение этого факта заключается в том, что в общину вступает новый элемент, с особенными, неизвестными исконному земледельческому населению интересами и условиями жизни и деятельности. Он сразу начинает играть первенствующую роль, потому что он обладает большим богатством, потому что за него исторический момент. Важность купеческого элемента в общине видна из одного факта. В Средние века купцами, mercatores называются очень часто все жители города*, средневековый человек вместо того, чтобы сказать «бюргер» говорил «купец» и этим давал потомкам лишнее подтверждение важности занимавшихся торговлею людей для городской жизни.

Без торгующих людей не может быть города. Торгующие люди**, выдвинувшись среди прочего населения общины, содействовали переработке существующих в общине отношений. Говорить о том, что купцы образовали свою особую общину, купеческую общину, нельзя. Купеческой общины не было. Купцы селились в пригородах, в бургах, рядом с пригородами и бургами — это вопрос случая; иногда их поселение отгораживалось специальным рвом или стеною от поселения крестьян, иногда они селились попеременно, но рост города очень скоро

* Это словупотребление, приводившее ко многим научным недоразумениям, можно иллюстрировать следующими примерами. Летописец Ламберт Герсфельдский рассказывает под 1074 годом, что из Кельна бежали из страха перед епископом более 600 mercatores opulentissimi; речь идет о бюргерах вообще. Бруно, рассказывая про состав войска Генриха IV говорит: «Maxima pars eius ex mercatoribus erat». Невозможно себе представить армии, большая часть которой состояла бы из купцов, а бюргерские ополчения, как нам хорошо известно, играли большую роль в походах Генриха IV. И в немецких текстах этой эпохи buliute, т. е. крестьяне противопоставляются горожанам koufman.

** В число «купцов» входили не только купцы в современном смысле слова, т. е. профессиональные посредники между производителем и потребителем, но и ремесленники, работавшие на сбыт.

приводил к слиянию старых и новых элементов общины, если они вначале и жили разобщенно. Купеческое поселение — временный этап, купеческой общины история не знает, купеческие отношения преобразовывали старую общину, но преобразования касались ее в полном ее составе. Что же дали купцы общине нового?

Купцы во время своих торговых путешествий пользовались королевской охраной. Такой порядок существовал в каролингской империи, но потом, когда торговля пала, а власть королей ослабела, немногие купцы, главным образом евреи, превратились в вечные жертвы произвола баронов. Но когда торговля возродилась, то королевская власть, успевшая в Германии и Англии окрепнуть вполне, а во Франции в достаточной степени, снова взялась покровительствовать купцам; а так как торговля сделалась важным общественным моментом, то и бароны последовали примеру королей. Мир, охранявший купцов в дороге, был перенесен и на купцов оседлых, но здесь он подводился под квалификацию особенного мира, которым пользовалось всякое огороженное место. Защита торговли сделалась новым аргументом в пользу поддержания идеи особенного мира. Эта защита получила значение одного из главных элементов городского права, но самое городское право даровалось всем обитателям города, а не одним купцам. Купеческое право — такая же фикция, как и купеческая община. Основа городского права в этом его значении — право вести торговлю под охраною королевских привилегий. Мы увидим ниже, как интересы торговли создавали городское право, и как городское управление наблюдало за торговлей, а теперь укажем на другие приобретения общины, которыми она обязана торговле и ее носителям — купцам.

Вместе с поселением купцов в городе появляется рынок. Мы знакомы с процессом его появления*, знаем разницу между законным и незаконным рынком**. Теперь посмотрим, каковы

* См. выше. — С. 45—47.

** См. выше. — С. 92.

последствия появления рынка для общины. Рынок устраивается там, где селятся купцы, устраивается, конечно, с согласия сеньора, который пользуется многими выгодами, связанными с его существованием. Если потребность в обмене очень велика, то рынок может быть и ежедневным, обычно же он еженедельный. Первые рынки были воздвигнуты не для продажи и покупки предметов первой необходимости; их вначале каждый добывал своими средствами; первоначально торгуют такими предметами, которые не всякий может произвести сам; лишь потом сфера обмена захватывает и хлеб, и мясо, и сукна, и проч.

Без рынка не может быть города. Рынок делает город хозяйственным центром всей округи. На рынке село обменивает свое сырье на городские и чужеземные фабрикатy. Благодаря рынку вырастает значение города, а в городе — значение купцов. Но тем не менее рынок и связанные с ним отношения нельзя рассматривать как источник городского устройства. Существование торговли, купцов и рынка сообщило городскому устройству его своеобразный характер, но, в частности, ни одно из тех учреждений, которое непосредственно связано с рынком, не превратилось в общегородское учреждение. При рынке, например, имеется рыночный суд, но это временный, продолжавшийся только на время рынка суд, в котором председательствует сеньор или его делегат. Заседатели — естественно купцы; они разбирают тяжбы как возникающие между местными посетителями рынка, так и между последними и иногородними купцами. Но это по своей юридической конструкции — один из сеньориальных судов: никакими понятиями он не пользуется.

Рыночный суд — часть рыночного права. Но рыночное право — не городское право; оно в свою очередь — часть городского права, часть, правда, очень существенная, но все же часть. В числе норм рыночного права в отдельных городах фигурируют постановления, определяющие род рынка, обеспечивающие безопасность посетителям рынка, регулирующие куплю и

продажу, регламентирующие деятельность рыночной полиции и рыночного суда, трактующие о рыночных пошлинах. Тем, что все эти нормы вошли в число норм городского права и окрасили известным образом его другие установления, город, несомненно, обязан рынку или, говоря обще — торговле. Но из них не могли вырасти прочие части городского права, в которых регламентировалась вся жизнь горожан, нормировалось право личной свободы, определялись преступления и наказания в широком смысле, говорилось о городском суде и городском устройстве. Рыночное право — видовое понятие, городское право — родовое.

Кроме рынка, город обязан торговле еще тем, что среди общинных дел важное место заняло заведование мерами и весом. Мы видели, что в сельской общине регулирование мер и веса явилось самостоятельно в качестве одного из выражений компетенции общины; иначе не могло бы быть такого страшного многообразия в мерах и весах. Но, с другой стороны, первоначально это право было регалией и, по-видимому, сельские общины, устанавливая у себя меры и вес самостоятельно, юридически действовали не вполне законно. Верховная власть, бессильная, должна была молчаливо санкционировать эту узурпацию. Эта регалия прямо не уступалась даже епископам, но ее уступка подразумевалась в уступке права воздвигать рынок, взимать таможенные пошлины и чеканить монету. Епископы же, ввиду существования в общине подобных же закрепленных обычаем порядков, скоро отказывались от этой хлопотливой обязанности и предоставляли горожанам управляться с нею по желанию. В новооснованных немецких городах это право сейчас же получал совет. Пока торговля находилась в оцепенении, вопрос о мерах и весах не мог иметь большой важности, но, когда торговля оживилась, его значение сразу выросло. А теперь горожане тем или иным путем захватили регулирование мер и веса в свои руки. Этим сильно усложнились обязанности городского управления.

Каким образом в цветущую эпоху истории городов совет наблюдал за торговлей и каковы были основы городского торгового права, читатель узнает позже. Теперь мы ограничимся лишь указанием на то, что торговля, купцы, рынок в очень сильной степени содействовали превращению первоначальной сельской общины в городскую, и сделали большой вклад в образование городского права и городских учреждений.

Чем обязан город сельской общине

Мы указали, как исторические условия, вызвавшие к жизни ту своеобразную форму общежития, которая зовется средневековым городом, так и те установления, которые послужили источником городских конструкций. Мы еще раз настаиваем на многообразии корней городского устройства. Не только в разных странах, но и в одной и той же стране, часто в одном и том же случае корни городского устройства бывают различны. Корни эти — двух категорий: или естественная эволюция превращает одни учреждения в другие или заимствование переносит учреждение или целый цикл учреждений с одного места на другое. Основное теоретическое положение таково: учреждение вырастает только из учреждения, если оно не совершенно ново.

Это правило всегда следует помнить, когда дело идет о таких вопросах, как занимающие в настоящее время читателя. О росте можно говорить там, где сопоставляется однородное; и, наоборот, мы должны иметь перед собою однородное, чтобы иметь право говорить о росте. Учреждения могут вырастать только из учреждений; общие условия лишь содействуют переходу одних форм в другие. Но те же общие условия могут создавать новые формы. Эта последняя оговорка важна, ибо в истории городов приходится сплошь и рядом сталкиваться с созданием новых форм.

Средневековый город — прежде всего община; это значит, что в его устройстве общинное начало играет наиболее видную роль. Но каков характер общины, характеризующий средневе-

ковый город? И откуда он приобретает характер общины? Было бы крупной ошибкой думать, что городская община всюду имеет одни и те же черты, что источники ее всюду одинаковы.

Древнейшие римские города, конечно, не были общинами с самого начала; там, где они сохранились, общинная организация появилась в них позднее. Города, возникшие из сел, сохранили одну часть учреждений сельской поземельной общины, видоизменив их согласно требованиям новых экономических условий. В городах, которые возникали вокруг бургов, замков, монастырей, помещичьих дворов, черты общины создавались искусственно, частью тем, что сеньор уступал в общее пользование земли, частью тем, что между поселившимися тут людьми закладывались корпоративные связи неземельного характера. То же бывало с городами, которые закладывались немецкими территориальными князьями на голой земле.

Следовательно, городская община в разных местах имеет различный характер. Припомним, что общины могут быть двух родов: реальные, в которых связь между членами покоится на владении землею, и личные, в которых поземельные отношения роли не играют и связь создается другими условиями: общим занятием, участием в одной организации того или иного типа и проч. Средневековые городские общины можно разбить на две группы: в одних преобладает реальный момент, в других — личный. Но мы почти не знаем городов, где бы не встречались общинные отношения как одного, так и другого типа. Разница заключается в преобладании одного над другим и является потому, что в некоторых местах лично-корпоративные отношения взяли верх над реально-корпоративными, в других — последние оказались более живучими и не дали развиваться первым. Но первоначальным моментом всегда является реально-корпоративный. Поэтому мы и начнем с характеристики того влияния, которое оказала на город сельская земельная община.

Мы знаем, что средневековый город очень долго был городом только по имени, что в нем текла жизнь, ничем существен-

ным не отличавшаяся от сельской жизни, что земледелие было главным занятием обитавшего за городскими стенами населения. Знаем мы также, что экономический переворот, вызванный возрождением торговли, не сразу сделал города исключительно торгово-промышленными центрами, что они долгое время не могли отделаться от прежних земледельческих традиций. Словом, земледелие играло большую роль в средневековой городской жизни, и этим обуславливалось то, что село, превратившись по тем или иным причинам в город, сохранило во многом сельский общинный строй. Это обычное явление; некоторые ограничения приходится сделать для Италии и Южной Франции; в Германии же это — правило, не знающее исключения: город, возникший из сельской общины, первоначально сохранил многие признаки ее организации.

Но это касается не только сельской общины, выросшей естественно из родового поселения и затем подпавшей под власть сеньора. Реальной общиной было до превращения в город всякое поселение, образовавшееся искусственно вокруг помещичьего двора, вокруг бурга, королевского или императорского дворца и проч. И тут, благодаря давлению экономической необходимости, роковым образом выростала земельная община (нем. *Ortsgemeinde*); между городами, возникавшими из первоначальной сельской общины и городами, происшедшими из искусственной местной общины, существовала довольно значительная разница, и причину этого нетрудно понять. Сельская община первоначально была свободна, она попала в зависимость позднее; зависимость была довольно легкая; местами сохранились свободные корпоративные учреждения, а в большинстве случаев корпоративные связи не были уничтожены переходом в зависимое положение; такие общины, помимо прочего, передавали городам иногда и свои административные установления. Что касается до местных общин, образовавшихся вокруг помещичьего двора того или иного типа, в качестве его предместья (*suburbium*), то она больше отражала на себе

влияние сеньориального режима, и корпоративный принцип был здесь выражен гораздо менее ярко. Первый случай более обычен в Германии, второй — во Франции.

Но были и общие черты, которые воспроизводились повсеместно и на городские учреждения влияли одинаково. Укажем две такие черты.

Городская община владеет подобно сельской общине — все равно какой — землями, находящимися в общем пользовании, альмендой; она необходима городу почти так же, как и селу. Даже в позднейшие времена она играла значительную роль; в Германии она неоднократно служила предметом ожесточенных распрей между городскими патрициатом и ремесленниками. В древнейшую же эпоху, когда центр тяжести городской жизни не успел еще переместиться в торговлю и промышленность, альменда была на первом плане. В то время плата за пользование альмендой была единственным доходом общины, если не считать добротных взносов горожан. Поэтому горожане так настойчиво добиваются прекращения права верховной собственности сеньора над альмендой. Но городская альменда сложнее сельской; кроме лесов, пустошей, выгонов и вод, к городской альменде причисляются улицы, стены, ворота, башни, городские пустыри и проч. Внегородская альменда не везде была одинакова; условия местности, почвы сводили ее порою до минимума. Альменда требовала постоянных забот о себе; отсюда — специальная функция управления альмендой, унаследованная городом также от села.

Вторым признаком, характеризующим город как земельную общину, было условие получения гражданских прав. Членом городской общины считался только тот, кто владел на городской территории участком земли. При основании городов на голой земле это условие оговаривалось с самого начала в городской хартии. Но оно выросло органически вместе с городами. Каким образом? Это будет объяснено в другой связи.

Город как реальная община и как община личная

Реальная община оказывала влияние на городской строй даже тогда, когда село не являлось прямым предшественником города, т. е., говоря иначе, когда город возникал на голой земле. В XI и даже XII веках ни один поселок не мог существовать без земледелия, и сеньор или территориальный князь, во владении которого вырастал новый город, отводил его поселенцам землю на общинных началах, снабжал альмендой, обуславливал земельным цензом принятие в число горожан. Хартии, которые выдавались в этих случаях, конечно, реципировали функционирующий в других местах обычай. Такие факты очень часты в Германии, но встречаются, хоть и гораздо реже, во Франции. Там больше действует территориальный князь, здесь — сеньор.

Но не все города возникали из существовавшей уже сельской общины или снабжались земельно-общинными порядками при самом основании. Поселок мог вырасти на таком месте, где земля обрабатывалась не на общинных началах, или на голой земле, не получив при этом земельно-общинного устройства. Вот в этих-то случаях между поселенцами завязывались корпоративные связи личного характера, образовывалась личная община. Но таких примеров, где городская община образовалась бы без помощи земельно-общинного момента, крайне немного; они приходится почти исключительно на долю Франции.

Наиболее распространенный вид развития тот, который господствует во Франции, Фландрии, Голландии, Германии, Италии и некоторыми своими чертами воспроизводится в Англии. Он заключается в том, что личные связи появляются уже тогда, когда существует связь по земле. Но однородность этого типа развития городской общины почти на всем Западе вовсе не говорит за то, что процесс всюду привел к одним и тем же результатам. Наоборот, результаты были очень различны. Сопоставим, например, Северную Францию и Германию. В пер-

вой господствующим типом городского устройства сделалась присяжная коммуна, т. е. устройство, покоящееся главным образом на личной связи между горожанами; в последней — вольная городская община, т. е. устройство, прежде всего опирающееся на реальную общину и лишь позднее усвоившее себе черты личной общины. Причину этого глубокого различия нужно искать в условиях роста и освобождения городов. В Германии зависимость общины от сеньора никогда не была чересчур обременительна; во Франции она проявлялась несравненно сильнее, особенно на севере. Чем сильнее гнет, тем более побуждений для городского населения соединяться в корпорации. В сущности, замки и крепкие монастыри в городах не столько охраняют жителей от нападения соседей, сколько гарантируют сеньору возможность угнетать горожан: так как у него есть крепкие стены, то он может распоряжаться в городе совершенно свободно, может жечь дома, грабить имущество, притеснять на все лады. Мудрено ли после этого, что среди горожан возникают стремления к свободе, мудрено ли, что их главные усилия направлены против замков? Путь к свободе лежит через развалины замков; разрушение замка — первый шаг на пути к эмансипации.

Между тем сеньор силен, а городское население разбито на мелкие группы; в его состав входят знать, клирики, свободные, зависимые, крепостные: тут и духовенство, и рыцари, и министериалы, и владельцы домов разных категорий, и купцы, и ремесленники. Их интересы, их положения различны; точек соприкосновения между ними мало, и они способны скорее вызвать разлад, чем содействовать сплочению: каждый из городских элементов порознь готов скорее примкнуть к сеньору, чем соединиться с другими. Каким же образом завязываются связи между ними?

Тут прежде всего необходимо отметить влияние земельных общинных отношений, ибо и во Франции деревенский поселок, превращаясь в город, чаще всего сохраняет или получает

вновь землю на условиях общего пользования. Это одинаково относится к городам, основанным на голой земле и возникшим вокруг монастырей, замков и проч. Общее владение землей уже предполагает и известную личную связь: общинники всегда готовы защищать свои поля, луга, леса и проч. как против соседей, так и против сеньора. Их соединил на первых порах реальный интерес. Но постепенно накапливаются и другие точки соприкосновения. Сплочение группы городского населения растет сообразно частным преимуществам, которыми она пользуется.

Одно из наиболее ценных преимуществ с этой точки зрения — это право убежища. Источники его различны; оно могло возникнуть из распространения на город, в котором находилась резиденция областного владельца, того права убежища, которым пользовался дворец короля, герцога и проч. и которое мы встречаем у всех народов германского происхождения. Но это — частный случай; настоящим источником права городского убежища являются те «спасенные места» (*salvitates, sauves*), о которых говорилось выше*. Главным признаком таких убежищ была двойная защита, которую они пользовались как со стороны духовной, так и со стороны светской власти. Символом их служит крест. Таким «спасенным местом» мог быть и весь город, но, кажется, оно в большинстве случаев распространялось только на часть его. Жители «спасенного места» были соединены между собою общностью привилегии и общностью защиты, получаемой ими против всякого насилия. Для того чтобы приобщиться к этим привилегиям, достаточно было прожить на территории «спасенного места» традиционный средневековый срок — один год с одним днем.

На этом дело не останавливается. Связи между различными слоями городского населения проникают дальше, производя более или менее сильную перетасовку городских элементов. Сюда относится общий у Франции с Германией и Италией

* С. 37–38.

процесс выделения городского патрициата. Каким образом этот класс сложился? Путем слияния высших слоев купечества с городской знатью. Процесс этот мог совершиться тем легче, что имелась налицо крайне удобная почва. Почву эту представлял министриалитет. Министриал с большим правом мог назваться *bourgeois-gentilhomme*, чем герой мольеровской комедии; он — служитель сеньора, далеко не всегда знатный по происхождению, вербовавшийся очень часто в кругу незнатных вассалов сеньора. Но с течением времени должность министриала, благодаря податным изъятиям, связанным с нею, и некоторым другим привилегиями, фактически выделяет виллана из круга других вилланов и приравнивает его к знатному вассалу. Словом, министриалитет — это посредствующая почва, где буржуа встречается с рыцарем и где между ними завязываются первые связи. В дальнейшем этим связям не трудно было перейти и за границы министриалитета и содействовать таким образом образованию городского патрициата, класса, в который буржуазия внесла свое богатство, а рыцарство — свои родовые традиции.

Но и в низших слоях совершается процесс объединения городских элементов. Как наверху почвою послужил министриалитет, так здесь ею становится приход. Приход включает в себя зачастую владения нескольких сеньоров, он распространяется на несколько сел; а так как церковь в эту эпоху является центром не только религиозной, но в значительной степени и деловой жизни, так как, кроме этого, в церкви коротают свои досуги низшие классы населения, здесь устраиваются спектакли, банкеты и т. п., то между жителями прихода, независимо от того, какому сеньору они принадлежали, завязываются постоянные тесные сношения. Но корпоративным связям не всегда удается охватить широкие приходские соединения, и более тесные группы появляются обыкновенно внутри прихода.

Эти соединения, начавшись с небольших ячеек, быть может, семейно-родового характера, постепенно разрастаются,

переходя в единения живущих бок о бок семей в квартале (*vicinia*), в братства, поставленные под покровительство какого-нибудь святого, а затем, когда экономические условия созревают в достаточной степени, в корпорации купцов и ремесленников.

Но на этом развитие не прекращается. Корпоративные связи переходят под влиянием изложенных уже причин в связи коммунальные. Город делается коммуной. Этот процесс, наиболее типичный для Северной и Южной Франции, знаком и Италии, и Фландрии. В Германии мы хотя и встречаемся с некоторыми его моментами в западной части страны, но там коммуна не установилась в сколько-нибудь законченной и постоянной форме.

Таким образом, средневековые городские общины распадаются на две категории: одни, в которых возобладал момент реальный и не получил яркого выражения личный, другие, где отношение получилось обратное.

Городское землевладение, разрешение крепостных отношений в городах; право гражданства и его эволюция

Город в Средние века обыкновенно представляет особый судебный округ. Это значит, что жители города и ближайшей окрестности, которая большей частью совпадает с территорией городской общины, имеют право судиться не в обычном земском суде, суде графства или сотни, а в городском суде. Следовательно, образование городского судебного округа, выделившегося из общей государственной судебной организации, предполагает существование особого городского суда, отличного от государственных судов; в свою очередь, образование городского суда предполагает существование особого городского права, отличного от земского права, осуществляемого в государственных судах. Следовательно, город только тогда может сделаться судебным округом, когда в нем сложится

специальное городское право. Тогда он выделяется из сети государственных судебных округов, сотен, графств. Но, с другой стороны, чтобы это выделение произошло легко, необходимо, чтобы город прежде всего консолидировался в особую земскую судебную единицу, т. е. чтобы он сделался особой сотней или соединил в себе несколько сотен. А это почти всегда бывало в тех частях Европы, где германское сотенное устройство нашло прочное распространение, прежде всего в Германии, а затем и в других странах германской оккупации, где внедрению германской организации не мешало укоренившееся раньше римское устройство. Немецкие условия и в этом отношении представляют всего больше типичных черт. Первоначально вся страна была покрыта сетью приблизительно одинаковых судебных округов — сотен, но с течением времени, благодаря росту народонаселения, стала уменьшаться их величина. В IX и X веках легко могло случиться и случалось на самом деле, что какое-нибудь поселение с относительно большим количеством жителей и с выгодными экономическими условиями отмежевывало для себя особую сотню. И вот эти-то сотни с образованием специального городского права и стали делаться городскими судебными округами. Как же образовалось городское право?

В основе крайне разнообразных немецких городских прав лежат нормы обычного права германских племен: франкского, аллеманского, баварского, саксонского и проч. Эти нормы превращаются в нормы городского права благодаря могучему воздействию новых экономических условий, приспособляющих их для регулирования жизненных отношений более тесного соединения людей, для регулирования отношений, возникающих из торговли и промышленности; далее, они преобразовываются под воздействием идеи особенного городского мира, реформирующей прежде всего содержание уголовного права; наконец, они осложняются еще больше благодаря привилегиям, даруемым городскому населению королями, территориальными

князьями и сеньорами. В Нижней Саксонии городское право носит название Weichbild'a*.

Не следует, однако, думать, что городское право, функционирующее в столь разнообразных формах в Германии, не имеет аналогии с городским правом, функционирующим в других странах. Наоборот, в них много общего, и это общее — как раз те части городского права, которые возникли под влиянием общих всей Европе экономических условий. Сюда относится прежде всего личная свобода жителей города. Ею мы и займемся прежде всего. Наиболее раннее выражение свое это положение находит в законе Вильгельма Завоевателя, который гласит: «Если крепостной проживет без розыска о нем (*sine calumpnia*, т. е. со стороны помещика) один год и один день в наших городах или в бургах, или в укрепленных местах или в лагерях, то да будет он вольным с этого дня (т. е. по окончании вышеуказанного срока) и да будет навсегда освобожден от ига крепостничества». В этих словах целая программа для будущего, на этом принципе построено все городское право Средних веков. И нет ничего удивительного в том, что этот принцип впервые провозглашен в Англии, в Англии большинство городских жителей были свободными держателями; они находились лишь в юрисдикционной зависимости от сеньора и платили ему за землю большей частью денежный оброк; даже изредка встречающиеся личные повинности не изменяют дела: горожанин считается лично свободным; на эти повинности смотрят не как на помещичьи, а скорее как на государственные, ибо в большинстве городов сеньором является король.

* Значение этого слова, из-за которого было переломлено столько копий, меняется, но другие значения всегда являются производными от этого основного. Weichbild значит еще: область, где действует городское право, т. е. городской округ, затем — городской судебный округ, затем городской суд; наконец под именем Weichbild'a подразумевается иногда часть городского права, например городские поземельные отношения.

Если же мы захотим узнать, каким образом выработался этот принцип в городах с первоначально зависимым населением, то должны обратиться к Германии.

Повсюду в Германии, где начиная с XI в. закладывались новые города, тот, на чьей земле возникал город, делил землю между группой поселенцев и отдавал им участки в наследственное пользование за определенный, скромный, не подлежащий возвышению оброк. Личной зависимости это за собою не влекло. Участок можно было продавать совершенно свободно и в крайнем случае с согласия сеньора, которому в этих случаях платилось маленькое отступное. В случае смерти или вступления в брак не полагалось никаких помещичьих платежей. Словом, при основании города можно было получить добрый участок земли за оброк и чуть не в полную собственность и не вступать при этом в личную зависимость.

Так обстояло дело в новых городах; но основатели городов копировали, очевидно, существующие отношения, которые успели к тому времени сложиться в старых городах. Вопрос в том, как в них выросли эти отношения.

Первоначальные условия землевладения в немецких городах складывались различно. В прежних римских городах* их определяло завоевание. Часть земли брал себе король, остальная переходила в руки свободных собственников. С обеих сторон получали церкви и монастыри, так что постепенно они сделались самыми крупными землевладельцами. Но заключить из этого, что во всех тех городах, где были церковные и монастырские владения, вся земля перешла к епископу или аббату, было бы неверно. В источниках нигде нет указания на то, что их владения распространялись на весь город. Перенесение судебной власти на епископа, совершившееся благодаря оттоновским привилегиям, юридически совершенно не ущемляло ни

* Тут речь идет о тех городах, в которых римское население было совершенно или почти совершенно вырезано, так что на дальнейшее развитие землевладения не оказывало никакого влияния.

свободы горожан, ни их собственности. И почти везде мы встречаем довольно значительные участки земли, составляющие свободную собственность крупных бюргерских родов. Однако, фактически к эпохе выработки городских прав, сеньору удавалось превращать общину, в значительной степени состоящую из свободных людей, в зависимую и заставляя таким образом всех членов общины нести известные повинности. Таким образом, сеньор делается господином общины*. Но это рассматривается как узурпация, и горожане, беспрекословно признавая сеньора судьей своего города, изо всех сил стараются освободиться от незаконно наложенных на них личных повинностей. Епископам и прочим городским сеньорам было, конечно, выгодно превращать свои судебные-административные полномочия в феодальные права, и там, где сеньор был силен и энергичен, а город слаб, такое смешение функций производилось особенно охотно. Однако при всем этом мы нигде не встречаем указания на то, чтобы юридически свободные горожане после захвата сеньором феодального господства над общиной, несли повинности, составляющие признак крепостного состояния.

Словом, естественный процесс тут приводил к тому, что наряду с крепостным элементом, обязанным сеньору личными повинностями, в городе мало-помалу, по мере ослабления сеньориального режима и усиления силы и богатства бюргеров, определялось свободное землевладение**. У богатых бюргеров в руках сосредоточивались иногда крупные комплексы земли, и они охотно отчуждали участки переселенцам, преимущественно свободным и располагающим достаточными для покупки участка средствами. То же делали нередко и сеньоры. Таким образом, в городах впервые началась оживленная мобилизация земельной собственности.

* См. С. 94–95.

** Этого, так сказать, исконного свободного землевладения в городах было немного.

Городское землевладение устанавливалось не только этим путем, путем более или менее правильной эволюции внутренних отношений. Важным фактором в этом процессе явилось переселение. По мере того, как выяснялось экономическое значение городов, выяснялось, что при новых экономических условиях центром хозяйственной жизни будут именно города, стал все более и более усиливаться приток в города сельского населения*. Переселенцы были частью свободные, частью крепостные. С первыми, конечно, никаких затруднений быть не могло. Что касается вторых, то им очевидно нужно было получить разрешение от сеньора, если только тут не было случая побега, и между крепостным и помещиком обыкновенно происходило соглашение, по которому первый освобождался от барщинных работ и обязывался уплачивать простой, обыкновенно денежный оброк. Это было выгодно обеим сторонам: крепостной получал возможность искать более выгодного приложения своим силам, а так как цифра оброка устанавливалась раз навсегда, то он мог заранее соразмерять свои доходы с расходами. Помещик же получал при этих условиях больше, чем при обыкновенных, не рискуя потерять холопа; для избежания последнего ему достаточно было заявить о своих правах до истечения года с днем. Эти отношения хорошо знакомы и русской истории дореформенного периода. И у нас крепостные часто уходили в города и жили там на оброке, занимаясь тем ремеслом, которому всякий был обучен. Разница заключается в том, что наши помещики могли *ad libitum*⁷ повышать оброк с каждым годом и обыкновенно так и делали, средневековый же помещик довольствовался однажды договоренной суммой. Средние века, вообще, любили определять всякие цифры на много лет вперед, но то, что обыкновенно вызывалось интересом господствующих классов, то отвечало и интересам подчиненных. Сеньоры и городские землевладельцы охотно принимали переселенцев и обставляли их водворение самими

* См. выше. — Гл. I. § IV.

льготными условиями, и лен по городскому праву сделался одной из существеннейших частей городского права вообще. С ним связано знаменитое выражение: «Die Stadtluft macht frei (городской воздух делает (крепостного) свободным)». Это значило, что крепостной, проживший без заявления со стороны помещика о своих правах на него год с днем, тем самым делался свободным. Но то обстоятельство, что в городе исчезли крепостные повинности, вовсе не подразумевалось само собою. Без конкуренции со стороны частных городских землевладельцев духовные сеньоры не стали бы давать переселенцам земли в лен на очень льготных условиях. Ведь свободный лен был леном по городскому праву, т. е. отвечал интересам общины, не сеньора. И сеньоры слишком хорошо знали всю выгоду чисто личных повинностей, *Buteil*'я, *Hauptrecht*'а* и др., чтобы легко отказаться от них. Только могучая логика экономической эволюции, нашедшая себе выражение в некоторых привилегиях, заставила сеньоров пойти на уступки. Крепостные повинности в городах исчезли тогда, когда проникла в сознание всех идея несовместимости *Buteil*'я и *Hauptrecht*'а с основами хозяйственной эволюции в городах. Тогда исчезли обе категории личных повинностей крепостного характера: повинности поселившихся на городской земле к городскому сеньору и повинности переселившихся крепостных к сеньору, живущему вне города. Императорская власть, отменяя своими привилегиями *Buteil* и *Hauptrecht*, вторгалась в сферу частных интересов, но она делала это в интересах общественных, протягивая этим руку современным взглядам на роль государства. Реформа явно произошла в интересах горожан, а не сеньора, ибо общине было выгодно принять нового члена, но не было никакой охоты прибавлять крепостного городскому сеньору. Поэтому уничто-

* *Buteil* — право сеньора удерживать часть наследуемой крепостными движимости, своего рода частная наследственная пошлина. *Hauptrecht* — право сеньора требовать от крепостного лучшую голову скота или самую ценную вещь из одежды.

жение обеих повинностей касалось только горожан, бюргеров*. И если мы встречаемся с указаниями на то, что живущие в городе крепостные чужого сеньора уплачивают последнему *Buteil*, то это объясняется тем, что они не полноправные бюргеры, а простые поселенцы. Крепостные отношения порывались, когда человек делался горожанином. Лишь позднее возникло положение, что крепостному можно селиться в городе под условием, чтобы от этого не было ущерба его сеньору. Это объясняется тем, что необходимый комплект граждан был уже заполнен, и что города вступили в ту пору своей истории, когда нужно было охранять от чужой конкуренции уже приобретенные преимущества. А первое время всякий, кто прожил год с днем под городским правом, под *Weichbild*'ом, делался полноправным свободным горожанином; если кто умирал под *Weichbild*'ом, его наследство ждало наследника год с днем, не боясь никаких угроз по *Buteil*'ю; если кто владел наследством, полученным под *Weichbild*'ом год с днем, у того оно уже не оспаривалось.

Городской воздух делал свободным.

Что же представлял из себя городской лен, владение которым одно могло сделать человека свободным, одно давало право быть принятым в число горожан? Это прежде всего наследственный лен; срочный не мог отвечать условиям городского хозяйства; на полученной в лен земле должны были возводиться постройки, что при срочном лене, если он не отдан на очень длинный срок, прямо невысказано. Но это не простой наследственный лен: некоторые его черты сближают его с настоящим аллодом**. Городской лен не подвержен тем тяжелым условиям, с которыми связано наследственное землепользование в селе, когда для отчуждения требовалось непременно согласие

* Не бюргерами были крепостные городского сеньора и те из крепостных негородских сеньоров, которые не владели землею по городскому праву.

** В некоторых грамотах он так и называется *sensuale allodium*, т. е. оброчный аллод.

сеньора, а за неплатеж оброка грозило изъятие лена. В городском лене оброк — простая реальная повинность, притом он неподвижный, не может быть поднят; неплатеж влечет за собою лишь денежный штраф, отчуждение совершается свободно, только платится отступное сеньору. Существует обоюдное право преимущественного выкупа: для ленника на *dominium*, т. е. на право полной собственности, для сеньора на постройку.

Только владение таким леном давало право на бюргерство.

В чем причина отличия городского лена от сельского? Почему первый давался на таких льготных условиях и не вел подобно последнему* к зависимости? Дело в том, что городской лен юридически приравнивался к лену на лес, болото, бор — словом, к лену, который служит обработке и новозаселению. Это — лен колонистов, такой характер сообщила ему иммиграция сельских зависимых элементов.

Следовательно, всякий владелец леном по городскому праву был бюргер, а всякий бюргер, хотя бы он до вступления в число бюргеров был и крепостной, по истечении традиционного срока делается свободным. Но эта свобода, которую так ценит средневековый горожанин и которой он добивается изо всех сил, не та свобода, которую знает и которую ценит современный человек; в Средние века пьедесталом этой свободы была не отвлеченная идея человеческого достоинства, а практическая идея экономического удобства. Средневековый горожанин хочет быть свободным затем, чтобы ничто не стесняло его коммерческой деятельности.

Не во всех странах условия складывались так, как в Германии. Италия, например, совершенно не знала германского давностного срока, но общие для всех стран экономические условия и в Италии привели к тем же результатам, что и в Германии. Экономические отношения требовали наполнения городов на счет сел, и итальянские коммуны не признают никаких препятствий в своей тенденции к освобождению крестьян. Эман-

* Подразумеваем обычное феодальное, вилланское, держание.

сипационное движение даже начинается в Италии (Тоскана) и практикуется там в гораздо более широких размерах, чем где бы то ни было. Уже в первой половине XIII в. Ассизи, Лукка, Пиза, Флоренция энергично защищают поселившихся в их стенах беглых крестьян от справедливых притязаний помещиков. У них еще нет никаких постановлений на этот счет, но крестьяне нужны городу, а отсутствие норм развязывает руки, ибо не приходится стесняться никакими сроками. Вчерашний крепостной допускается в городах ко всем гражданским сделкам, к предъявлению исков, к ответу на них и проч. Со второй половины XIII в. начинается в Италии регламентация этих условий, устанавливаются давностные сроки, но более продолжительные, чем на севере; а немного спустя появляются прямые эдикты об обмене крепостного права во многих крупных городах. Назовем Флорентинский эдикт 1289 года, замечательный тем, что буржуазия, освобождая крепостных, апеллирует к естественному праву; сделать этот шаг было теперь нетрудно, ибо борьба со знатью, насчет которой проявляли свое великодушие и осуществляли свои интересы приоры цехов, была уже закончена. Крестьяне отпускались на волю без земли, порывались лишь личные крепостные связи, но обыкновенно крестьянин сохранял свой прежний надел на иных основах, чем раньше. Так появилось в Тоскане фермерство и половничество, так образовался огромный класс безземельных сельскохозяйственных рабочих, которым воспользовалась та же буржуазия, скупавшая за бесценок земли дворян. Ничто не доказывает так ярко классового, эгоистического характера проведенных буржуазией мер, как последующее за Черной смертью⁸ рабочее законодательство. Когда ряды крестьян поредели, был издан целый ряд законов, запрещающих изменять контракты личного и имущественного найма согласно изменившимся в пользу крестьян условиям спроса и предложения. Буржуазия знала, что делала, отпуская крестьян на волю. В Италии она была более богата и потому раньше показала свои предпринимательские когти.

Первоначально, однако, и в Италии главной причиной освобождения были требования колонизации. Нужны граждане, и города благоприятствуют освобождению крестьян.

Однако условия получения права гражданства не всегда оставались одни и те же, не всегда связывались с землей. Припомним, что в городах, даже немецких, реально-общинный момент, прямым выводом из которого была связь права гражданства с землей, характеризует лишь первоначальный период их истории. По мере того, как стала развиваться торговля и промышленность и появились всякого рода организации, связь между горожанами стала постепенно превращаться из реальной в личную. Значение земли пало. Отсюда объясняется и реформа в представлении о титулах на право гражданства. Владение землей перестало рассматриваться как необходимое условие для этого. В позднейшую эпоху для того, чтобы приобрести право гражданства достаточно было быть принятым с соблюдением всех установленных формальностей в одну из городских корпораций, в гильдии, цех и проч. Этого опять-таки требовала экономическая необходимость, перенесшая центр тяжести с земли на движимый капитал. А в тех городах, где лично-общинный момент получил преобладание с самого начала, например во многих французских коммунах, принадлежность к присяжной организации сама по себе давала гражданские права*. Так было в Лионе, Бове, Санлисе, Руане и проч. Компьенская хартия даже принуждала всякого жителя города примкнуть к числу граждан, т. е. к коммуне, под угрозой потери имущества.

Вне гражданского состава оставались, за некоторыми исключениями, дворянство и духовенство и всегда городской

* Впрочем, в некоторых коммунах первоначально также требовался для этого земельный ценз. Таковы Суассон, Нуайон, Лан и другие коммуны их типа.

пролетариат, количество которого с течением времени все более и более возрастало*.

Городское право, гражданское и уголовное; его значение

Те же экономические влияния преобразовали и частное право в городах. Самым общим признаком такого преобразования служит интернационализация городского права. Феодальное право — местное право; оно многообразно. Городское право, хотя и обнаруживает всюду свои национальные особенности, но тем не менее в процессе своего возникновения таит много международных черт. В этом сказалось влияние переворота в экономической жизни Европы, который всюду совершался в общем одинаково.

Землевладение утрачивает в городах свою руководящую общественно-юридическую роль, она переходит к торговле и промышленности. Это обстоятельство прямо сказывается на нормах семейного и наследственного права. В феодальной семье мать, дочь, младшие сыновья принесены в жертву первородному сыну, получающему в наследство землю. В городской семье зарождается современная равноправность детей. Феодальное наследственное право сложилось так, как того требовали интересы сюзерена и стало перерабатываться лишь в позднейшую эпоху. Городское наследственное право имело в виду только интересы свободного купца. Женщина в феодальном семейном и наследственном праве была источником постоянных недоразумений и никак не могла найти себе определенного места в его нормах. В городском праве она — вполне правоспособный субъект. Она наследует мужу в случае отсутствия детей; произволу над нею нет больше места; некоторые городские кодексы карают оскорбление жены штрафом, в 66 раз превышающим обычные правонарушения. Вдова в городе не знает принуждения выходить замуж вторично. В одном только отноше-

* Об этом ниже.

нии мужу предоставлено преимущество над женою: он управляет общим имуществом. Права детей также нашли защиту в городе. Их согласие требуется в том случае, если после смерти одного из супругов другой захочет подвергнуть отчуждению имущество; в их интересах такое отчуждение часто безусловно воспрещалось при вторичном браке. Отцовское наследство дети обыкновенно делят поровну. Если отец был женат несколько раз, дети от разных браков имеют преимущество при наследовании в зависимости от имущества матери. В случае отсутствия наследников имущество умершего год с днем сохраняется у магистратов, затем идет на общественные нужды*. Словом, ни утрированной отеческой власти, ни опеки главы семейства, ни исключения дочерей из наследования, ни права первородства.

В обязательствах происходит та же резкая перемена. Имущественный и личный наем, ссуда, залог в широких размерах становятся возможными только в городах.

Главная форма имущественного найма, аренда земли, прежде не вызывалась ничем, ибо земля эксплуатировалась даровым трудом. Разрешение крепостных отношений в городахставляло землевладельцев позаботиться о том, чтобы извлечь выгоду из пустующей земли, и мы знаем, что городской лен по своей юридической конструкции представлял арендный договор, заключенный на очень льготных условиях. Другой формой имущественного найма была аренда домов и помещений, которая также получила большое распространение благодаря приливу в город ремесленников, принужденных обзаводиться мастерскими.

Кредитная операция сделалась необходимою вследствие развития широких торговых оборотов, скоплавших в руках купцов большие денежные средства. Прежде, когда движимость составляла очень небольшую часть имущества, а земля

* В некоторых кодексах оно делится на три равные части: городу, бедным, сеньору.

виду господства общинных отношений не могла служить обеспечением для ссуды, кредит, естественно, должен был сводиться до минимума. Единственные банкиры, евреи, верили только крупным помещикам, баронам, монастырям. В городах центр имущественной тяжести переложили с земли на движимость, прежде всего на денежный капитал, и не реальные, как прежде, а личные кредитные операции сразу получили огромное развитие.

Личный наем сделался возможным, главным образом, благодаря эмансипации крепостного люда, а в Италии привел к образованию большого класса сельскохозяйственных рабочих.

В городском праве начал осуществляться и нередко делал большие успехи важный в истории права процесс обособления гражданского права от публичного. Феодализм не делал никакой разницы между тем и другим видом права, и в нем права верховной власти были основаны на частных началах. Городу нужны были прежде всего нормы гражданского права; он их выделил и стал разрабатывать сообразно своим нуждам.

Весь этот процесс первоначально складывался в силу естественного роста экономических отношений. Он должен был явиться, потому что его вызывала жизнь. Римское право в первоначальной стадии этой эволюции было ни при чем. Но в дальнейшем оно оказало огромное влияние и на городское право. Римское гражданское право само явилось ответом на запросы сложного торгового оборота и уже заключало в себе в готовом виде те нормы, до которых горожанам приходилось додумываться самостоятельно. Даже в Италии, где раньше, чем в других странах, началась рецепция римского права, исконными нормами городского права были местные *consuetudines*, сложившиеся в судах и переработавшие различные племенные нормы. Однако в Италии влияние римского права стало сказываться рано, и частью естественным, частью искусственным путем оно вытеснило городское, по мере того как болонская и другие школы содействовали разработке юстинианова *Cor-*

pus'a⁹. Не то было в Германии. Там горожане еще долгое время после того, как совершилась рецепция римского права в праве земском, не хотели отказаться от выработанного своими судами права и заменить его римским. Рецепция римского права немецкими городами завершилась уже в новое время.

Влияние римского права и значение, которое оно приобрело, настолько громадно, что о деятельности городов в этом направлении слишком легко забывают. Но эта деятельность представляет не менее крупный интерес. Она является прямым переходом к рецепции римского права.

Таким образом, на развалинах феодального права, отвечавшего интересам натурального хозяйства, в городах зарождается современное гражданское право, имеющее в виду запросы хозяйства менового и денежного.

Уголовное право, образовавшееся в городах благодаря новым условиям, включает в себе не меньше характерных черт. В одном отношении оно является даже важнейшей частью городского права, ибо с ним теснее всего связано положение городского суда, который применяет его, и городского округа, в котором оно действует.

Мы знаем уже, что источник городского уголовного права — особенный, высший мир, которым пользуется город. Значение особенного мира в том, что преступления, совершенные в его черте, караются тяжелее обычного. Каков бы ни был источник идеи особенного мира, смысл его применения к городам легко объясняется требованиями торговли. Торговые операции требуют безопасности; в Средние века, когда купец должен был сам совершать свои торговые путешествия, обеспечение ему безопасного пути становилось особенно настоящим. Специальный мир находит применение к купцу, как путешествующему, так и оседлому. Покушение на жизнь и имущество другого в Средние века было обычным явлением; оно порождалось феодальным бытом. В городах эти преступления находили гораздо больше импульсов, ибо там были деньги, там хра-

нились товары и ремесленные изделия. Специальный мир усилением наказаний стремился предотвратить такие покушения. Поэтому городское уголовное право устанавливало как бы постоянное осадное положение, постоянное положение усиленной охраны; это положение отличало город от сельской территории, в которой действовало земское право; последнее сделалось анахронизмом в городах. Система композиций, т. е. денежная пеня за уголовные правонарушения, уплачиваемая потерпевшему или его родичам, вытесняется системой публичных штрафов и телесных наказаний до смертной казни включительно. Частноправовой принцип заменяется публичноправовым: наказание налагается не в интересах отдельного лица, а в интересах целого. Эволюция уголовного права диалектически возвращается к своему исходному пункту, принципу кровной мести: око за око, зуб за зуб. Но осуществляется этот принцип иначе. Здесь не месть, а наказание, агент его не родичи, а община. Таким образом, и зачатки современного уголовного права появляются впервые в средневековых городах.

Вот некоторые постановления городских конституций, касающиеся уголовного права. «Кто убьет человека внутри городской стены, — говорит земское право, — тому отрубить голову». «Если кто, — читаем мы в грамоте, данной Фрейбургу в Брейсгау, — внутри города нарушит городской мир, т. е. совершит кровопролитие, тому отрубить руку, если же убийство, отрубить голову». Вормсская привилегия гласит: «Если кто кого ограбит или нанесет побои, или ранит, тому, как виновному в нарушении мира, отрубить руку, а если кто кого убьет и будет уличен в убийстве, тому отрубить голову». «Пусть наказание налагается сообразно вине, — говорит Сент-Омерская хартия, — т. е. око за око, зуб за зуб, голову за голову». «Если, — вторит ланское право, — будет изобличен виновный, то пусть платится головою за голову, членом за член». Шверинское право повторяет путь не буквально: «Голову за голову, руку за руку». А вот медебахская привилегия, интересная заключаю-

щимся в ней разделением мирной округи: «Кто ранит человека острым оружием внутри городского рва и если раненый умрет, тому отрубить голову, если же раненый выживет, — правую руку. Если же кто убьет человека за чертою рва, но внутри приписанного к миру округа, тот уплачивает 60 солидов фогту и 10 гражданам»*.

С городским миром соединен другой институт, также крайне характерный для городского права. По германскому праву, место, охраняемое миром, является в то же время убежищем. Это значит, что оно защищает против всякого насилия, не только неправомерного, но и правомерного. Поэтому место, пользующееся миром, называется также «освобожденным» местом, «свободою». Свобода его заключается в том, что оно охраняет и от законного насилия, следовательно, от насилия, исходящего от власти, от наказания. Насилие в черте свободы может быть осуществляемо только в известных границах и при известных условиях, вообще же убежище всегда защищает от последствий совершенного вне «свободы» преступления. Обе идеи — идея особенного мира и идея убежища находятся в тесной связи между собою и взаимно друг друга дополняют. Их общий источник лежит в юридических представлениях древнейшего периода. На начальных ступенях юридического развития как уголовное преследование, так и гражданское принуждение были известны только в форме насилия: кровной мести, самовольного личного задержания. Из частной мести возникли уголовные наказания, налагаемые публичной властью, из самовольного личного задержания — задержание властью. Убежище, неправомерная форма защиты от преследования, должно было возникнуть там, где существовала неправомерная форма осуществления субъективных прав, в ви-

* В этих постановлениях вскрывается характерное для некоторых немецких городов разделение городского округа на два концентрических круга: границей более тесного являются укрепления, а широкий совпадает с территорией судебного округа.

де мести и самовольного личного задержания; оно не признает различия между самовольным насильственным действием и приведением в исполнение приговора власти. Оно защищает и против того, и против другого. В пределах места, пользующегося миром, не должно совершаться никакое насилие, даже исходящее от власти. Существует только одно исключение из этого правила: это тот случай, когда подлежащее каре преступление совершено в черте мирного округа, когда подлежащее принудительному выполнению обязательство заключено в черте мирного округа. Специальный мир не охраняет того, кто сам нарушает его нормы.

Эти общие замечания находят полное применение в городах. В черте города должны были прекратиться всякие преследования как за уголовные деяния, так и за гражданские правонарушения, лишь бы они не были совершены в самом городе. Таков принцип колонизации всегда и везде; таков он и в средневековых городах, этих крайне характерных колонизационных пунктах. Городу нужны люди, чтобы он мог процветать. И город не только освобождает крепостного чужих помещиков, но и восстанавливает права преступников.

Выработка специального городского права имеет огромное значение. В нем различные племенные юридические нормы и общегосударственные законы вылились в единое целое, в один кодекс, обязательный для всех обитателей города без различия сословий. Городское право уничтожило действие персонального принципа, господствовавшего в течение долгого промежутка времени после образования племенных государств. Персональный принцип заключался в том, что всякий имел возможность требовать, чтобы его судили согласно нормам его племенного права, где бы он ни был. В городском праве нашел выражение совершенно обратный и, конечно, более прогрессивный принцип, территориальный. В городе не было племенных прав, а было одно городское право: к какому бы племени ни принадлежал член городской общины, он должен был подчиняться

нормам городского права. Племя и сословие стирались в городе; город не знал ни франка, ни лангобарда, ни баварца, ни алеманна, ни знатного, ни крепостного, ни свободного, ни ли-та. Для него все были равны. Все были одинаково горожане.

В этой нивелирующей работе заключается значение городского права для общей эволюции правосознания, не говоря о том, что в выработке городского строя оно сыграло огромную роль.

Городские суды

Таковы были общие основы городского права, это право осуществлялось в городских судах.

Городские суды в Англии являются в основе копией земских судов; поэтому они не подлежат рассмотрению. Городские суды в Италии, Франции и Германии разбиваются на две категории. Одни произошли из общегосударственных судов, другие возникли в качестве особой функции новых органов свободной городской общины. Первая, а частью и вторая категория, кроме того, так или иначе связаны с сеньориальными судами, ибо городской суд одно время был в большинстве европейских городов в руках сеньоров, которым государство вольно или невольно уступило свои права. Юридически, конечно, такой суд — не сеньориальный суд, но фактически он часто ничем не отличается от сеньориального*. Поэтому нет ничего странного в том, что сеньориальный режим оставил очень заметные следы на городских судах, следы, которые сглаживаются постепенно и с трудом. Но это нимало не уполномочивает нас говорить о происхождении городского суда от сеньориального.

Как же распределяются указанные две категории городских судов по странам?

* См. выше. — С. 94–95, 98–99.

Тут мы наблюдаем крайне интересное явление. В странах с сильно развитым феодализмом, где сеньорам удалось почти совершенно сгладить разницу между вотчинным и государственным судом, города, добившись независимости, забрасывают старый городской суд и передают судебные функции новым выборным должностным лицам или новому административному учреждению, совету. Возникновение совета и появление выборных должностных лиц знаменует начало автономии городов; то и другое символизирует падение власти сеньора; старый суд, суд зависимый, считается непригодным для свободной общины, и новым органам вручается судопроизводство. Так было в Италии и во Франции; во Франции в некоторых городах сохранился и старый сеньориальный суд, но у него уже иные функции. Наоборот, в Германии, где у горожан никогда не умирало сознание того, что городской суд, в котором председательствует епископский фогт, по своему происхождению суд государственный, где горожане всегда помнят, что они не крепостные, — там после освобождения в большинстве случаев старый суд сохранился, но принцип его организации уже изменился: исчезла форма зависимости, хотя кое-где удержались и остатки прежней традиции. Но и в Германии мы встречаем тот же факт, что и в Италии, и Франции: тенденцию вручить судебные функции органу независимой общины — совету. Это почти общее явление в тех частях Германии, где не знакомы шеффены. Следовательно, в Германии городской суд большей частью произошел путем постепенной эволюции из государственного суда, во Франции и Италии созданся вновь, ибо там традиция была прервана захватами сеньориальной власти.

Присмотримся к судебной организации городов несколько подробнее. Проще всего дело обстояло в Италии. Там судебная власть находится в руках консулов. Правда, в течение XI века в некоторых городах наряду с консулами стоят настоящие судьи, которые носят название *juris, legum et morum periti* или просто *judices*; это преемники появившихся в Италии после за-

воевания страны Карлом Великим скабинов; но к началу XII века они совершенно вытесняются консулами; коллегия исчезает, но в общинах обыкновенно остаются сведущие в юридических вопросах люди, которые временами призываются консулами для совета. Зато среди самой коллегии консулов выделяются люди, которым специально поручается часть судопроизводства; это так называемые судебные консулы, *consules de placitis, causarum, pro justiciis*; в их руках находится гражданское судопроизводство — уголовное ведется консулами сообща. Должность судебных консулов сохранилась и тогда, когда во главе общины были поставлены подеста¹⁰.

Во Франции суд также по большей части находился в руках коммунальной магистратуры, но сумма судебных полномочий, которыми обладали отдельные города, была далеко не везде одинакова. На юге и у наиболее независимых северных коммун юрисдикция была почти совершенно неограниченная; их суд имел право налагать все наказания до смертной казни включительно; но у других городов юрисдикция была далеко не полная: она урезывалась судебными правами сюзерена. Тут мы наблюдаем такие случаи, как порядок, господствовавший в городах руанского права, где сюзерену принадлежало только судопроизводство: один он или органы его власти имели право приговорить к смерти или членовредительству; коммунальный суд мог налагать лишь денежные штрафы, присуждать к тюремному заключению и к выставлению у позорного столба. Но даже консервативные руанские порядки должны были казаться недосягаемым идеалом независимости таким городам, которые были совершенно лишены самостоятельной юрисдикции и в этом отношении ничем не отличались от городов буржуазии.

Суд городского совета под председательством мэра, каковы бы ни были его компетенции — это суд, возникший и действующий в силу муниципальной автономии, в силу корпоративных прав коммуны. Но в некоторых французских городах существует рядом с ним другой трибунал, функционирующий

уже на иных основаниях. Это трибунал эшевенов*. Отличие этого суда от суда городского совета заключается в том, что последний — суд коммуны, а первый — суд сеньора, сюзерена, будь то король, светский барон или епископ — все равно. Эти эшеваны назначаются сеньором и ведут судопроизводство под председательством должностного лица сеньора. Суд эшевенов — прямой преемник сеньориального городского суда. Теперь, после освобождения, сфера действия сеньориального суда сократилась и в большинстве городов суд совета вытеснил сеньориальный городской суд. Но там, где он сохранился, он представляет крайне любопытную картину. Дело в том, что сеньориальные эшеваны, если позволено употребить такой термин, назначаются из числа горожан, т. е. из числа членов коммуны, и судят горожан, т. е. людей, отложившихся от власти сеньора. Это не вотчинный суд барона или епископа, заседатели в котором не горожане, но это и не коммунальный суд. Мы о нем узнаем очень поздно, не ранее XIII века, и знаем о нем очень мало, но самое естественное будет предположить, что суд сеньориальных эшевенов — это старый германский суд скабинов, захваченный во время феодальной смуты сеньорами, но по каким-нибудь причинам уберегший воспоминания о своих прежних титулах. Думать так заставляет то обстоятельство, что он сохранился только в исконном районе франкского поселения, т. е. в классической стране суда скабинов. Есть основание думать, что сеньориальная форма мало смущала вольных горожан и мало мешала им. В Сен-Кантене, например, к ним имеет какое-то отношение мэр, т. е. глава коммуны, а коммунальная магистратура (мэр и присяжные) с 1215 года даже пробовала право назначать эшевенов, хотя этим сеньориальный характер суда не утратился. Мы не знаем, как размеже-

* Не следует смешивать этих эшевенов с членами городского совета, которые также носят это название в некоторых городах. Спутать их тем легче, что и члены городского совета являются судьями. Об этом подробнее будет сказано в отделе об администрации городов.

вывался в своих функциях этот суд с коммунальным судом. Пример Нуайона показывает, что трибунал эшевенон был посредником между коммуной и епископом; в Шони, в Пикардии эшевенны не имели права судопроизводства; в Руа они судили за убийства и приводили в исполнение приговоры суда городского совета. Но ничего определенного и постоянного об этом суде мы не знаем. Одно из его удобств, незримое для современников, заключалось в том, что он обыкновенно, как в Сен-Кантене и Корби, переживал уничтожение коммунальных органов и становился на их место.

Помимо этого суда эшевенон, во французских коммунах оставались и чисто вотчинные суды: то суд епископа в монастыре, то суд сеньора в какой-нибудь небольшой части города и проч. Поэтому коммуна со своим судебным округом не была сплошной судебной территорией.

Города буржуазии и «новые» города обыкновенно не пользовались самостоятельной юрисдикцией, ибо у них не было органа общины. Это вполне соответствовало тому положению феодального права, согласно которому только самостоятельная сеньория владела судом, а обе эти категории городов не были сеньориями. Если городские власти и производили суд, как это было в городах бомонского права, то от имени сеньора, и только низший. Высший же целиком находился в руках чиновников сеньора.

В Германии мы встречаем наконец такой трибунал, которого нет ни в Италии, ни во Франции. Это — независимый от городского совета, но действующий в силу корпоративных прав общины суд шеффенов. Он, как мы знаем, существует не всюду*; его родина — земли франков, отсюда он распространился и на другие области. Там, где нет суда шеффенов, горожане обходятся иначе; наиболее обычно в этих случаях вручение юрисдикции городскому совету. Иногда обе коллегии, шеффены и совет, существуют рядом или члены совета называются

* См. выше. — С. 96.

шеффенами и, как таковые, являются заседателями в суде. Таково положение в Дортмунде, Мюнстере, Оснабрюке, Стендале, Падерборне.

Так как в Германии освобождение из-под власти сеньора и приобретение непосредственно государственного положения происходило постепенно, то даже в цветущую эпоху городского развития мы встречаем на суде шеффенов следы сеньориального господства. Суд шеффенов состоит из судьи, т. е. председателя, который руководит разбором дел, и заседателей, которые решают дела и постановляют приговор. Шеффены и являются такой коллегией; это пожизненная, самопополняющаяся судебная коллегия. Что касается до судьи при суде шеффенов, то его положение различно. В одних городах община избирает его совершенно свободно, в других требуется утверждение его сеньором, в третьих сеньор прямо назначает его, не спрашиваясь с мнением горожан. По мере того, как растет городская свобода и накапливается у горожан богатство, общины выкупают у сеньора право самостоятельного избрания судьи. Судья состоит не только при суде шеффенов; юридические воззрения Средних веков требовали, чтобы всякий суд состоял из председателя и судебной коллегии. Поэтому судья председательствует и в нешеффенских судах. Так, в Госларе, Зесте, Брауншвейге, Люнебурге, Любеке, Гамбурге судья председательствует в городском совете, который этим временно превращается в судебную коллегия.

Нетрудно заметить, что немецкие шеффены имеют много точек соприкосновения с французскими сеньориальными эшевеннами.

Только в Германии они приобретают характер городского суда, а во Франции на них остаются сеньориальные титулы. Аналогии объясняются общим происхождением из франкского скабинита, различия — условиями феодального развития в обеих странах.

В немецких городах так же, как и во французских, сохранились и настоящие вотчинные суды; но то были не городские

суды. С ними горожане всячески боролись, стараясь подчинить всех жителей города юрисдикции городского суда. Иногда — не всегда — удавалось уничтожить вотчинный суд в городе и начиная с XIII века ни в одном немецком городе не было основано нового вотчинного суда, хотя в селе такие случаи видел еще XVI век.

Горожане ревниво оберегали привилегии своего суда, не позволяя ему уступать каким бы то ни было посторонним влияниям. В Германии гораздо строже, чем во Франции, соблюдался тот принцип, что горожанин судится только перед своим городским судом. Нарушителю этого правила грозило строгое наказание. Единственным исключением был случай «консультации» с «высшим судом» (Oberhof). Когда дело оказывалось чересчур мудреным для местной судебной коллегии, то обращались за советом в «высший суд». Таким являлся обыкновенно суд того города, откуда находящийся в затруднении заимствовал свое городское право. Близость, принадлежность к разным территориям не играли никакой роли. Самой большой славой пользовались «высшие суды» в Любеке, Магдебурге, Эйзенахе и Франкфурте-на-Майне.

К сожалению, мы не имеем возможности изложить здесь процессуальные нормы, применявшиеся в городских судах. Это завело бы нас слишком далеко. Скажем только, что города и на этом поприще содействовали установлению новых принципов. Как в гражданском, так и в уголовном процессе городские суды круто порвали с прежними феодальными традициями. Гражданский процесс выработал ряд норм, необходимых при существовании развитой торговли, уголовный покончил мало-помалу с дикими обычаями феодализма: ордалиями, судебными поединками и перешел к более современным приемам, центральное место в которых занимали свидетельские показания. И эта реформа была необходима. Ее источник так же, как и источник преобразования материального права, лежит в усложнении жизненного уклада, вызванного экономическим переворотом.

Городской суд сыграл очень существенную роль в процессе консолидации городских элементов. Его значение так же, как и значение городского права, заключалось в объединении городских элементов. До появления городского суда разные элементы городского населения судились в разных судах: свободные — в земских, крепостные — в вотчинных. Городской суд притянул к себе постепенно и рыцарей, и министерялов, и крепостных. Правда, классовое разделение началось очень скоро в самих городах, но патрициям нигде и никогда не удалось отмежевать для себя особого суда. Перед городским судом были равны все горожане; он одинаково судил и гордого своим богатством негоцианта, и самого жалкого подмастерья*.

Этот принцип — один из важнейших и наиболее плодотворных принципов, которые остались от городских учреждений в дальнейшей истории.

История городского управления в Италии и Южной Франции

Организация управления в городах представляется очень разнообразной, начиная от происхождения городских административных учреждений и кончая их функциями. Поэтому гораздо удобнее и в данном случае рассмотреть их систематически.

В Италии главным органом является коллегия консулов. В их руках сосредоточиваются, прежде всего, функции прежних графов: судопроизводство и военное начальство, вообще же консулы — это административная в более тесном смысле слова власть.

* Это особенно хорошо заметно в Германии, где город чаще всего представлял сплошную судебную территорию. Во Франции разглядеть как следует эту тенденцию мешает страшная судебная путаница, о которой говорилось выше (С. 144–145).

Они наблюдают за внутренним порядком, они заведуют городскими финансами, они санкционируют некоторые гражданские сделки, они, как мы уже знаем, судят; во внешних отношениях они являются вождями и представителями общины: командуют городским ополчением и ведут дипломатические сношения. Консулы избирались полноправными горожанами: дворянством обеих категорий (капитаны и вальвассоры) и буржуазией; чернь (*vulgus*) не принимала участия в выборах; иногда выбирало консулов только одно сословие, так бывало в тех городах, где другие были оттеснены. Выборы всегда происходили по кварталам. Утверждение императора считалось обязательным не во всех городах. Консулов обыкновенно было около 15, но даже в одном и том же городе цифра изменялась, не говоря о том, что она была различна в разных городах. Консулы обыкновенно оставались во власти один год и решали дела простым большинством.

Рядом с консулами функционировал городской совет — *credentia*, *credenza*. Он составлялся из тех же элементов, что и коллегия консулов, и избирался, по-видимому, на тех же основаниях. Креденца была носителем законодательной власти; без ее согласия консулы не могли ни начать войну, ни установить новый налог, ни издать новый закон, ни распоряжаться городским имуществом. Количество членов креденцы было также не постоянно: во Флоренции их было 100, в ломбардских городах обыкновенно около 50.

Принцип выборности обеих коллегий показывает, что источник власти, функционирующей в городе, находился в руках полноправных горожан. В экстренных случаях они и выступали на сцену как непосредственный правящий и законодательный орган. В этих случаях горожане собирались по собственному почину, по приглашению консулов, все вместе или по кварталам. Раз народ-господин сам брал в свои руки бразды, то консулы и члены креденцы тем самым превращались в простых исполнителей его воли. Народное собрание

(*concio publica* или *parlamentum*) прямо и безапелляционно вершило дела, но эта задача сделалась обычной лишь позднее. В XI и XII веках вече или поквартальные народные собрания созывались лишь для выборов. Известен также случай, когда народное собрание занималось разбором судебного дела (Пиза, 1112 г.). Необходимо заметить тут же, что разделение по кварталам было в XII и даже XIII веках наиболее обычно, оно вытеснило прежнее разделение по сословиям и не успело уступить место разделению по цехам. Это значит, что успело выработаться сознание сословной интеграции, но еще не чувствовалось влияния классовой дифференциации. Таких кварталов было обыкновенно 6 (Милан, Флоренция), 7 или 8 (Генуя).

В дальнейшем развитии итальянского городского устройства следует отметить два момента: появление подестата и реформу в духе цеховой организации.

Подестат является после Ронкальского сейма (1158 г.), когда гордый Милан лежал у ног Барбароссы, и под аккомпанимент победных кликов немецких легионов болонские юристы объявили волю императора законом. В знак укрепления и обеспечения своих верховных прав Барбаросса насаждал в ломбардских городах своих чиновников. Это и были так называемые подеста (*potestas*, *podesta*). В их руках стала сосредоточиваться военная и высшая судебная власть, т. е. основа власти консульской коллегии, как таковой. Последняя, естественно, была уничтожена, но судебные консулы, ведающие гражданской юрисдикцией, остались. Подеста первоначально оставался в должности в течение года или даже нескольких лет, но позднее общим правилом сделалось шестимесячное пребывание во власти. Особенностью подестата было то обстоятельство, что обремененное им лицо непременно должно было быть иностранцем.

Первоначально подестат был установлен в интересах императорской власти. Существование в городе подеста, человека чуждого городских симпатий, должно было быть выгодно им-

ператору и крайне неудобно для города. Немецкие графы и епископы, появившиеся после Ронкальского сейма в ломбардских городах в качестве подеста, естественно, должны были держать сторону императора. И хотя городам предоставлено было право соглашаться на назначение того или иного лица, но тем не менее появление императорских ставленников рассматривалось, как ограничение самостоятельности городов. Поэтому города, державшие во время второго похода Барбароссы его сторону, Лоди, Кремона и др., были освобождены от подестата в виде особой милости. Но через некоторое время обнаружилось, что подестат имеет и выгодные стороны. Во-первых, единство власти представляло во многих случаях большие удобства; это было особенно важно на войне. Затем иностранец, человек чуждый партийных симпатий и антипатий, был гораздо более беспристрастным судьей и администратором, чем местные консулы. Поэтому понемногу и те города, в которых не было этого института сначала, стали добровольно заменять своих консулов выборными подестами. А когда Леньяно устранило необходимость императорского назначения, то выборный подестат мало-помалу сделался из чрезвычайной должности вполне обычной. Вместе с этим и городское устройство должно было подвергнуться коренной реформе.

Прежде всего изменилась юрисдикция. К тому времени, когда подестат утвердился в городах, т. е. к началу XIII века, рецепция римского права была уже совершившимся фактом; римские юридические принципы и повлияли на реформу судебной организации. Подеста сделался не только председателем суда на манер каролингского графа, но настоящим судьей вроде римского претора. Окружающая его судебная коллегия превратилась в сведущих советников или в заместителей. Но подеста не был неограниченным главой общины. Он управлял вместе с советом (*consilium*), являющимся, по-видимому, видоизменением кретенцы. При обычном течении дел функциони-

ровал малый совет, без согласия которого подеста не мог решать серьезных административных вопросов. В более важных случаях: при объявлении войны или заключении мира, при выборах нового подесты, при издании законов и вотировании налогов требовалось согласие большого, или народного совета*. Вече не исчезло, но оно утратило функции правящего органа. Его созывали, чтобы объявить ему о совершившемся факте, в тех случаях, когда хотели иметь санкцию всей общины. Мало-помалу народные собрания превратились в театральные, показательные зрелища, где новоизбранные магистраты щеголяли своим красноречием. Позднее, особенно в XV веке, в эпоху тиранов, вече пользовались для того, чтобы одним ударом провести новый закон, а еще чаще, чтобы осуществить какой-нибудь переворот.

Наконец, под началом у подесты находился ряд мелких должностных лиц. В Пистойе для финансовых целей существовал камерарий (*camarlingus*), для рыночной и ремесленной полиции — два гастальда и проч.

В такой политической организации участвовали в качестве полноправных граждан (*cives*) только высшие слои горожан: знать, менялы, судьи, нотариусы и представители крупной торговли и промышленности, т. е. члены будущих старших цехов. Ремесленники же в составе активной буржуазии не числились и политическими правами не пользовались, с них считалось довольно одних обязанностей. Ясно, что долго такое положение дел держаться не могло: по мере того, как экономическое развитие поднимало значение ремесла, по мере того, как увеличивалось городское население и вырастали его элементарнейшие потребности, люди, призванные удовлетворять спрос, должны были сознавать свое приниженное положение и пытаться разделаться с ним. Первая попытка в этом роде была сделана в Милане в 1198 году. Мясники, булочники и дру-

* В Пистойе он состоял из 100 членов.

гие представители ремесла соединились в одну общину под именем креденцы св. Амвросия. Это была насильственная попытка, и правящие классы поневоле должны были примириться с ремесленниками, создавшими собственную организацию, и дать их старшинам (*anziani*) доступ к городскому управлению. Но обычный путь был более мирный. По мере того, как выяснялось значение какого-нибудь из ремесленных цехов, высшая буржуазия допускала его представителей в свою городскую организацию. В XIII веке этот процесс постепенно завершился во всех важнейших городах. Насильственным путем добивались осуществления своих прав, кроме миланских, еще болонские ремесленники; городская буржуазия уступила лишь после восстания 1228 года. Во Флоренции сначала дело обходилось вполне мирно. Там уже с конца XII века в наиболее важных случаях, кроме городских консулов и консулов старших цехов*, привлекались и приоры ремесленных корпораций. В 1250 году, когда занятие Флоренции Фридрихом II доставило торжество дворянской гибеллинской партии¹¹, завладевшей городскими учреждениями, высшие классы буржуазии соединились с ремесленниками и образовали собственную общину с собственными учреждениями. Во главе этой общины стал *capitano del popolo*, а в подмогу ему был дан выборный совет из двенадцати анцианов; население города было разделено на 20 компаний**, преимущественно для военных целей. Приблизительно то же устройство было введено и почти во всех других городах Северной и Средней Италии частью для борьбы с гибеллинскими феодалами, частью на случай такой борьбы. Существованием двух групп городских учреждений и

* В начале XIV в. во Флоренции было 24 корпорации: позднее число их свелось к 21, из которых было 7 старших цехов (*arti maggiori*) и 14 младших (*arti minori*). Семь старших были следующие: судьи и нотариусы; крупные негоданты, преимущественно торгующие заграничным сукном (*arte di Calimala*); менялы, т. е. банкиры; фабриканты сукна (*arte di lana*); торговцы шелком и ювелиры; врачи и аптекари: кожевники и скорняки.

** Не следует поэтому смешивать их с ремесленными корпорациями.

объясняется та легкость, с какою тиранам удавалось захватить власть. В тех городах, где перевес был за знатью и подеста-том, тирания появлялась легче; в других получало дальнейшее развитие буржуазное устройство. Так, во Флоренции приоры цехов образовали новый совет сеньории (1282 г.), которая издала (1293 г.) направленные против знати «установления справедливости» (*ordinamenti della giustizia*). Рядом с подеста и капитаном народа явился новый судья, экзекутор установленной справедливости. Во главе сеньории стал знаменосец справедливости (*gonfaloniere della giustizia*). Но между сплоченными общей опасностью цехами начинаются нелады, как только выясняется полное поражение знати. Это конец XIV века, когда утверждается то устройство цехов, которое описано выше. Тут же выступает новый общественный элемент — пролетариат, который дает знать о себе страшным восстанием, так называемых Чомпи (*Ciompi*)¹² в 1378 г. Из всей этой неурядицы вывела Флоренцию тирания Медичи¹³, ставленников мелкой буржуазии.

В общем, ход развития городского устройства в тех городах, которые избежали раннего появления тирании, был тот же, что и во Флоренции. Частности, конечно, были другие, но всюду ремесленные корпорации сначала соединились с высшей буржуазией для борьбы с городской знатью, а потом начиналась борьба между старшими и младшими цехами, конец которой клала опять-таки тирания. Поэтому тираны, появляющиеся с середины XIV в., всюду почти являются ставленниками одной или другой части буржуазии, в противоположность раньше утвердившимся, которые большею частью опирались на знать.

Близкой копией итальянского городского устройства было городское устройство в Южной Франции. Там также после приобретения независимости власть была отдана выборным консулам. Так было в Арле, в Тулузе, в Авиньоне, в Марселе, в Нарбонне, в Монпелье и др. Но их количество обыкновенно было меньше, чем в итальянских городах. Только в Марселе и

в Монпелье их было по 12, в Тулузе — 24, обычная же цифра колебалась между 2 и 6, редко доходя до 8. Городские советы, иногда даже по два, исполняли функции итальянских креденц. Выборная система была сложнее, чем в Италии; только в виде исключения встречается прямая избирательная система. То на выборы оказывали влияние покидающие должность магистраты, то предварительно избиралась коллегия выборщиков и таким образом получалась двустепенная система, то — и это сравнительно с Италией важное отличие — в выборах принимали более или менее деятельное участие сеньоры города. Активными гражданами здесь тоже были только дворяне и высшая буржуазия. Вече — оно называлось парламентом — в южных городах играло значительную роль. Оно собиралось довольно часто и, в принципе, ему принадлежали суверенные права, но на практике оно могло пользоваться ими разве только при выборах. В других случаях его участие в управлении было довольно проблематично. В Марселе, например, ему с балкона сообщали решения властей и оно соответствующими криками одобряло или отвергало их. Но судить о решении его по акустическим впечатлениям было довольно трудно; против такой системы участия народа в управлении восставал еще Аристотель, говоря о спартанской апелле, и называл ее ребяческой. Партийная рознь заставила и некоторые южнофранцузские города прибегнуть к подестату; он появился в первой половине XIII века, но продержался очень недолго. Внутренние распри не прекращались, продолжались и натянутые отношения с сеньорами. Из всего этого извлекла выгоду только французская королевская власть.

История городского управления в Северной Франции

В Северной Франции административная власть сосредоточивалась также в руках городских советов, во главе которых стоял мэр. Члены советов в разных местах носили различные наименования; они назывались то присяжными (*jurati, jures*)*, как в Нуайоне, Сен-Кантене, Компьене, Суассоне и др., то пэрами (*pares, pairs*), как в Манте, Санлисе, вексенских коммунах и пр., то эшевенами (*scabini, echevins*), как в Понтье, Амьенском округе, в Артуа и Фландрии. Были и такие коммуны, которые соединяли в своем совете несколько коллегий. Так, повсюду, где были приняты учреждения руанского типа, господствовал такой порядок: первый совет состоял из 100 пэров; он ежегодно избирал из своей среды 25 присяжных; последние делились на две коллегии: коллегия эшевенов и коллегия советников (*conseillers*).

О способе избрания советов мы знаем мало, особенно для ранней эпохи. Кроме того, что только что сказано относительно руанской системы, мы знаем, что в некоторых городах, как в Бове, магистраты избирались городскими корпорациями, но так, что крупной буржуазии, банкирам и негоциантам, было обеспечено большинство в совете; в других — избирательная система была более демократична, и все цехи принимали одинаковое участие в выборах; в Турне члены совета оставались во власти пожизненно, и в случае чьей-нибудь смерти остальные выбирали на его места другого. В Амьене половина совета избиралась ежегодно старшинами цехов и потом выбирала себе товарищей; были города, где совет избирался всем населением, но были и такие, где на выбор, если не всех, то по крайней мере некоторых магистратов, оказывал влияние сеньор-сюзерен.

Число членов совета было во Франции, как и повсюду, не одинаково. В Руане, как мы видели, их было 100, в Гаме

* Вначале так называлось все население, присягнувшее соблюдать хартию, но потом термин стал употребляться в более узком смысле.

(Нам) — 40, в Лане — 36, в Нуайоне и Турне — по 30, в Амьене — 24, в Бове — 13, в Перонне — 12. Вступая во власть, члены советов приносили присягу в том, что будут править и судить честно и без пристрастия; в Руане они клятвенно обещали не поддаваться посулам и не принимать взяток, и магистрат, нарушивший обещание, с позором изгонялся, он и его наследники навсегда лишались права отправлять муниципальные должности, а дом его сравнивался с землей.

В руках советов находились суд и администрация; они судили по всем делам, заведовали коммунальными финансами, полицией, надзором за рынками; они были обязаны заботиться о милиции и об укреплениях, об общественных зданиях и об улицах. Там где, как в Руане, совет имел несколько отделений, эти функции распределялись между последними. В городах с самопополняющимися советами власть их была почти неограниченна, и авторитет членов совета был очень высок; в других, естественно, то и другое было гораздо ниже.

Во главе городских советов стоял мэ́р (*majör, mayeur, maire*; кое-где, например в Турне, он назывался *прево — prepositus, prevôt*), который является ближайшим образом исполнительной властью в городе. Мэ́р — первый в коллегии присяжных или эшевенгов, он всегда действует и фигурирует вместе с ними.

Его обязанности заключались в том, чтобы созывать членов совета на заседания, председательствовать в совете и в суде, хранить городскую печать и ключи от городских ворот, начальствовать под городской милицией, представлять от лица коммуны во внешних делах. Обыкновенно, он оставался в должности год, хотя и не всюду.

Способы избрания мэ́ра были различны. То его избирали из своей среды члены совета, то его избирали избиратели последних, т. е. большею частью городские корпорации, то его прямо или по предложению городских магистратов назначал сеньор. Руанский порядок, согласно которому герцог Нормандии или английский (позже французский) король назначал мэ́ра из

числа трех кандидатов, выставленных большим советом пэров; французские короли, и прежде всего Людовик Святой, пытались сделать всеобщим, но, по-видимому, это им не вполне удалось. Должность эта была почетна, но она была утомительна, сопряжена со многими и крупными расходами и даже прямо опасна, потому что в ту беспокойную пору, когда с сеньорами и с королем часто происходили столкновения, мэ́р расплачивался прежде других. Поэтому от этой должности нередко старались уклониться.

Кроме совета и мэ́ра, во французских городах были и другие должностные лица; их существовало две категории: постоянных низших чиновников и временно призываемых в различные комиссии горожан. Большая часть тех и других занимались городскими финансами; последние почти исключительно призывались тогда, когда вопрос шел об обложении. В число первых, кроме казначеев (*argentier, tresorier, depensier*), которые хранили и расходовали городскую казну, видное место занимал секретарь городского совета, *le cleric de la commune*; его должность была бессменная, и он пользовался в совете правом совещательного голоса.

Вече в северофранцузских коммунах играло далеко не такую важную роль, как в итальянских и даже южнофранцузских. Насколько можно судить по скудным источникам, оно созывалось только в исключительных случаях, при решении вопросов особенной важности и почти совершенно отсутствовало при нормальном течении дел. Оно фигурирует, например, тогда, когда необходимо заключить мирный договор или решается вопрос о дальнейшем существовании коммуны. Северные коммуны были в начале своего существования еще менее демократичны, чем южные. Это и понятно. В то время, когда городу приходилось путем невероятных усилий добиваться независимости от сеньора, не могло быть и речи о разделении на партии. Руководство движением принимали на себя более состоятельные классы: крупные купцы, промышленники, банкиры;

им вольности были нужнее, чем мелким горожанам; им было необходимо обеспечить свободу для своих операций, которую стеснял сеньоральный режим; но и мелкая буржуазия, которой независимость города приносила освобождение от крепостных повинностей, охотно принимала участие в борьбе с сеньором и присоединяла свои усилия к усилиям крупной буржуазии. В некоторых городах, у которых силою вещей не прекращалась борьба с сеньором, никогда и не было сильных партийных раздоров. Таково было положение в Корби.

Но когда городское устройство складывалось более или менее окончательно, приблизительно к концу XII и началу XIII веков, оказывалось, что крупная буржуазия захватила себе львиную долю выгод; тогда остальная часть населения начала требовать преобразования городского устройства в духе большей его демократизации. Настоящий классовый характер этого конфликта обнаруживается не раньше середины XIII в., но уже в начале его мы наблюдаем столкновения, носящие, правда, иной характер, но уже предвещающие будущую серьезную классовую рознь, в которой нашли себе могилу коммунальные вольности.

Обвинения, направленные со стороны народа по адресу правящей крупной буржуазии, были всегда одни и те же: неумелое управление финансами, пристрастная раскладка налогов, стремление обогатиться на счет бедных. Народ требовал, чтобы он был допущен к выборам должностных лиц наравне с представителями старших цехов, чтобы ему была предоставлена возможность контролировать действия мэра и совета. Положение, принятое народом, делалось все более и более угрожающим; дело доходило до опасных для правящих классов восстаний, и крупная буржуазия должна была уступить почти повсюду. Она разделила с народом свою власть, чтобы не лишиться ее целиком. Ремесленники получили наконец свои гарантии. Представителям их цехов было предоставлено более или менее широкое участие в выборе мэра и членов совета, а

в начале XIV века в больших северных коммунах явились специальные плебейские должностные лица, функционирующие наряду со старыми. Их называли присяжными, или старостами общины (*jures, prud'hommes du commun*). Название общины — *commun, communaute* сделалось в эту эпоху обычным для обозначения низших слоев городского населения; оно противопоставлялось крупной буржуазии, которая стала зваться эшевенами. В грамотах эта эволюция отразилась в официальном титуле коммуны. В XII веке он гласил: «мэр и присяжные»; в XIV веке его переделали на «мэр и община»*.

Но торжество ремесленников и демократизация городских учреждений длились недолго. Раздорами внутри коммуны воспользовались враги ее, которые все время стерегли удобный момент для сокрушения ее вольностей. И городские вольности пали под ударами сеньоров, владетельных князей, короля. Бомануар, современный юрист, прямо заявляет, что в этих случаях королевская власть должна прийти на помощь к коммунанам, как к малым ребятам, не умеющим управиться собственными силами. Эту идею разделяли даже и некоторые коммуны, которые в критических случаях сами обращались к королю и спешили отречься от своих хартий.

Что касается до городов буржуазии и новых городов, то об устройстве их не приходится много говорить. Они управлялись королевскими и сеньориальными чиновниками, главное место среди которых в городах буржуазии занимал *prevôt*. О независимости не было речи даже в городах бомонского типа. Но для общей истории, для истории эволюции третьего сословия обе эти категории городов оказались, пожалуй, важнее, чем коммуны. Подобно тому, как английские города, отказавшись от политической самостоятельности, направили все свои усилия на развитие муниципальной организации, так и французские зависимые общины, не знавшие никаких внешних осложнений, обеспеченные опекой королевской или другой сильной власти

* *Maire et jures* — *maire et commun*.

с самого начала своего существования занялись разрешением тех внутренних общественных и экономических задач, которые в коммунах могли во всем объеме быть поставлены только после потери политической независимости.

История городского управления в Германии

В Германии городские советы раньше появляются в новооснованных городах и уж затем в старых. Это и понятно: новооснованным городам нужно было дать сейчас же какой-нибудь административный орган. Он и является в виде совета Rat, consilium. Другое латинское название его, consules, консулы, указывает на то, что это учреждение иногда заимствовалося из Италии. И, действительно, князья, даровавшие городской совет, как Любеку (1188 г.) или Гамбургу (1190 г.), познакомились с городским устройством во время пребывания в Италии вместе с Барбароссой. Наоборот, в старых городах потребность центрального органа городского самоуправления была не так настоятельна даже тогда, когда горожане успели уже добиться самостоятельности; поэтому в Кельне, например, совет появляется лишь в 1242 году, в Магдебурге — в 1244 г., в Ахене — в 1272 г. В тех городах, где существовали коллегии шеффенов, они и являлись нередко первоначальным центром и органом самоуправления. Но власть недолго остается в руках шеффенов, во-первых, потому, что они не могут управляться и с судом, и с законодательством, и с администрацией, а во-вторых, потому, что горожанам не хочется отдавать власть в руки пожизненной коллегии; ежегодные выборы в городской совет гарантируют, по крайней мере, правящим классам постоянный контроль над советом в то время, как деятельность шеффенов совершенно ускользает от контроля благодаря их пожизненному функционированию в должности.

Совет — это представительная коллегия общины. Община в Германии, как и в других странах, является источником суве-

ренитета. Первоначально она в полном составе и осуществляла свои суверенные права. В Германии городские веча носили названия conventus civium, Bürgerding, burgiloquium и проч. Вече стало делаться неудобным, когда количество жителей в городах возросло, и практически это и было одною из причин появления советов*. Совет — это делегация веча. С его восстановлением постоянный созыв веча делается излишним. Но не во всех городах вече, как институт, исчезает сейчас же, как только создается совет. Таких примеров мы знаем немного (Нюрнберг, Берн, Вецлар и др.). Обыкновенно вече продолжает существовать наряду с советом. Его теперь созывают большей частью тогда, когда дело идет об общинной собственности, об альменде. Но и там, где вече пережило появление совета, оно мало-помалу превращается в пустую форму; в Стендале, например, где оно продержалось вплоть до XIV в., его созывали, только чтобы прочитать перед ним постановления совета. У него не спрашивали даже одобрения. В XIV в. вече совершенно исчезает. Исполнение его задач принимает на себя целиком совет. Задача его заключается в том, чтобы «блюсти пользу и благо общины». В его руках находится вся законодательная и административная власть в городе, а иногда, как мы видели, он является и судебной коллегией, подобно тому, как во французских коммунах. Единственное ограничение полномочий совета существует там, где город сложился из нескольких самостоятельных общин (Sonderngemeinden) и где поэтому часть общинных дел переходит в ведение последних. Совет назначает таких городских должностных лиц, как городского писца и палача, ведет все внешние сношения, хранит городскую печать, раскладывает налоги и вообще заведует всей финансовой частью; он наблюдает за торговлею и прочими рыночными делами, руководит полицией; от него зави-

* Первоначально наряду с фактически правившим вечем существовал так называемый малый совет (kleine, enge Rat), который заведывал лишь мелкими делами; важнейшие решало вече.

сит допущение новых членов в общину, он принимает их присягу; в его руках, наконец, все заботы о боевой готовности города.

Бюргермейстер появляется в городском совете позже, обыкновенно тогда, когда совет как орган самостоятельной общины уже успел сложиться. Первоначально функции бюргермейстера несложны, ибо в самом существенном административная власть принадлежит совету. Обыкновенно он — председатель совета, приводит в исполнение его распоряжения и следит за мелкими текущими делами. Позднее, однако, его власть вырастает, и функции расширяются; к нему поступают на хранение городская печать и ключи от ворот, к нему переходит надзор за всеми городскими учреждениями, часть суда и проч. Словом, чем дальше, тем больше возрастает значение его в городском управлении. Положение бюргермейстера различно. То он председатель совета и потому называется Ratsmeister'ом, то наряду с бюргермейстером имеется особый председатель совета, то совет совсем не имеет председателя; то их несколько. Количество бюргермейстеров не одинаково в разных городах; обычно он один, но встречаются по два, по три, по четыре, по восьми и даже больше. Должность эта выборная так же, как и должность членов совета; бюргермейстер избирается на одинаковый с последними срок, обыкновенно на год*.

Как были организованы выборы городских магистратов, мы знаем только для более поздней эпохи, примерно с XIII века; о более раннем периоде у нас нет никаких сведений. Прямых выборов мы не встречаем нигде; средневековый человек любил более сложные системы в этих случаях, как это мы уже видели во французских городах. В Германии мы встречаемся с той же тенденцией. Так, в Дортмунде с 1260 года избирательный регламент был таков: шесть ремесленных гильдий выбирали по два избирателя; эти, в свою очередь, еще шесть человек из так

* Лишь в виде исключения мы встречаем пожизненную должность членов совета.

называемой Рейнольдской гильдии*. Составленная таким образом коллегия и избирала членов совета. В Кельне после победы ремесленных цехов — мы принуждены забежать вперед — установилась такая система: двадцать два цеха ежегодно в два приема (в день Иоанна Крестителя и к Рождеству) выбирала 36 членов совета, которые путем кооптации¹⁴ дополняли совет до 49 членов; эти уже выбирали из своей среды двух бюргермейстеров и назначали прочих должностных лиц. Словом, сложные выборы и кооптация — последняя на манер практиковавшейся в коллегии шеффенов — являются господствующими типами городской избирательной системы в Германии.

Совет исполняет свои функции или в общих собраниях, или в комиссиях, которые избираются им из своей среды. Комиссии назначаются как для отдельного случая, так и для целой сферы городского управления; их число в больших городах бывало порою очень велико, обыкновенно же колебалось между двумя и шестью. Одни из этих комиссий заведовали мерами и весом, другие — военными делами, третьи — укреплениями, четвертые — монетной системой и проч. Постоянное жалованье, которого члены совета и бюргермейстер обыкновенно не получали, уплачивалось лишь наиболее занятым членам советских комиссий**. Большой же оклад получал лишь городской писец, потому что эта должность требовала известного образовательного ценза; она замещалась вначале лицами духовного звания, и только начиная с середины XV века, когда в Германии стала восходить заря Возрождения, появились светские писцы.

Совет был аристократическим органом. Должности были в руках богатых семей, из рода в род накопивших себе крупные

* Гильдия старинных аристократических фамилий.

** Бесплатность службы, однако, нужно понимать тут с оглядкой. Члены городского совета имели доли в штрафных деньгах, в добровольных пожертвованиях в пользу города, пользовались свободой от земельного обложения и проч. Должность ратманов и бюргермейстера считалась почетной, служили они по выбору; между тем как другие должностные лица — по найму.

состояния. Это так называемые *Geschlechter*. Что богатые захватили власть в старых городах — это понятно; иначе и быть не могло, ибо они вынесли на своих плечах борьбу с сеньорами, они завоевали самостоятельность. Но классовые советы образовались и в новых городах потому, что первые колонисты были богатые купцы, а затем и потому, что выходящий в отставку состав всегда оказывал влияние на следующий. Так повсюду образовалось ядро патрицианской советской аристократии, которая очень скоро сложилась в замкнутую общину. А в Кельне еще до появления совета — в начале XIII в. появляется так называемый цех богатеев — *Richerzeche*, образовавший своего рода братство. В это же время возникла вышеупомянутая Рейнольдовская гильдия в Дортмунде; позже появились Любекская *Zirkelgesellschaft*, или *Junkercompagnie* (1379 г.) и Теодоровская гильдия в Люнебурге (1456 г.). Но эти замкнутые организации не всегда образовывали братства. Общий факт тот, что богатый класс забрал в свои руки всю администрацию. Естественно, что обойденные плебеи, ремесленники косо смотрели на такое положение дел и дожидались случая, чтобы покончить с ним; но пока и материальная мощь была на стороне патрициев, протесты и даже восстания — они начинаются еще в XIII веке — приводили лишь к незначительным уступкам. Для того чтобы успех мог увенчать дело плебеев, было необходимо, чтобы они окрепли материально. Поэтому счастье начинает покровительствовать ремесленникам только в XIV веке.

Борьба происходила в XIV и XV веках почти во всех городах Германии, и в большинстве случаев ремесленники добились своей цели; но во многих городах патрициям удалось отстоять свое господство, именно в тех, где торговля была главным ресурсом общественной жизни и отодвигала на задний план промышленность; на севере патриции победили в крупных ганзейских городах, на юге — в таких торговых центрах, как Нюрнберг и Франкфурт. Распределение социально-экономи-

ческих сил предreshало политическое положение: где промышленность была слаба, купцы устояли, где она была сильна — уступили.

Победа цехов влекла за собой соответствующее преобразование городского устройства; в этом была цель движения, и ремесленники обыкновенно требовали ее немедленного осуществления. Обыкновенно сходились на одном пункте: ремесленникам давался доступ в городской совет; однако это не всегда совершалось на одних и тех же основаниях. В иных городах ремесленники непосредственно получали право присылать своих представителей в существующий уже совет патрициев; в других — депутаты от цехов получали в совете особую скамью; в третьих — появлялась наряду со старым советом самостоятельная административная коллегия из ремесленных депутатов; бывало и так, что прежний совет получал товарища; тогда новый назывался «советом от общины», а второй — просто советом. Наконец, победа ремесленников в некоторых городах была настолько решительна, что ни о каком компромиссе не могло быть речи. Городское устройство в таких случаях прямо приравнивалось к цеховому устройству: финансовая организация, военная служба, избирательная система, — словом, все важнейшие городские отношения захватывались ремесленниками. Патриции, желавшие получить доступ в городскую общину, должны были либо записываться в какой-нибудь из существующих цехов, либо образовать новый цех. Благодаря этому изменился отчасти и самый характер цехов: на их организацию лег яркий отпечаток политического института.

Остановимся несколько внимательнее на процессе преобразования городских учреждений в трех рассмотренных континентальных государствах. Мы всюду видим один и тот же факт. Крупная буржуазия, завоевавшая городскую самостоятельность, создает учреждения, соответствующие ее собствен-

ным интересам и благодаря им постепенно делается правящим классом. Но по мере того, как вырастает значение мелкой ремесленной буржуазии, которая делается необходимым условием процветания города в качестве главного контингента городского ополчения, в качестве существенного фактора промышленного процветания города, в качестве необходимого производителя предметов первой необходимости, она начинает требовать для себя участия в городском управлении и создает свой орган. Этот способ — едва ли не наиболее обычный. В Италии он, во всяком случае, главный: миланская крденца св. Амвросия, скопированная во многих городах Ломбардии, флорентийский совет приоров ремесленных корпораций, послуживший образцом для городов Тосканы — таковы основные формы. Французские присяжные общины также получили большое распространение, и название «общины» — *communes* для обозначения мелкобуржуазных членов города получило даже повсеместное распространение. Немецкий дубликат старого совета (*Rat aus der Gemeinde*) далеко не сделался обычным плебейским институтом, но также приобрел большое значение. Словом, всюду мелкая буржуазия более или менее отчетливо обнаруживает тенденции обособиться от правящих классов и завести собственные органы; только там, где, как в Германии, победа ее была не везде решительна, она принуждена идти на компромисс и мириться с частичными преобразованиями существующих учреждений.

Во всем этом процессе мы вновь наблюдаем те же черты, которые так хорошо известны нам из наиболее классического примера сословной борьбы, борьбы плебеев с патрициями в Древнем Риме. И там первый же успех был увенчан созданием трибуната и собраний по трибам; а когда постановления трибутских собраний сделались обязательными для всего народа, патриции, чтобы не потерять власти окончательно и сохранить некоторое влияние на дела, принуждены были записываться в трибы, как члены древнего *Geschlecht*'а в цех.

Аналогия идет еще дальше, и она освещает в данном случае одно условие, на какое мы пока не обращали внимания. Уравнение в правах обоих сословий в Риме принесло на первых порах осязательную выгоду только верхнему слою плебейства, богатому люду; пролетариат не выиграл ничего; изменилось только имя правящей аристократии: сама она сохранилась, дав доступ в ряды родовой знати — знати денежной. Так было и в средневековых городах. Когда представители мелкой буржуазии получили доступ к городским должностям, немедленно начался новый процесс образования правящей советской аристократии освеженного состава. Мелкий люд: рабочие, поденщики и проч. — опять остался за флагом и едва ли что-нибудь выиграл от перемены на верхушках городского управления. Пролетариат продолжал существовать и нередко давал знать о себе серьезными вспышками недовольства. Таково было восстание Чомпи во Флоренции в 1378 г.

Городское устройство и управление в Англии

Английское городское устройство отличается от континентального прежде всего тем, что города там не пользуются политической независимостью. Английский город не есть государство с определенной территорией, каким в большей или меньшей степени являются все итальянские муниципии, немецкие имперские города и французские коммуны. Английский город — это часть общей территории страны, одаренная привилегиями в целях облегчения торговли и промышленности, частью покровительствуемая ради укреплений, но никогда не выделявшаяся в самостоятельную политическую единицу. Даже в самое блестящее время английских городских вольностей, при Иоанне Безземельном и при Ричарде Львиное Сердце, когда в Лондоне и некоторых других городах учреждается коммуна (*communa*), трудно говорить о политической независимости. Прежде всего эти коммуны были сколками с наиболее консервативных французских коммун, тех,

где были введены руанские установления; но даже Руанская хартия была урезана; а самое главное, все это устройство просуществовало недолго.

Между тем, говоря об английской городской организации, с коммуны приходится начинать, ибо она, несмотря на то, что исчезла довольно быстро, оставила глубокий след. Этим следом был мэр. Впервые он появляется в Лондоне вместе с коммуной 1191 года. Рядом с ним появляется в 1200 г. коллегия ольдерменов из 25 человек, по числу городских округов. Это и есть лондонский городской совет. И мэр, и ольдермены избираются из числа городских нотаблей, первый — на год, вторые — пожизненно. В начале царствования Эдуарда I (1272—1307 гг.) появляется в Лондоне третий городской орган — общинный совет (*common council*); его члены также избирались и обыкновенно также по городским округам подобно ольдерменам. Но одно время право их избрания, правда, недолго, принадлежало корпорациям.

Наиболее привилегированной частью городского населения были так называемые ливрейные товарищества, *livery companies*, т. е. те же старшие цехи, хорошо знакомые нам из истории, например Италии. Мэр непременно должен был быть членом ливрейной компании, и они должны были призываться всегда, когда происходили выборы мэра, шерифа, депутатов в парламент*.

Устройство других городов является обыкновенно более или менее верной копией лондонского. Но нигде почти мы не встречаем такого богатства муниципальных органов, как в столице. Например, в Йорке, втором по значению городе средневековой Англии, нет общинного совета, а есть только 12 ольдерменов, а в Бристоле, где есть *common council*, нет ольдер-

* Благодаря той огромной власти, которую удалось захватить ливрейным компаниям, они скоро приняли форму, ничего общего не имеющую с прочими цехами. Многие из них не только не были ремесленниками: они не были даже горожанами. В числе почетных членов у них фигурировали пэры, герцоги и принцы крови.

менов. В Ярмуте нет ни мэра (он появляется лишь в 1684 году), ни шерифа; вместо них фигурируют четыре бэйлифа (*bailif*); здесь ольдермены раньше носили название присяжных (*jurati*), прямо указывающее на влияние нормандских установлений. Любопытную особенность некоторых английских городов составляет смешение муниципального устройства с гильдейским, необыкновенно ярко сказывающееся в Лестере, Устере и небольшом ланкастерском городке Престоне. Такое огромное значение купеческая гильдия могла приобрести только в менее крупных городах, ибо в больших все купцы не могли войти в одну гильдию, и не попавшие в нее крепко держались за муниципальное устройство, зорко следя за тем, чтобы гильдия не узурпировала не принадлежащих ей прав. Поэтому даже когда королевский патент утверждал гильдию, члены муниципального управления восставали против этого. При этом даже некупеческие гильдии возбуждали у муниципалитета серьезные опасения. Так, в Лондоне муниципалитет беспрестанно враждовал с большой гильдией ткачей, Экзетер в 1466 г. жаловался парламенту на то, что король даровал гильдии портных право избирать собственных должностных лиц. Что касается маленьких городов, где все городские купцы легко войти могли в купеческую гильдию, она приобретала значение правящей корпорации, «городской» гильдии. Обыкновенно при этом все-таки сохранялась разница между гильдейским и городским устройством, но в Устере (*Worcester*) и Престоне она исчезла, и купеческая гильдия прямо превратилась в городскую общину; в обоих случаях произошло перемещение понятий. Гильдией (уже просто «гильдией», некупеческой гильдией) стала называться вся городская община.

Это факт, совершенно невозможный на континенте; какое бы значение ни имела там торговля, невозможно себе представить, чтобы торговые интересы настолько задавили все остальные, что статут торгового товарищества сделался городским статутом.

Тут еще раз вскрывается коренное отличие английского городского устройства от континентального. Все те сферы управления, которые были связаны с политической независимостью: военное, большая часть внешних, большая часть законодательной деятельности, — не тревожили жителей английских городов. Их внимание поглощалось чисто муниципальными вопросами, среди которых регламентация торговли и промышленности занимали первое место. Последние две отрасли управления, с другой стороны, одни давали смысл купеческой гильдии. Отсюда и совпадения между гильдией и муниципалитетом.

Зато Англии не пришлось пережить того общего для всех трех континентальных стран факта, который привел там к крушению городской свободы — борьбы между городским патрициатом и ремесленниками. Мелкие раздоры, особенно при выборе мэра, конечно, поднимались постоянно, но той упорной, длившейся десятилетиями борьбы между двумя классами городского населения, Англия не знала. Причины этого отличия совершенно ясны.

На континенте, в городских республиках, мелкая буржуазия требовала себе политических прав, которые могли бы возместить их тяжелые повинности; борьба там происходила на политической почве, хотя основные мотивы были социально-экономического характера. Итальянские и немецкие ремесленники отлично понимали, что только проложив себе путь к управлению, они могли надеяться на улучшение своего социального и экономического положения. В Англии политического вопроса в городах не существовало, ибо города не пользовались независимостью; городское управление там было исключительно муниципальным управлением. Создание новых ремесленных гильдий, расширение сферы деятельности существующих, создание специальных должностных лиц — это зависело почти всегда от короля или от парламента, а не от городских властей. Наиболее существенные для ремесленников вопросы не могли быть разрешены муниципальной администрацией.

Но оставалось много других вопросов, которые не могли быть безразличны для ремесленников, и прежде всего выборы мэра, шерифа или бэлифа. Из-за этого-то и происходило большинство споров. Но серьезная борьба была предотвращена и здесь тем благоразумием английского народа, которое всегда отличало его в эпохи сословных конфликтов. Патрициат никогда не натягивал струны до крайности и не давал ей лопнуть. Избирателями в городах были, в принципе, все владельцы недвижимой собственности, уплачивающие обычные городские налоги (*lot and scot*), но и в Англии подобно тому, как и в Германии, и Франции, право на избрание в городские должности постепенно сосредоточилось частью или целиком в руках членов городских корпораций, в крупных городах — ремесленных гильдий, в мелких — купеческих, т. е. того же городского патрициата. Но в Англии, за редкими исключениями, гильдии никогда не закрывали доступа в свою среду лицам, которые удовлетворяли формальным условиям приема. В частности, в XII—XIV вв. купеческие гильдии охотно принимали ремесленников всякого рода. Словом, английское муниципальное устройство было гораздо демократичнее, чем на континенте. Таковы два условия, благодаря которым Англия избежала внутренних раздоров в своих городах. А благодаря этому города могли обратить более серьезное внимание на сферу чисто муниципальных вопросов, в которой Англия до сих пор идет впереди Европы.

Происхождение городских учреждений и, в частности, городских советов

В заключение обзора городского устройства нам необходимо остановиться на важном вопросе о происхождении городских учреждений и, в частности, городских советов.

Вообще говоря, совет является в городах новостью. Приводить его в связь с каким-нибудь раньше существовавшим

учреждением нужно очень осторожно. Совет — это символ автономной общины; так как автономии раньше не существовало, то не могло быть и ее реального выражения. Совет появляется потому что община не может постоянно заниматься делами *in cogroge*¹⁵. Даже в сельской общине иногда приходилось прибегать к выборной коллегии. Но, признавая совет новостью, мы тем не менее не должны закрывать глаза на то, что такое учреждение не могло возникнуть сразу; оно имело все-таки свою эмбриологию. Так, во Фландрии и некоторых северофранцузских коммунах в доавтономную эпоху существовал обычай доверять заведование общинной собственностью специально для этого избранным лицам. Так, в некоторых из старых епископских городов, например в Магдебурге, до учреждения совета функционировала коллегия, заведующая делами мер и веса и превратившаяся потом в постоянный совет. Иногда в совет превращалась коллегия или делегация, назначенная общиной для какой-нибудь специальной цели; так было в небольшом немецком городке Ремагене.

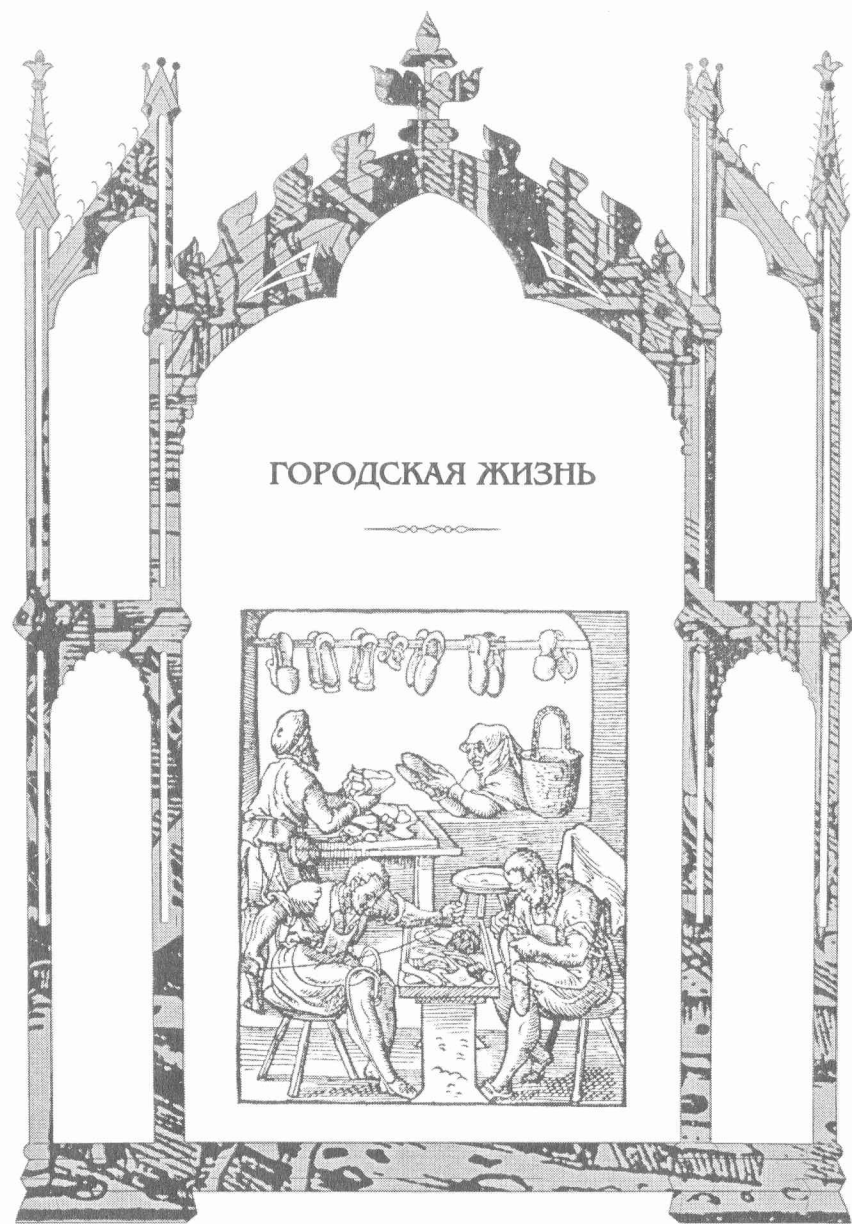
Переходя к другому источнику городского совета — постоянному учреждению, существовавшему до него, мы должны прежде всего отбросить все сеньориальные учреждения, например совет городского сеньора, составленный из его вассалов, членов клира, министералов и горожан. Такие советы иногда призывались сеньором для вершения городских дел, но городские советы в корне отличны от них. Что касается коллегии шеффенов, то для Германии не может быть и речи о том, чтобы выводить из нее городской совет; в тех немецких городах, где шеффены были до возникновения совета, они остались и после его появления. Совет явился независимо от них. Иначе дело обстоит во Фландрии. Мы знаем, что в некоторых городах — в Лане, Сен-Кантене и др. — сохранились настоящие судебные эшеваны. Это старые франкские скабины, подчинившиеся затем сеньору, — по происхождению полная аналогия с немецкими шеффенами, и члены совета, которые но-

сили имя эшеванов — преимущественно во Фландрии, по всей вероятности, восходят к этим эшеванам, а через них — к франкским скабинам. Процесс тут заключается в том, что они из заседателей сеньориального суда превратились в орган городского самоуправления. Постепенно исчезла необходимость утверждения их в должности или назначения на должность сеньором, пожизненная должность сделалась временной, обыкновенно годичной, порядок пополнения сделался кооптативным, или выборным; к первоначальным судебным функциям прибавились административные. Это превращение облегчалось тем, что и до получения автономии городом эшеваны назначались сеньором из числа видных членов городской буржуазии; остальное население привыкло видеть в них своих судей и возложило на них управление, как только отделалось от сеньора. Труднее проследить генеалогию тех французских советов, члены которых носят название пэров или присяжных.

Общее заключение может быть сформулировано так: источник городского совета лежит в компетенции автономной общины; какой коллегии она вверяет свои верховные административные права, та и является советом. Коллегия эта создается вновь или полномочия совета переносятся на раньше существовавшую временную или постоянную коллегия.

Подведем итоги. Город в Средние века есть община, прежде всего реальная, а затем обыкновенно и личная. Но городские учреждения произошли не из учреждений сельской общины. Они или создавались вместе с получением автономий, или коренились в государственных институтах, как суд в некоторых частях Германии и в Англии и советы в некоторых частях Франции. Под влиянием общинных распорядков общегосударственные институты перерабатывались в корпоративные. Но государственные институты дали жизнь городским не в своем первоначальном виде, а преобразованные сеньориальным ре-

жимом, который отобрал у государства некоторые регалии последнего и тем подготовил почву для городской автономии. Экономические условия, и ближайшим образом эволюция торговли приспособляли те рудиментарные институты, из которых вырос городской строй, к потребностям новой эпохи. Отношения сельской общины были той основой, на которой выросли условия городского землевладения и выработались условия активного бюргерства. Здесь экономические отношения повлияли тем, что дали жизнь известному положению: городской воздух делает крепостного вольным. Городское право выработалось благодаря юридическим последствиям существования укреплений и идеи особенного мира и убежища, и также запросам торговли. Таковы были многообразные, тесно переплетающиеся источники городского строя. В свободных городах суверенитет принадлежит самой общине, которая вначале вершит дела на вечевых собраниях, а позднее передает свою власть совету. Первоначальный строй вольных городов аристократический, но по мере того, как поднимается значение промышленности, в которой заняты плебеи-ремесленники, он изменяется в сторону большей демократизации. Изменяются условия вступления в число граждан, плебеи получают доступ к управлению. Но борьба классов ослабляет город, и городские вольности в одних странах раньше, в других позже, падают под ударами врагов.

- ☞ Купеческая гильдия
- ☞ Городская торговая политика
- ☞ Происхождение цехов
- ☞ Ученик, подмастерье, мастер
- ☞ Организация цехов; их отношение к общественной власти; принципы цеховой промышленности
- ☞ Городские финансы
- ☞ Военная организация в городах
- ☞ Народное образование и призрение бедных в городах
- ☞ Отношение горожан к духовенству
- ☞ Отношение горожан к знати. Евреи в городах
- ☞ Количество и распределение населения

ачиная с XIII века, когда городское устройство повсюду приобретает более или менее устойчивый характер, и городская жизнь мало-помалу начинает отливаться в постоянные формы. В этом отношении между городами, политически находящимися в различных условиях, незаметно большой разницы. Расцвет городской жизни относится к XIV—XV векам, а в это время, особенно начиная с середины XV века, вполне свободные города сохранились почти исключительно в Германии, да в Нидерландах. В Италии воцарились тираны, во Франции Капетинги сокрушили городские вольности. Зато в Англии после трех Эдуардов, правивших железной рукою и не дававших воли городам, наступили смуты, закончившиеся кровавою войною Роз¹, когда контроль центральной власти над местными организациями сделался почти невозможен; английские муниципии широко воспользовались этим обстоятельством для осуществления тех задач, в которых они встречали противодействие со стороны королевской власти. С другой стороны, во Франции, когда с окончанием Столетней войны² восстановился порядок, королевская власть сама стала усиленно заботиться о пра-

вильном функционировании городской жизни и, например, Людовик XI прилагал много усилий к тому, чтобы поддержать торговлю и промышленность в городах. Таким образом, разными путями и на разных основаниях в европейских городах выработались приблизительно к середине XV века одинаковые условия жизни. Нетрудно понять, почему городское развитие повсюду пришло к одному и тому же результату.

Город вообще, а средневековый город в особенности, существует для торговли и промышленности. Так как по всей Европе вторая половина Средних веков является эпохой возрождения торговли и промышленности, то вследствие однородности общего экономического процесса, оно всюду должно было осуществляться при однородных частных проявлениях. Если городское устройство и городское управление складывались различно под влиянием местных условий, то плоть и кровь городских отношений — торговая и промышленная жизнь, сумели нейтрализовать действия местных условий и выработать, в общем, одинаковые формы. Этого мало: торговля и промышленность, как неоднократно указывалось выше, могущественно влияли на городской строй вообще, и те особенности городского права и городских учреждений, которые обнаруживают тождественные черты в разных странах, являются прежде всего результатом экономических причин.

Средневековый город в середине XV века, независимо от его политического положения, представляет из себя как реальную, так и личную общину. Это союз более или менее равноправных горожан, объединенных общими интересами и старающихся во что бы ни стало эти интересы осуществлять. Этой цели служат городское устройство и городское управление, этой цели служит городская политика, на первом плане охраняющая городскую торговлю и городскую промышленность от конкуренции иногородних и иноземных купцов. Нам прежде всего и необходимо ознакомиться с организацией городской торговли и промышленности.

Купеческая гильдия

Наиболее типичной формой организации торговли является купеческая гильдия. Что она из себя представляет и как она возникла?

Гильдии принадлежат к наиболее ранним проявлениям духа общественной солидарности в романо-германском мире. Но мы получаем сколько-нибудь удовлетворительное представление о них, только начиная с каролингской эпохи. Франкская гильдия этого времени и современная ей англосаксонская — это компания людей, обязавшихся взаимно поддерживать друг друга, собирающихся от времени до времени, чтобы попить вместе, и объединенных христианской идеей братства. Словом, гильдия — это союз, наполовину связанный своеобразной юридической идеей, наполовину одушевленный идеей христианской. Высшим типом этой классической гильдии являются датские гильдии, оставившие нам свои детально разработанные уставы. Гильдия стояла вне связи с государством; она и не могла по своему существу войти в государственный организм. Время возникновения первых гильдий — эпоха государственной расчлененности и слабости верховной власти. Гильдия, бравшая на себя обязанность охраны своих членов, узурпировала государственные функции и становилась таким образом в противоречие с основными задачами государства. Поэтому, как только государственная идея крепла, во Франции при Карле Великом и в Англии при норманских королях, верховная власть немедленно объявляла войну гильдиям. Каролингские капитулярии и постановления норманских королей объявляют гильдии вредными учреждениями и стараются их уничтожить. Во Франции усилия Карла Великого были потеряны даром благодаря наступившей при его преемниках неурядице, но в Англии гильдии должны были сильно сократиться в количестве. Иначе дело обстояло в Дании. Своеобразные политические условия этого небольшого государства благоприятствовали духу частной инициативы в общественных делах, и короли не только не возвра-

няли, но при случае охотно поддерживали гильдии; они видели в гильдиях защитниц общественного порядка и исполнительниц тех функций, которых государство при своем бессилии не могло взять на себя. Таким образом, гильдии оказывались опасными только для сильной королевской власти, для слабой они были, наоборот, ценным подспорьем.

От этих старых гильдий следует отличать поздние; главное различие между ними заключается в том, что в последних мы не встречаем более соединения двух элементов: религиозного и светского. В более позднюю эпоху светская гильдия отличается от религиозного братства; гильдия — часть городского органа, братство соединено так или иначе с церковью. Но принципы устройства в обоих случаях одинаковы.

Классической страной светских профессиональных гильдий является Англия; она влияла на Данию, а та — на другие Скандинавские государства и частью на Германию. Поэтому и мы будем иметь в виду прежде всего английское гильдейское устройство.

Ассоциации купцов, называемые купеческими гильдиями, могли появиться лишь с усилением торговли. В Англии этот процесс падает на время от норманского завоевания до Великой переписи 1086 года, когда установились более или менее прочные сношения южного побережья английского острова с континентом. Начиная с конца XI века (1093 г.) и появляются гильдии в английских городах. В следующем столетии мы их находим уже во всех более крупных городах королевства. Первоначальная цель гильдии — получение и охранение торговых привилегий: права исключительной торговли в своем городе и в других городах. Привилегия — черта, вообще свойственная духу средневековых учреждений — в данном случае приобретает специальный характер, какого она не имела раньше. Прежде источниками привилегий были знатность, служба и проч.; теперь им делается фискальный интерес. Корона за известную плату ставит в более благоприятное положение ту

или иную корпорацию. Гильдия таким образом становилась товариществом, откупившим известного рода монополии. Монополия эта, однако, простиралась не на все виды торговли. Продажа пищевых продуктов, вероятно, дозволялась под известные условия и не членам гильдии. Но торговля как профессия оставалась привилегией гильдейцев. Некоторые товары, например шкуры, крашеное сукно, сукно вообще, делались иногда предметами исключительной торговли той или иной гильдии. Члены гильдии уплачивали известную сумму при вступлении в нее и были обязаны, по-видимому, если не всюду, то во многих городах, вносить и другие, быть может, периодические платежи. Деньги, накопившиеся таким образом, шли на уплату всяких сборов и поборов со стороны королевской власти, а также на устройство совместных пирушек; последний обычай — несомненное наследие старой гильдии. Гильдия ревниво оберегала свои права и карала тяжелыми штрафами всех нарушителей своих привилегий. Торговать, не будучи членом гильдии, при этих условиях становилось прямо невозможно: штрафы одолевали самых строптивых сторонников самостоятельной торговой деятельности, и все наиболее зажиточные купцы в конце концов оказывались вынужденными вступать в гильдию. Но гильдия понимала свою роль шире простого полицейского надзора за негильдейскими. У нее были и внутренние задачи. Опять-таки совершенно в духе средневековых представлений, по которым раз существует коллегия или корпорация, то она должна пользоваться правом суда над своими членами, гильдия собиралась от времени до времени, чтобы выработать своего рода обязательные постановления и наказывать нарушителей постепенно складывавшегося кодекса профессиональной гильдейской этики и гильдейского обычного права.

При таких сложных задачах гильдия должна была выработать свою организацию. Она была в общем одинакова у всех английских гильдий. Во главе гильдии стоял ольдермен, у которого было по два или по четыре пристава (wardens, иногда с

французским названием — *echevins*); в некоторых гильдиях, кроме того, существовали так называемые управители (*stewards*). В помощь должностным лицам гильдии избирался обыкновенно совет из 12 или 24 членов. Обязанности гильдейской администрации были не особенно сложны: она созывала собрания, которыми руководили ольдермен с ассистентами; кроме того, она же заведовала движимым и недвижимым, если последнее имелось, имуществом гильдии.

Правила приема в члены гильдии делались с течением времени все строже и строже; пока учреждение было молодо и принуждено было вести свою борьбу за существование, оно не заботилось о том, чтобы ограничить доступ в свою среду; ему важно было укрепиться. Зато по мере того, как оно завоевывало более прочное положение, по мере того, как участие в гильдии стало делаться источником материальных выгод, либерализм стал мало-помалу сменяться более строгими правилами. Вначале, например, отчуждение гильдейских прав было очень обыкновенной вещью; позднее оно стало ограничиваться; вначале в гильдии допускались и ремесленники, у которых тогда еще не было своих гильдий; позднее их уже не пускали; впрочем, когда ремесленники завели свои гильдии, они уже и не просились в купеческие. Достоверно мы знаем одно: сыновья гильдейских могли вступить в гильдии при меньших взносах, чем посторонние; но туда допускались и иногородние купцы; иногда даже соседние городу помещики и даже монастыри, чтобы обеспечить за собою право торговли и пользование гильдейскими привилегиями, вступали в гильдии. Но, конечно, основной контингент членов гильдии набирался из местных горожан, притом, по-видимому, исключительно из полноправных, из держателей по городскому праву (*burgage tenants*).

Кроме материальных выгод, принадлежность к гильдии представляла и некоторые весьма существенные практические преимущества. Если члену гильдии грозила какая-нибудь беда, то его товарищи должны были заботиться о ее предотвращении;

если кто из гильдейских попадал в тюрьму, то должностные лица его гильдии должны были добиваться его освобождения; если член гильдии лежал больной, то ему посылались кушанья и напитки с общей пирушки и товарищи навещали его; если член гильдии по каким-нибудь причинам терял состояние, он всегда пользовался поддержкой товарищей; дочери такого гильдейца всегда получали приданое при выходе замуж; если кто из гильдейских умирал, то товарищи провожали его до могилы и следили за тем, чтобы были исполнены все необходимые обряды.

В других странах гильдии иногда носили то же, иногда иное название. Во Франции мы знаем несколько примеров, когда в городах существовали такие ассоциации торговцев. Так, в Руане прямо были заимствованы вместе с названием английские формы. Лица, принадлежавшие к купеческой гильдии, пользовались привилегией беспошлинной торговли во всех английских рынках и ярмарках и в самом Лондоне*; в Дюнгэте близ Лондона они пользовались правом исключительной выгрузки товаров и удаляли всякое чужое судно, случайно или умышленно попавшее туда. На родине же руанские гильдейцы монополизировали судоходство по Сене вплоть до предместья Парижа, Сен-Жермена.

Парижские *mercatores aquae* или *de aqua*, т. е. купцы, торгующие по Сене, назывались иначе *mercatores hansati*. *Hansa* — термин, который имеет очень много значений. В Англии он означает не только торговую ассоциацию, но и совокупность торговых прав, которыми она сама пользуется и которые уступает другим; наконец, *hanse* может означать ту сумму денег, за которую местная гильдия уступает свои права чужестранным или туземным купцам. Но повсюду в Европе, когда говорят о ганзе, то прежде всего подразумевают именно ассоциацию купцов. Таков был в сущности характер и знаменитой немецкой Ганзы, но та, как отчасти и Брюггская Ганза, была не ассоциацией от-

* Здесь пошлина должна была уплачиваться только за вино и за китовые продукты.

дельных купцов, а ассоциацией купеческих ассоциаций.

Парижские купцы в первой трети XIII в. имели свою организацию, во главе которой стояли прево* и четыре присяжных эшевена; все пятеро избирались бюргерами и утверждались королем. В особых случаях привлекались специальные выборные *prud'hommes*. С конца XIII в. прево с эшевенами назначали членов совета по английскому образцу в 24 человека. Филипп Август даровал парижским купцам различные привилегии, которыми он распространил их право торговать по Сене, также и на притоки этой реки — Йонну и Уазу, подтвердил договоры, заключенные ими с руанскими и бургундскими купцами, и даже за известную плату даровал им некоторую автономию (назначение мер, наказание за неправый образ действий и низшее судопроизводство вообще).

Купеческие гильдии были и во многих фламандских городах. В Сент-Омере это была влиятельнейшая из городских корпораций. Согласно хартии графа Филиппа от 1165 года она была тесно связана с торговым товариществом городка Бурбурга. При закупке товаров в Гравелингенском порте гильдейцы Сент-Омера получали две трети, а бурбургские — одну. Во Фландрии члены сент-омерской гильдии торговали на основании привилегий местных графов, в Англии их интересы защищались привилегиями Генриха II. Впоследствии (в XIII в.) их преимущества не раз подтверждались, но в позднейших грамотах гильдия фигурирует под именем ганзы. В ее уставах мы встречаем некоторые постановления, сближающие сент-омерскую ганзу с английскими гильдиями (преимущества для детей гильдейцев, принуждение вступать в ганзу или не торговать совсем и проч.). Во главе ганзы стоял *doyen*.

Арраская гильдия была влиятельнейшей из городских братств (*caritates*); к ней принадлежали городские шеффены. В

* *Prevôt desmarchands*, которого не следует смешивать с *prevôt de Paris*, королевским чиновником, которого имел во главе у себя Париж в качестве *ville de bourgeoisie*.

Лилле на существование гильдии указывает должность четырех ганзейских графов (*comites hansae*). В Валансьене организация купцов, не носившая официально названия гильдии, играла очень существенную роль. В Гонте мы встречаем купеческую гильдию сравнительно поздно, в конце XIII в., но она, несомненно, явилась гораздо раньше. Ганза в Брюгге, так называемая лондонская ганза, представляет более интересную организацию, чем все однородные товарищества: она является переходным типом; по ее образцу, но с еще более широкой программой сложилась великая немецкая Ганза. Брюггская организация явилась до середины XIII века. Это также торговая ассоциация, но ее особенностью является ее межмуниципальный характер. Если в других городах и принимались иногда в гильдии чужестранцы, то это рассматривалось как исключение: гильдия оставалась чисто местной городской ассоциацией. Здесь, наоборот, дело поставлено так, что соединение купцов из разных городов является в самом принципе организации. В этой организации участвовали купцы семнадцати фламандских и французских городов: Брюгге, Иперна, Диксмуде, Арденбурга, Лилля и др. Никому не ставилось препятствия для вступления в ганзу, если только, кроме уплаты обычных вступных денег, кандидат удовлетворял двум условиям: год с днем не числился ремесленником и в родном городе принадлежал к купеческому братству. Брюгге и был главой этой фламандской ганзы, центром союза местных купеческих организаций; глава ганзы, ганзейский граф, избирался непременно из членов брюггской купеческой корпорации; второе место в этой торговой коалиции занимал Иперн; из числа его горожан избиралось второе должностное лицо организации — так называемый *цитоносец*, *de schildrag*. Право быть членом ганзы можно было купить в Лондоне, Винчестере или в каком-нибудь английском или шотландском порту, на континенте же — исключительно в Брюгге.

В брабантском городе Мехельне была гильдия суконщиков, организация которой была по типу точной копией организации

купеческих гильдий. Были гильдии также в Миддльбурге, главном торговом центре Зеландии, в Утрехте, в Гронингене; в последнем мы встречаем любопытное разделение понятий: гильдейское право означало право торговли вообще, ганзейское право — право торговли и мореходства за границей.

В Германии купеческих гильдий было по сравнению с нидерландскими городами немного. Самое название мы встречаем в Геттингене, Гокстере, Дортмунде, Касселе и Госларе; его нет даже в Кельне, где, однако, действует ассоциация, представляющая настоящую гильдию на английский манер*. В Магдебурге есть торговые ассоциации с некоторыми чертами гильдии. В Верхней Германии, как и в большей части французской территории, гильдии совершенно отсутствуют, но и там, естественно, встречаются купеческие организации; относительно Страсбурга, например, мы это знаем доподлинно. Такая скудость организаций объясняется отсталостью Германии в торговом отношении. Позже, когда страна стала быстро развивать свои коммерческие сношения, у нее явились всевозможные организации, между прочим и такие, которые по принципу стояли несравненно выше купеческих гильдий**. Кроме того, в Германии уже с конца XII века стал быстро расти Любек, который вскоре создал гигантскую организацию великой немецкой Ганзы, затмившей фламандскую ганзу и приобретшей такое огромное значение в европейской торговле. Немецкие гильдии, как отчасти и фламандские, были по преимуществу ассоциациями крупных торговцев из патрицианских фамилий. Поэтому их отношение к ремесленникам было более враждебно, чем в Англии. Немецкие ремесленники никогда не допускались в купеческие гильдии. Этот факт — еще одно выражение того общего явления, с которым нам неоднократно приходи-

* В Регенсбурге есть должность ганзейского графа, но это явление совершенно случайное: никакой ганзы там нет.

** Срав. об этом в книге по истории торговли, имеющей появиться в настоящей коллекции¹.

лось встречаться, когда мы говорили о социально-политической борьбе в городах.

Совершенно иного типа ассоциации, чем купеческие гильдии, представляли итальянские торговые товарищества. Италия и здесь, как во многом другом, шла во главе европейского развития и создала такую форму, которая оказалась наиболее жизнеспособной. Гильдия не была товариществом в современном смысле слова. Члены гильдии торговали каждый на свой риск и страх, получали каждый свои барыши и в операциях считались с товарищем лишь постольку, чтобы не нанести ему явного ущерба. Конкуренция между купцами, принадлежащими к одной и той же гильдии, если и смягчалась, то не устранялась. Принадлежность к гильдии имела свои преимущества, но среди них не было преимуществ, связанных с совместными оборотами. Словом, гильдия не мешала индивидуальному характеру операций и не стремилась сделать эти операции коллективными. Итальянские торговые общества, наоборот, очень скоро стали действовать на принципе коллективности. Их члены соединяли свои капиталы для совместных операций и затем распределяли полученный таким образом барыш. Такие общества имелись во всех крупных итальянских городах: в Венеции, Генуе, Пизе, Флоренции, Милане, Риме, Лукке, Сиене и проч. Итальянские торговые общества приобрели огромное влияние во всей Европе; благодаря их организации и большим капиталам их операции очень быстро достигли колоссальных размеров; у них появились конторы в главнейших европейских торговых центрах; благодаря им впервые были разрушены догмы канонического права, запрещавшего так называемую лихву (*usura*), ибо они не ограничивались торговлей в буквальном смысле слова и много пользовались кредитными сделками для увеличения своих доходов; благодаря им же Европа впервые узнала широкий кредит, что было огромным подспорьем для торговой деятельности*.

* Обо всем этом см. подробно в той же книжке по истории торговли¹.

Городская торговая политика

Город представлял из себя в Средние века замкнутую хозяйственную организацию. Каждый город регламентировал свои внутренние экономические отношения по своим собственным законам; у каждого города были свои меры и свой вес; он ревниво следил за тем, чтобы к источникам его дохода не общился какой-нибудь другой город или какое-нибудь из окружающих сел, или даже какая-нибудь крупная политическая организация. Он изо всех сил старался расширить эти источники. Всякий негорожанин был для города человеком заведомо подозрительным, у которого в мыслях непременно должно было быть что-нибудь злокозненное; от него поэтому надо было держаться подальше и воли ему не давать. Своих собственных горожан город тоже не всегда распускал так, чтобы предоставить им полную свободу действий. И их сдерживали многочисленные, часто крайне мелочные правила.

В Германии и Англии торговая политика городов получила наиболее подробную регламентацию. На этих двух странах мы и остановимся.

В Германии было три главных средства, при помощи которых города охраняли себя от чужой конкуренции. Эти средства были: *Stapelrecht*, *Bannmeilenrecht* и *Gästerecht*. *Stapelrecht*, право города быть складочным местом, обязывало каждого купца, приезжавшего для торговли в какой-нибудь город или просто проезжавшего через него, выставлять свои товары на определенный срок или на все время пребывания в городе в известном месте. Это положение явилось очень рано. Оно было известно еще в каролингскую эпоху, но развитие свое получило вместе с возрождением торговли в конце XI и начале XII века. Нередко с таким обязательством было соединено другое: купец не имел права объехать город, в котором имелся такой *Stapel*, складочный пункт. Но не всегда все товары подлежали такой выставке. Некоторые города отличали специальные товары (*Stapelgüter*), например Гамбург — зерно,

Гримма — лес; Дордрехт требовал выставлять *omnes mercēs vendibiles*, главными образом зерна, вина и леса; по Рейну выставочными товарами считались железо, медь, олово, кожа, меха, шерсть, сукно, лен, масло и проч. Ганзейские города, наоборот, выделяли товары, не подлежащие выставке.

Значение таких постановлений понятно. Город привлекал к себе товары и этим самым поднимал свое торговое значение. В то время мало заботились о принципах свободной торговли, и эта категория городских постановлений заключала в себе все элементы принуждения. Но городская магистратура отлично знала, что таким же притеснениям будут подвергаться ее горожане на чужбине. И в конце концов устанавливался молчаливый договор, ибо обычай этот приносил выгоду и иногородним купцам, которым часто случалось распродать свой товар в первом же выставочном пункте.

Другой отличительной чертой городской политики было *Bannmeilenrecht*, право заповедной мили, охранявшее скорее некоторые отрасли городского производства; но так как промыслы в то время были очень тесно связаны с торговлей, то и этот цикл постановлений имеет очень близкое отношение к торговле. *Bannmeilenrecht* заключалось в том, что город запрещал на известное расстояние вокруг своих стен заводить некоторые отрасли производства; особенно часто те запреты падали на пивоварение и винокурение. Этим постановлением сельское население лишалось возможности подрывать городское производство; кроме того, основание под боком у города различных заводов грозило привлечь население; мог образоваться новый поселок, с которым труднее было бы конкурировать, чем с селом.

Третий цикл муниципальных постановлений обнимало так называемое *Gästerecht*, гостинное право. Гость — это чужой купец. Раз он попадал в город, то его опутывала целая сеть всевозможных стеснений: ему запрещалась розничная продажа, нередко продажа известной категории товаров, или продажа в известные сроки, или вступление в компании с горожанами.

На «гостя» в то время смотрели, как на врага, и вся эта сложнейшая комбинация запретов клонилась к тому, чтобы воспрепятствовать осуществлению тех мошеннических замыслов, которыми, по мнению средневекового горожанина, была полна голова чужестранца.

Чужестранец, прежде всего, мог торговать в рыночные дни. Тут, конечно, свой купец тоже был поставлен в более благоприятное положение, чем чужой. Но в это время, по крайней мере, падала хоть часть стеснений, сковывавших иностранца, который вздумал бы торговать в городе в неурочный день.

Регламентация торговли несколько смягчалась, когда дело шло о внутренней городской торговле, торговле между горожанами. Но и тут Средние века были очень далеки от фри-трэда. Муниципалитет должен был наблюдать за тем, чтобы всякий обмен происходил по совести, чтобы прибыль, получаемая купцом, не превышала известных пределов, чтобы она согласовывалась с отголоском канонического учета, с понятием о *justum pretium*, справедливой цене. Купец должен получить такую прибыль, которая покрыла бы все его издержки и дала бы лишь очень небольшую прибыль. Иначе будут обижены его клиенты, а город этого допустить не может.

Такова была руководящая, пожалуй, теоретическая точка зрения. Она вела к целому ряду практических предписаний. Купцы очень искусно воспользовались учением канонического права для своих собственных целей. Мы прекрасно знаем, что далеко не все принципы, провозглашенные теоретиками церковного права, пользовались такой популярностью среди правящих слоев городского населения. Но учение о справедливой цене являлось чересчур заманчивым. Оно, казалось, для того и было создано, чтобы оправдывать политику торговой монополии; впоследствии оно пригодится и для оправдания нормировки рабочей платы, когда законы спроса и предложения создадут ей тенденцию повышаться — после моровой язвы середины XIV в⁵. В первое время городская торговая политика исчер-

пывалась одной, очень определенной областью: городские управления имели надзор за мерами и весом и продажей пищевых продуктов; но вскоре из этой функции выросло целое торговое законодательство.

Для того чтобы изменить постоянный надзор за торговлей, издавались постановления, чтобы она происходила открыто: на рынках, в торговых домах и проч. Достигнуть полной публичности, конечно, было трудно, ибо многие ремесленники продавали свои изделия дома, но принцип выставлялся очень энергично, и муниципалитеты требовали, чтобы ему подчинялись. В целях осуществления публичности город держал своего рода присяжных маклеров (*Unterkauf*), без посредства которых нельзя было продать известные категории товаров. Они осматривали выставленный товар и являлись посредниками при его продаже; им самим было воспрещено торговать такими продуктами, при продаже которых они были посредниками. И, вообще говоря, всякая посредническая продажа энергично преследовалась, ибо от этого могла поколебаться справедливая цена, потому что, кроме настоящего купца, своей прибылью стал бы требовать и перекупщик. Барышничество (*Furkauf*) наказывалось с большой строгостью. Никто не имел права перехватывать товары, предназначенные для рынка — по дороге или перед городскими воротами; последнее запрещалось даже в том случае, если человек покупал не для перепродажи, а для собственного потребления. Что касается хлеба и мяса, то было строго-настроено заказано, чтобы на рынке покупать лишь столько, сколько необходимо для дома; для целей торговли можно было покупать только после окончания рынка. Далее, торговля должна была происходить в определенное время. Пока не прозвучал рыночный колокол, до тех пор нельзя было открывать лавочку. Если за рыночное время купец не успевал расторгнуться, он должен был тоже по звону колокола, возвещавшему о закрытии рынка, убирать свои товары.

Однако, все эти постановления лишь косвенно охраняли принцип справедливой цены. Были и прямые меры для этого. Муниципалитеты нередко прямо назначали покупную таксу для товаров. До нас дошли целые прейскуранты товаров непосредственного потребления, главным образом пищевых продуктов, изданные городскими управлениями.

Наряду с этим, начиная с XV века, наиболее крупные немецкие города, как Нюрнберг, Аугсбург, Бреславль, Страсбург, Франкфурт, стали обращать особенное внимание на сферу продовольственной политики. Они стали делать хлебные запасы на случай неурожайных годов, чтобы население не очутилось вдруг в безвыходном положении. Когда Карл V посетил в 1540 году Нюрнберг, то ему дали попробовать хлеба, который хранился в городских амбарах более 100 лет. В Англии эта отрасль городского хозяйства, однако, получила большее развитие. Поэтому мы будем говорить о ней подробнее ниже.

Вся торговая политика средневековых городов была направлена к тому, чтобы ограничить оптовую торговлю. Это вело к тому, что класс купцов был сравнительно очень незначителен. По сравнению с настоящим, купцов было раза в четыре или пять меньше. Так, во Франкфурте-на-Майне четыре пятых населения принадлежало к непосредственно производящим классам (включая земледельцев). Только в начале XVI века сделалось возможно появление таких богачей, как Фуггер или Вельзер. Да и тогда на них сыпались порицания буквально за то, что они посмели разбогатеть.

Торговая политика английских городов совпадала с немецкою не во всем, хотя между ними было очень много общего. Так же, как и там, главной ее задачей является охрана интересов горожан. Осуществление принципиально провозглашенной монополии горожан является в Англии наследием того времени, когда купеческая гильдия боролась за это право и добилась его признания за собою. Эта тенденция настолько проникла в дух муниципального управления, что сделала излишней самое

существование гильдий в большинстве городов. Задачу гильдий взялся проводить муниципалитет, а гильдия к середине XV века понемногу стала исчезать. А если кое-где гильдия и пережила сама себя, то это было только формально. Фактически она слилась с муниципалитетом.

Обязательство выставлять товары в складочных пунктах было знакомо и английским городам. Оно идет здесь от XIII века. Оно сделалось необходимо, когда Англия при Эдуарде I завела постоянные торговые сношения с Фландрией. При Эдуарде II было уже много складочных пунктов не только в Англии и Уэльсе, но и в Ирландии. Только здесь можно было покупать шерсть и олово. После 1340 года количество складочных мест как в Англии, так и за границей (для английских товаров) все растет и растет, и с развитием английской торговли шерстью — после аграрного переворота — склады (стэпли) приобретают огромное значение.

В некоторых отношениях регламентация городской торговли в Англии проводилась гораздо пунктуальнее. Три правила, в общем, определяли отношение городов к иностранным купцам: во-первых, с них взимались пошлины, от которых горожане или совсем, или отчасти были свободны; затем, им не позволялось совершать обмена между собою иначе, как на ярмарках или в других определенных местах в рыночные дни; наконец, они были лишены права распродавать свои товары в розницу. Но в Англии, в отличие от Германии, имелся один пертурбирующий момент, который часто грубо нарушал основы городской торговой политики. Немецкие города не считались ни с кем, издавая свои постановления, английские — принуждены были считаться с королевской властью. А интересы последней очень часто сталкивались с интересами городов. Короне нужно было увеличить доход казны, а так как значительная часть этих доходов шла в виде таможенных пошлин от иностранных купцов и так как у иностранных купцов нередко можно было заключить заем, то короли издавали статуты, да-

рующие иностранным купцам всякого рода торговые привилегии и тем фактически отменяющие постановления городских управлений. Так, Эдуард III статутом 1335 г. разрешил всем: купцам и некупцам, туземцам и чужестранцам — торговать чем вздумается, а статутом 1351 года уничтожил запрещение торговли в розницу. И вот в течение нескольких десятков лет, несмотря на вопли городов, иностранные купцы пользовались почти полной свободой торговли. Упорство королевской власти, отказывавшейся отменить данные иностранцам привилегии, находило поддержку еще с одной стороны, со стороны парламентов, где большинство, составленное из землевладельцев, ожидало своих выгод от свободной торговли и систематически поощряло королей держаться раз изданных статутов. Но мало-помалу эта политика изменилась в другую сторону. В первых, города стали делаться более ценными союзниками, ибо купцы все-таки богатели; а затем муниципалитетам удалось доказать, что неразумно давать иностранцам свободу в Англии, когда англичане лишены ее и за границей: во Фландрии, Германии и Италии. Статут 1393 года принес городам давно испрашиваемое ими запрещение для иностранцев торговать между собою и в розницу; иначе говоря, вновь вошли в силу муниципальные постановления, действовавшие до 1335 года. Правда, золотые времена для английских купцов были уже позади и никогда не вернулись, несмотря на то, что симпатии Йоркской династии были всецело на их стороне. Восстановление всех запретов целиком оказалось невозможным, и идеологи буржуазии горько оплакивали утерянные привилегии. Но города должны были смириться со злом, которого нельзя было избежать, и они стали пробовать, с другой стороны, лишить иностранцев их более благоприятного положения.

В конце концов, иностранный купец, несмотря на то, что на него а priori смотрели, как на мошенника и врага, иногда оказывался очень полезным, и такого купца встречали в городе очень ласково. Это когда он привозил с собою заграничный то-

вар, на котором перекупивший его местный купец мог нажать; или когда он скупал продукты, приобретенные местными купцами по частям у ремесленников и земледельцев. В этих случаях не было никакой конкуренции, и отношения поэтому были необыкновенно приятные. Но они немедленно сменялись неприязнью, когда в иностранном купце открывался конкурент. Вот тут-то города, которым так и не удалось вернуть во всей его прелести доброго старого времени, когда они вольны были делать с иностранцем все, что угодно, попробовали превратить последнего некоторым образом в своего. Иностранные купцы не несли, конечно, городских податей. Теперь города стали усиленно поощрять натурализацию, и иностранцы охотно шли на это, чтобы избавиться от довольно тяжелого специального налога. Таково было своеобразное решение этой трудной задачи, до которого додумался британский коммерческий гений.

Внутренняя торговая политика английских городов представляла еще больше аналогии с немецкой, чем внешняя, касавшаяся иностранных купцов. Мы встречаем здесь и надзор за мерами и весом, и рыночную инспекцию, и требование торговать непременно на рынках или в других специально для этой цели отведенных местах, и определение времени для торговли, и запрещение барышничества, основанное все на том же каноническом учении о справедливой цене. Только в Англии все это регламентировалось более подробно в городских статутах. Из последних двух категорий особенно важны по тому широкому применению, которое они находили: статуты о торговле и статуты о складочных местах, которые в свою очередь опирались на общегосударственные статуты: статут о купцах, или статут Актона Бернеля 1283 г., и статут о складах 1353 г.

Одна отрасль городской экономической политики получила благодаря изолированному положению страны особенное значение в Англии — продовольственная политика. Мысль, что городские управления должны заботиться о снабжении населения достаточным количеством всякого провианта, сквозит уже в

раннем статуте 1202 г., принадлежащем к категории Ассиз о хлебе (*Assizae panis*). Потом она постоянно воспроизводится в других постановлениях королей. Правильная продовольственная политика в городах является в Англии сравнительно поздно. Первоначально заботу о снабжении горожан дешевым хлебом в неурожайные годы брали на себя частные лица из числа местных богачей. Так было в Лондоне, где на поприще общественной благотворительности первое время подвизались настоящие и бывшие мэры. В 1438 г. была куплена в Данциге большая пария хлеба на средства мэра Брауна; несколько времени спустя иждивением экс-мэра Эйра явилась общественная житница в *Leadenhall'e*, в 1512 году мэр Эшли делает попытку привлечь к продовольственному делу общественные средства, но в конце концов ему все-таки приходится выплатить из собственного кармана. Только в 1521 году стали на рациональную точку зрения, установив особый налог для продовольственных целей. К середине XVI века в Лондоне продовольственное дело стояло уже вполне прочно. Как в столице, так и в других крупных городах установился обычай запасаться зерном для города на год. Эта мера представляла большую выгоду для города. Зная о том, что в городских амбарах всегда найдется для него необходимый запас хлеба, бедный человек спокойно жил в городе и не испытывал искушения покинуть его в трудную годину. С другой стороны, и купцы-поставщики извлекали из этого свои барыши. Однако в основе всей этой политики все-таки лежала идея «справедливой цены». Если бы не было городских запасов, то догадливый купец, сделавший, ввиду возможного неурожая, большую заготовку хлеба, легко мог бы автономно назначить продажную цену при наступлении дороговизны и нажиться сверх той нормы, которая считалась максимумом по понятиям того времени. Этого муниципалитеты не могли допустить и предпочитали хлопоты по продовольственному делу, нарушению основ экономической теории, так хорошо отвечавшей общим интересам купеческого сословия.

Мы не будем останавливаться на торговой политике французских и итальянских городов. Если в ней, особенно в итальянской, встречаются какие-нибудь оригинальные черты, то они не настолько значительны, чтобы воспроизводить их в нашем беглом очерке.

Происхождение цехов

Теперь мы перейдем к организации городской промышленности. Каждому известно, что эта организация совершенно не была похожа на теперешнюю, что в ее основе лежало цеховое устройство. Как это возникло?

Высказывалось мнение, что средневековые цехи являются продолжением римских корпораций или что они даже прямо произошли из последних. Эта гипотеза, когда-то очень популярная, имеет кое-какие данные за себя. Цех римских садовников, статуты которого, относящиеся к 1030 году, дошли до нас и существование которого мы можем проследить до XV века, являются несомненным переживанием римской корпорации того же вида, тех *Cultores Isidis*, название которых сохранились в одной остийской надписи. Другая корпорация, равенских рыболовов, фигурирует последовательно в документах VIII, X и XI веков и, вероятно, тоже возникла еще в эпоху Римской империи. Даже упоминавшиеся выше парижские «торговцы по воде», *mercatores aquae*, имеют, вероятно, связь со старыми *nautae parisiaci*. Некоторые черты средневековых ремесленных корпораций, о первоначальной судьбе которых мы ничего не знаем, дают повод предполагать, если не прямую связь с римскими, то, по крайней мере, переживание традиционных обычаев. Такова, например, та черта, что большинство средневековых цехов включают в свои правила целый ряд постановлений, касающихся погребения умерших членов. А это было обычным признаком римских корпораций. Возможно, что и другие постановления последних служили прямо или косвенно образцами для ремесленных товариществ, возника-

ющих в средневековых общинах и впоследствии превращающихся в настоящие цехи.

Но всего этого мало для доказательства полного переживания римской традиции в сфере организации промышленного труда. Прежде всего само собою напрашивается одно ограничение, которым нам неоднократно приходилось оперировать выше. Римские корпорации могли оказывать свое влияние в очень определенной области, в области романизованных провинций империи, прежде всего в Италии и Галлии; и, конечно, далеко не случайно то обстоятельство, что примеры переживания, которые удастся собрать, падают исключительно на эту область. Весь германский мир, за исключением, быть может, Северной Франции, остается в стороне. Тут нужно искать другие источники для цехов. Но это — не единственное возражение. Есть другое, более принципиального характера, не количественное, подобно первому, а качественное, следовательно, более серьезное. Это возражение опять опирается на общие законы хозяйственной эволюции. Существование ремесленных корпораций предполагает наличие известного хозяйственного момента. Когда они начинают появляться повсюду, это значит, что общество дожило до классовой дифференции, что в его однородной до тех пор среде появился особый класс, класс ремесленников, отказавшийся от земледелия, чтобы отдаться более прибыльному ремеслу. А мы прекрасно знаем, когда в Европе наступил этот момент; это — начало XII или, по крайней мере, конец XI века.

С этой оговоркой мы можем оставить вопрос о римском влиянии и заняться цехами, как институтом, возникшим в Средние века. Но тут является другой вопрос, возникли ли цехи из сеньориальных ремесленных корпораций или они явились результатом свободной организации труда? Споры об этом продолжаются до сих пор.

Обратимся прежде всего к терминологии. Итальянское название — *arte*, равно как и соответствующие латинские, распро-

страненные повсеместно — *ars*, *artificium*, не говорят ничего. *Ars* — это ремесло. Английское *craft guild* — тоже определяет исключительно организацию; «братство», *fraternitas*, *Bruderschaft* указывает на то, что ассоциация примешивает к своим прямым целям еще религиозные; *Zunft* — это от старинного *zemen*, приличествовать, намекает на то, что в цехах не должно происходить ничего неподобающего; *Zeche* — это просто название помещения для пирушек, в котором цех собирается. До сих пор ни одного указания на свободное или несвободное происхождение. Но вот более красноречивые термины. *Innung* или *unio* ясно говорят, что товарищество составилось свободно, но *officium* или *Amt* заставляют думать о несвободном так же, как и французское *metier* (от *ministerium*), отсылающее нас к тому времени, когда на сеньориальной земле ремесленников группировали по роду ремесла.

Этим мы не подвинемся ни на шаг. Не дальше уйдем и в том случае, если возьмем Германию, страну, изобилующую названиями, и попытаемся проследить их территориальное распространение. Тут мы увидим, что Кельн, Любек, Бремен и фламандские города называют свои ремесленные корпорации *Amt* или *officium*; в Саксонии и Вестфалии (Магдебург, Брауншвейг, Люнебург, Геттинген, Гослар, Мюнстер, Зест, Дортмунд), чередуются названия: *Innung* и *Bruderschaft*, или *Gilde*; *Zunft* употребительно в Верхней Германии (Аугсбург, Мюнхен, Вормс, Базель, Берн, Цюрих); в Страсбурге, Франкфурте, Нюрнберге господствует термин *Handwerk*; *Zeche* — знает только Вена.

Прежде всего мы встречаемся с помещичьими ремесленниками и встречаемся очень рано, в капитулярии Карла Великого «*De villis*». «Пусть, — говорится там, — каждый судья имеет в услужении у себя (*in suo ministerio*) хороших ремесленников, т. е. кузнецов, золотых дел мастеров и проч. На церковных и монастырских землях тоже были крепостные ремесленники разных специальностей: повара, пекари, сапожники и проч. Мы даже *a priori* легко можем представить себе такой случай, что

крепостной человек, от которого поместье не требует постоянных земледельческих занятий, начинает заниматься ремеслом, набивает в нем руку и начинает работать на других. Помещику не трудно прийти к пониманию того, что невыгодно заставлять такого человека проводить свое время в поле, когда он может с большей пользой и с большей выгодой для самого сеньора работать дома. Вообще, дух натурального хозяйства требовал, чтобы ремесленники были в каждом поместье. Прикрепление к ремеслу было только естественным последствием такого положения дела, вызванного экономическим моментом. Но, говоря это, не приходится опираться на одни априорные соображения. У нас имеются на это документальные доказательства.

Однако, с другой стороны, мы знаем, что в сельской общине были и свободные элементы, не говоря уже о том, что были и целые некрепостные общины. Здесь зарождался свободный ремесленный труд, которому даже в самые глухие времена Средневековья был обеспечен свой рынок. Продуктами свободных ремесленников пользовались мелкие поместья. Мы знаем, что в Средние века существовало множество рыцарских поместий, у которых не хватало крепостных для удовлетворения всех потребностей. Мелкопоместным рыцарям часто приходилось покупать у свободного ремесленника свое вооружение. А в тех местах, которые развивались в города, количество свободных ремесленников сильно возрастало благодаря переселению. В первое время, как мы видели, очень легко было добиться права гражданства и крепостным чужого сеньора. Ремесленники доставляли главную массу новых граждан. Принцип, выраженный в немецком афоризме «Die Stadtluft macht frei⁶», способствовал быстрому перемещению центра тяжести ремесленного труда из села в город. Параллельный росту городов процесс заключался в том, что в селе ремесленный труд стал все больше и больше падать благодаря разложению натурального хозяйства, и ремесло мало-помалу сосредоточилось исключительно в городах. Помещики сами в конце концов должны были прими-

ряться с необходимостью покупать нужные им ремесленные изделия в городах. А в городах было только свободное ремесло несвободное постепенно исчезло. Эволюция ремесленного труда привела к полному устранению крепостных ремесленников. Она завершилась к XIV веку, а в некоторых странах и раньше.

Что касается корпораций, то они являются чисто городскими учреждениями. До города, на помещичьих землях, они были явлением случайным. Да и в самом городе мы имеем лишь единичные примеры крепостных корпораций. Слишком широка была по своим задачам ремесленная ассоциация, чтобы она могла ужиться под ферулою властной помещичьей опеки.

Вывод из всего сказанного тот, что в раннее Средневековье крепостное ремесло преобладало над свободным, но с возрождением торговли и появлением городов отношения между ними быстро стали меняться, пока свободный ремесленный труд не получил огромного перевеса. На этой новой почве и выросли ремесленные корпорации. Если между ними и были такие, которые восходили к крепостным ремесленным организациям, то эти факты были исключением. Первый известный случай возникновения городской ремесленной корпорации относится к 1061 г. (парижский цех свечников). В Германии мы не знаем примера раньше 1106 г. (вормский цех рыболовов); затем следуют сапожники в Вюрцбурге (1128 г.), кельнские ткачи постельного тика (1149 г.), магдебургские сапожники (1152 г.), мясники и пекари в Гагенау (1164 г.), кельнские токари (1178 г.) и проч. С конца XII в. количество цехов быстро растет.

Ученик, подмастерье, мастер

Итак, цехи, как таковые, возникли в конце XI и начале XII веков. Условиями, необходимыми для их появления, были: распад натуральнохозяйственного строя и появление самостоятельной промышленности, с одной стороны, и раскрепощение крестьян в городах, с другой. Цех — корпорация свободных ремесленников, занимающихся одним и тем же ремеслом. Это ши-

рокое определение обнимает только самые основные черты института. Дать более точную формулу, значит проследить, во-первых, эволюцию института, а во-вторых, учесть все те функции, которые отпоявлялись цехами вне промысловой области.

Мы уже знаем, что цехи сыграли в истории городов очень крупную политическую роль. Но значение их в городе ею не ограничивалось. В случае нужды каждый цех составлял военный отряд, готовый сражаться в рядах городского ополчения. И отряды ремесленников оказывали очень часто большие услуги как самим горожанам, так и королевской власти. Далее, цех был в то же время почти всегда братством, преследовавшим религиозно-нравственные цели. У него был особый патрон, выбранный из лика святых, часто даже свой алтарь в какой-нибудь церкви. Цех занимался и благотворительностью: из корпорационной кассы выдавались пособия обедневшему или больному товарищу, в случае смерти одного из членов корпорация собиралась, чтобы отдать ему последний долг. Братская любовь к товарищам вменялась в обязанность каждому цеховому; для поддержания ее время от времени устраивались пирушки, где за кружкой пива мастера встречались друг с другом и коротали досуг в приятельской беседе. Цех следил за тем, чтобы его члены вели нравственный образ жизни. Весь ряд последних функций был прямо заимствован из старого гильдейского, а, может быть, некоторые из них сохранились и от римского корпоративного устройства. Вся эта нехозяйственная деятельность цехов играла большую роль в их жизни. По средневековым понятиям, товарищеская связь только тогда могла считаться полной, когда она держалась не на одних материальных интересах. Но, конечно, главным в цехах остается их промышленный характер. Когда жизнь предъявляла целый ряд хозяйственных запросов, в ней нечего было делать чистому братству.

Однако ни выяснением процесса происхождения цехов, ни указанием на то, что они делали, еще не предпринимается вопрос, почему они возникли. Этому должны быть серьезные причины.

Выше было уже указано*, как в городах возникли личные союдинения людей, личные общины; указаны были и причины этого явления. Отсутствие прочной общественной власти поневоле заставляло людей прибегнуть к самопомощи, и в разного рода союзах искать гарантии той безопасности, которой не могла доставить власть. Города, как мы видели**, далеко не представляли условий обеспеченной извне жизни. Благодаря скоплению богатств и столкновению на небольшой территории самых разнообразных политических, социальных, экономических интересов — в городах был сравнительно очень велик процент преступности, а кроме того там шла постоянная, то политическая, то социальная в своей основе, борьба, в которой изолированная личность терпела ото всех. Раз у человека не было сеньора, он оказывался незащищенным, а в городе ремесленники были в большинстве случаев свободные. Два пути были открыты для избежания последствий этого необеспеченного положения: либо патронат, старое, испытанное с незапамятных времен средство, либо союдинение в товарищество, средство тоже знакомое не со вчерашнего дня. Но патронат не привился: время его миновало. Попыток восстановить этот институт было очень немного. Зато товарищества сделались мало-помалу обычным явлением. Зная побудительную причину для образования цехов, мы легко пойдем и то обстоятельство, почему они усвоили себе черты старых гильдий. Цех ограждал человека, вступающего в его среду прежде всего от нарушения его личных прав; поэтому он простирал свои функции на все стороны его личной жизни и старался доставить ему все, чем он мог бы пользоваться, будучи членом общества, и чего он был лишен благодаря царившей в последнем дезорганизации. Так как цех ставил одной из своих задач охранение свободы своих членов, то этим самым он приобретал значение института, пропагандирующего разложение крепостных отношений. Цеховые статуты

* С. 120—124.

** С. 138—139.

почти всегда содержат в себе запрещение вступать в корпорацию для несвободных лиц. Ряд итальянских статутов от середины XII в. требуют, чтобы в цех не вступал никто, qui non sit liber homo; даже обучать ремеслу несвободного человека было воспрещено. То же мы видим в немецких, английских, голландских статутах. Один Миддльбургский устав идет так далеко, что позволяет принимать только людей свободных по рождению (quicumque paterna successione liber est); этим исключались получившие свободу крепостные. Все эти постановления направлены против конкуренции со стороны крепостной и рабской промышленности. Особенно многочисленны и долгие всего воспроизводятся они в итальянских статутах, что объясняется страшным развитием рабства в Италии после Черной смерти. Естественно, что люди, которые пользовались даровым подневольным трудом, не могли приветствовать подобных постановлений. Отсюда та вражда, с которой первое время существования цехов крепостники того времени встречали возникновение всякой новой ремесленной корпорации.

Но свободу ремесленника нужно понимать с оговорками. Это была свобода человека, как такового, да и то ограниченная известной моральной регламентацией. Экономической свободы член цеха был лишен совершенно. Иначе этого и быть не могло. Как целое, цех должен был поддерживать свой престиж в глазах потребителей; поэтому он организует строгий полицейский надзор за своими членами и следит за тем, чтобы каждый из последних в точности исполнял предписания статутов. Таким образом, во имя требований целого приносилась в жертву свобода отдельных членов. Один писатель характеризует цеховой строй словами: «Порабощенный ремесленник в свободной корпорации», — и это как нельзя более верно передает сущность дела.

Внутренний строй цеха — это непрерывная регламентация, которая сопровождает каждого человека, начиная от его вступления в цех и кончая его смертью. Правила, которым обязаны были подчиняться члены корпорации, изложены в цеховых

статутах, вначале довольно скромных, но с течением времени все более и более усложнявшихся.

Кредит цеха в глазах потребителей требовал, чтобы все его члены были обучены ремеслу. Поэтому прежде, чем сделаться мастером, необходимо было пройти искус ученичества*. Во Франции в ученики принимались мальчики всякого происхождения, но в Германии для вступления в число учеников требовалось удостоверение в чистом происхождении. Это называлось Ahnenprobe и значило, что мальчик только тогда мог быть принят в качестве ученика, если он родился от состоящих в законном браке свободных и «чистых» родителей. Под квалификацию чистых людей не подходило большинство тех профессий, которым принуждены были отдаваться пришлые крестьянские элементы, городской пролетариат. Сюда относились овчары, мельники, полевые сторожа, ночные сторожа, могильщики, старосты нищих, метельщики улиц, ассенизаторы, палачи, некоторые категории музыкантов и проч. Первое постановление этого рода относится к началу XIV в. Несколько позже в цехи был воспрещен доступ женщинам. Наоборот, дети мастеров пользовались различными привилегиями. Время ученичества в разных странах определялось различно; иногда (у стригальщиков сукна в Кельне) оно не превышало года; иногда оно простиралось до восьми (у кельнских золотых дел мастеров), до десяти (у резчиков хрустальных печатей в Париже), до двенадцати (у многих французских корпораций и английских ремесленных гильдий) лет. В Германии средним сроком был трехлетний, в Англии в начале XIV в. установился семилетний. Продолжительность времени ученичества зависела от многих причин. Первым условием, конечно, была трудность или легкость выучки. В Средние века не существовало того разделения труда, которое является одним из характернейших признаков современной промышленности. Поэтому в цикл нау-

* Первое время, до XIV в., как известно, институт подмастерьев не существовал.

ки ученика нередко входил целый ряд разнообразных предметов. Ремесленник должен был уметь обрабатывать сырой материал и изготавливать свои инструменты. Ювелирам, например, приходилось изучать плавление металлов, сплющивание, комбинацию сплавов, чеканку, гравировку, эмалирование. На эту науку 10 лет, которые приходилось проводить в ученичестве в парижской корпорации ювелиров, пожалуй, и не было чересчур много. Но экономические условия не одни определяли срок ученичества. Иногда цех произвольно удлинял время учения в самых простых ремеслах для того, чтобы мастер дольше мог пользоваться даровым трудом ученика.

Количество учеников у одного мастера первое время не определялось, следовательно, и не ограничивалось; впоследствии, особенно с появлением подмастерьев, под влиянием различных других причин, о которых будет сказано ниже, явилась тенденция к их ограничению. Мальчик передавался мастеру при довольно торжественной обстановке, ибо процедура считалась актом не частным, а касающимся всей корпорации; тут в присутствии свидетелей из членов цеха подписывался контракт, определявший обязанности обеих сторон. За ученика необходимо было внести известную, не очень большую, сумму на первоначальные затраты: он должен был дать обязательство в том, что не покинет хозяина в течение установленного количества лет; в противном случае грозила неустойка. Мастер со своей стороны обязан был добросовестно обучать его ремеслу и давать полное содержание. Но статуты, естественно, больше заботились о том, чтобы охранять интересы хозяев; поэтому положение ученика было, вообще, не блестящее. Обращались с ними плохо, заваливали непосильной работой, кормили впроголодь, не столько учили, сколько награждали колотушками. Записаны случаи, когда их буквально заколачивали до смерти.

Начиная с XIV века появляется повсеместно — спорадически она существовала и раньше — посредствующая должность

между учеником и мастером, должность подмастерья (*Geselle, compagnon, journeyman*). В первое время ученик, прошедший искус благополучно и не уличенный ни в каких проступках, непосредственно делался мастером. Позднее он должен был еще некоторое время пробыть в качестве рабочего и вновь подвергнуться известному испытанию, чтобы сделаться мастером. Но делаясь подмастерьем, он уже становился членом цеха.

Положение подмастерья не было тем патриархально-крепостным состоянием, которое характеризовало положение ученика. Контракт, который заключался между ним и патроном, был обыкновенно краткосрочным и не превышал года, были даже контракты на день. Но до истечения срока рабочий не мог уйти от хозяина. Заработная плата определялась обыкновенно администрацией цеха часто на много лет вперед к великому, конечно, ущербу подмастерьев, ибо ценность денег с годами падала. Рабочий день был обыкновенно велик; он доходил до 16 часов в сутки; определялся он очень примитивным способом: от восхода до заката солнца. Попытки заставлять работать ночью встречали противодействие со стороны самих муниципалитетов, частью из пожарных опасений, частью вследствие того, что ночная работа давала товар худшего качества. Но, с другой стороны, подмастерье тоже пользовался некоторыми правами; он ограждался цеховыми статутами от конкуренции иногородних рабочих, а в некоторых цехах существовало даже такое правило, что мастер не может уклоняться от найма рабочего, увеличивая число учеников и заставляя работать членов своей семьи. Эти гарантии были естественным последствием того, что рабочий считался членом цеха. Но, конечно, их было слишком мало, чтобы устранить эксплуатацию подмастерьев патронами.

Отношения между рабочим и мастером складывались различно. Когда цехам приходилось вести борьбу из-за политических прав с купеческим патрициатом, мастера относились к рабочим сравнительно мягко. Но когда эта борьба окончилась

и исчезли причины, заставлявшие цеховых заправил искать поддержки у рабочих, положение последних изменилось к худшему и статуты корпораций немедленно отразили на себе эту перемену. Увеличивается плата, вносимая новопринятым мастером, удлиняется срок ученической и рабочей подготовки, затрудняется экзамен на должность мастера, создаются льготы для сыновей мастеров. Словом, наблюдается тенденция создать замкнутое сословие мастеров и устранить конкуренцию со стороны рабочих. Мастер стал понемногу наваливать всю работу на подмастерьев и таким образом приближаться к типу настоящего предпринимателя, познавшего сладость прибавочной ценности. Этому способствовал переход от поденной платы к сдельной. В XV веке начинается уже беспощадная эксплуатация рабочего, совсем на современный манер. Этот факт в свою очередь вызывает новое явление — союзы подмастерьев, средневековые рабочие союзы (*Compagnonages, Gesellenverbände*).

Первые союзы относятся к XIV веку, когда они усваивают привычный эпохе характер братств; их цель — исключительно взаимопомощь. Но братства подмастерьев возникают под опекою мастеров; последние им не препятствуют. Однако скоро они поняли, что, принимая на себя, так сказать, почетное председательство в братствах, они согревали змею на груди. И змея не замедлила выпустить свое жало. Союзы подмастерьев поставили себе целью разбить те путы, которыми связывали их цеховые статуты и парализовали их борьбу за норму благосостояния. Но в то время, как в Англии и Франции благодаря политическим условиям жизнеспособность союзов была парализована, в Германии, где центральная власть была слаба, они сделались важным фактором промышленной жизни. Против чего борются подмастерья? Против низкой рабочей платы; против того, что часть ее выдается натурой — это средневековая *truck-system*; против того, что споры между ними и мастерами решаются исключительно последними; против тягостных условий контрактов, сковывавших рабочих по рукам и по но-

гам. Результаты не замедлили обнаружиться. Благодаря организациям сделались возможны стачки; благодаря стачкам, оставлявшим мастеров без работы, предприниматели пошли на уступки. Как ни боролись муниципалитеты с союзами, но против могучего давления жизненных условий они не могли ничего поделать. Рабочие добились прав разрывать контракты с хозяевами под условием уплаты неустойки. Этим самым характер взаимных отношений сделался договорным. Юридически рабочий сделался равноправным с предпринимателем.

Подмастерье добился свободы передвижения и теперь, конечно, легче мог найти выгодное место, чем под давлением авторитарного гнета классовых цеховых статутов. В этом отношении он получил огромное преимущество перед мастером, которого удерживал в городе не один якорь, и прежде всего удерживали орудия производства. Недаром уставы союзов подмастерьев так тщательно заботятся о судьбе странствующих рабочих. В праве странствовать была их сила. Это право создало армию вольных рабочих, рабочий рынок, не городской, а так сказать, междугородской. А раз создался рабочий рынок, то недолго было ждать и спроса на рабочие руки в широких размерах. Этот спрос исходил уже не от цехов, а от крупного капитала.

По окончании срока пребывания в подмастерьях рабочий делался мастером. В первое время существования института подмастерьев — оно совпало с борьбою цехов против городских советов — этот переход совершался без больших затруднений. Но мало-помалу затруднения стали возрастать. Главное препятствие заключалось в том, что далеко не всегда было налицо достаточное количество мастерских. В среднем можно принять, что на одного мастера приходилось три подмастерья. Значит, для того чтобы каждый из них мог получить мастерскую, нужно было, чтобы число последних увеличилось в три раза, а затем постоянно возрастало в той же пропорции. Однако этого не позволяли размеры промышленности, да и сами цехи ревниво заботились о том, чтобы число мастерских не возрастало и не

усиливало конкуренции. В некоторых городах статуты прямо и по средневековому обычаю на много лет вперед определяли нужное количество мастерских. А так как существовала тенденция передавать мастерские по наследству от отца к сыну, а сыновья пользовались всякими льготами, то ясно, что шансы подмастерьев были невелики. Кроме этого крайне неблагоприятного условия, статуты изобретали и другие: доступ в мастера закрывался для иногородних, для бедняков и проч.

Но главной препоною было испытание. Чтобы сделаться мастером, необходимо было выдержать два экзамена: один — устный, на котором кандидат должен был дать доказательство своего теоретического знакомства с ремеслом; другой — практический, заключающийся в изготовлении образцового произведения, шедевра (*chef d'oeuvre*, *Meisterstück*). Последнее сделалось обычным в Германии и Франции (Англия не знала шедевра) в XIV веке, но в то время, как в первые времена изготовление шедевра было простой формальностью*, позже оно превратилось в почти неодолимое препятствие. Предмет, который нужно было сделать, назначался из очень трудных и дорогих; он отнимал у кандидата много времени (иногда до года) и денег. Если подмастерье считался опасным кандидатом, то жюри задавало ему прямо разорительную и невыполнимую работу. Работа не приносила никакой прибыли кандидату: если она признавалась удовлетворительной, то продавалась на сторону или самому кандидату, а вырученные деньги обращались в пользу цеха, если же кандидат проваливался на экзамене, работу уничтожали. Сыновья и зятья мастеров пользовались и тут большими льготами. Им никогда не задавали трудной работы, и для них шедевр всегда оставался простой формальностью.

Но даже египетской трудности шедевра казалось законодателям цехов мало для достаточно прочного ограждения интере-

* Канатчик должен был приготовить хорошую веревку, сапожник починить три башмака, седельщик сделать простое седло или простую сбрую (примеры из Франции).

сов мастеров. Если испытание кончалось благополучно, то с кандидата в мастера требовали крупных денежных взносов, без уплаты которых он рисковал лишиться плодов своего тяжелого испытания. Взносы эти имели разные назначения; тут фигурировали деньги на свечку, возмещение убытков членам жюри, потерявшим из-за кандидата рабочее время, плата за вписание в цех, расходы на угощение и проч. Получалась в общем изрядная сумма, которая не у всякого подмастерья лежала в кошельке. Наконец, когда все устраивалось благополучно, цех на торжественном заседании принимал нового мастера; старшина читал ему статуты цеха, и он клятвенно обязывался соблюдать их. Новый мастер юридически делался равноправным со всеми остальными. Но часто случалось так, что либо узаконенный статутами комплект мастерских был полон, либо в опустошенном кармане новоиспеченного мастера не оказалось необходимой для первоначального обзаведения суммы. Тогда он принужден был до поры до времени оставаться по-прежнему рабочим в мастерской старого хозяина.

Положение мастера, конечно, было несравненно лучше, чем положение подмастерья; то и другое нельзя даже сравнивать. Мастера были законодателями в цехах; они редактировали статуты, из их среды избирались должностные лица, они заправляли всею политикой цеха. Словом, власть и богатство создавали им положение господствующего класса. Но даже мастер не мог чувствовать себя вполне хорошо: он и думать не смел о свободном распоряжении в своей мастерской и свободном занятии своим промыслом. Его опутывали со всех сторон нити цеховой регламентации. Некоторые цехи прямо воспрещали своим членам самостоятельную закупку сырья. Сырье покупалось оптом для всей корпорации. Мастерам всегда предписывалось употреблять материал в определенном количестве и определенного качества; строго возбранялось в новую вещь пускать части от старой, скрывать недостатки вещи и проч. Мастера одной специальности не имели права заниматься другой

отраслью промышленности, хотя бы и близкой; например, выделывателям кошельков запрещалось шить перчатки или приготавливать седла. Во всем этом сказывалась забота об интересах потребителя и, следовательно, о репутации цеха. За неисполнение своих постановлений как в промысловой сфере, так и в сфере частной жизни цех привлекал к своему суду и налагал на виновных разного рода наказания от легкого штрафа до исключения из корпорации.

Таково было положение ученика, подмастерья и мастера. Обратимся к цеху как к целому. Мы не будем касаться вопроса о его юридической природе и не будем решать, были ли цехи юридическими лицами или нет. Наука еще не пришла к определенному выводу по этому вопросу. Мы вкратце очертим организацию цеха и постараемся выяснить его значение.

Организация цехов: их отношение к общественной власти; принципы цеховой промышленности

Основным органом цехового управления, осуществлявшим верховную власть цеха, было общее собрание всех его членов. Собиралось оно периодически, иногда чаще, например еженедельно, иногда реже, например три раза в год. На общих собраниях имели право присутствовать только самостоятельные члены цеха — мастера. Собрание занималось обсуждением важнейших дел корпорации, заслушивало отчеты отбывших свой срок должностных лиц, избирало новых.

Должностные лица, старшины цехов (*Zuntmeister*, *Handwerkmeister*, *wardens*, *baillifs*, *gastaldi*, *jures*, *gardes*, *bailis*, *elus*, *maitres*, *prud' hommes* и проч.) были исполнительными органами корпорации. Первое время их власть была исключительно судебная, они были судьями корпорации. Поэтому они иногда, как очень часто в Италии, назывались *consules* или *judices*. Позднее их функции расширились. Число их колебалось между одним и двенадцатью. Они созывали собрания

и руководили ими, они заведовали цеховым имуществом, предводительствовали цехами, когда те превращались в военные отряды. В промышленной сфере они должны были наблюдать за производством и постоянно контролировать мастеров при помощи неожиданных ревизий, составляли жюри при испытаниях подмастерьев и проч. Иногда над выборными должностными лицами стоял пожизненный старшина. Иногда специальный казначей, который в Италии назывался *camerlingus* или *massarius*, заведовал цеховыми финансами. У цеха была своя касса. Она составлялась из взносов за учеников, сумм, вносимых подмастерьями, штрафов, подарков, завещаний; иногда касса, если предвиделся крупный экстраординарный расход, пополнялась временными налогами, которыми цех облагал своих членов. Главный расход состоял в поддержке обедневших членов и благотворительности.

Цех — автономная корпорация, и в первое время существования цехов их автономии не грозило никакой серьезной опасности. В принципе ремесленная корпорация, конечно, считалась подчиненной городскому управлению, но этот принцип приводил к практическим последствиям разве только во французских *villes neuves* и *villes de bourgeoisie*, где должностные лица сеньора имели право вмешиваться в назначение цеховых мастеров и проч. Но даже и эти ограничения не оказывали большого влияния, и в своей внутренней деятельности цех оставался вполне свободным.

Но наряду с внутренней автономией цех в своих внешних отношениях обязан был подчиняться государству. В Германии этот факт незаметен, благодаря своеобразной политической организации страны, но в Италии, где город — сам государство, в Англии, где сильная королевская власть явилась сейчас же после завоевания, и во Франции при последних Капетингах и при Валуа, когда королевская власть почувствовала под ногами твердую почву — всюду цех фактически подчинен государству. В Германии монополизирование производства цехами соверша-

лось в силу корпоративных прав города, в других странах оно могло осуществляться только под условием санкции государства. А эта санкция на деле превращалась в право утверждать или не утверждать цех, ибо раз цех появлялся, то промышленная монополия подразумевалась сама собою*. Поэтому правительство деятельно преследовало появления «незаконнорожденных» (*adulterinae*) корпораций. С правом утверждать цехи для общественной власти соединялась существенная выгода, ибо утверждение всегда сопровождалось для цеха либо единовременным денежным взносом, либо обязательством делать известные взносы ежегодно. Зависимость от государства выражалась, между прочим, и в том, что цех должен был прибегать к решению его органов всякий раз, когда возникало какое-нибудь затруднение при толковании статутов и определении границ полномочия цеховых властей.

Только такое положение объясняет факты, подобные тому, как закрытие всех французских корпораций при Филиппе Красивом, или упразднение промышленных ассоциаций в Ферраре в 1287 г. А такой государь, как Фридрих II Гогенштауфен в Южной Италии и Сицилии, церемонился с цехами, как, впрочем, и со всеми автономными корпорациями, еще меньше: прямо возлагал на них вину за вздорожание товаров, беспощадно преследовал их в своем королевстве и грозил продажей в рабство тому, кто осмелится вновь учредить ремесленную корпорацию. Конечно, эти преследования для цехов были неопасны; они и не оказывали существенного влияния на их положение до тех пор, пока на помощь к королевской власти, охранявшей свои прерогативы, не пришел союзник более опасный — экономические отношения.

Было бы ошибочно думать, что цеховая промышленность вначале — до середины XIV века, как утверждают некоторые — ограничивалась исключительно работой на заказ, работой на

* В Англии эти прерогативы нередко переходили от королевской власти к городским управлениям.

дому у потребителя, под его надзором и с его материалом. Работа на заказ, конечно, была в первое время одной из форм цеховой промышленности, но о преобладании ее над производством на рынок говорить не приходится. Древнейшие из дошедших до нас цеховых грамот с положительностью, не допускающей никаких сомнений, показывают, что производство на продажу явилось вместе с цехами. Верно только то, что с течением времени эта форма совершенно вытеснила другую, работу на заказ. В этом факте нет ничего неожиданного: он является естественным результатом экономического развития. Вначале работа на заказ еще держалась потому, что не было прочного рынка, спрос был ничтожен, потребитель не привык покупать готового, а предпочитал, чтобы нужная ему вещь изготовлялась из его собственного материала, в доброкачественности которого он был уверен. Но по мере того, как росло городское население, увеличивалось и число людей, у которых своего сырья не было и которые, следовательно, принуждены были покупать готовое. Поднялся также спрос и со стороны крестьян, которым разложившееся натуральное хозяйство оставляло некоторый денежный излишек и которые спешили купить какую-нибудь «городскую» обновку себе или членам своей семьи.

Когда рынок сделался более прочным, то мастерам оказалось невыгодно работать на дому, у заказчика. Заказчик, в конце концов, был всегда случайным потребителем, в то время, как рынок теперь стал обеспечивать постоянный сбыт. И статуты мало-помалу стали запрещать работу на заказ. С увеличением спроса мастер потерял возможность поспевать, работая в одиночку. Появился институт учеников, потом подмастерьев.

В первое время цехи не ограничивали доступ в свою среду никому. Когда установился постоянный рынок, спрос, по-видимому, сразу стал превышать наличные производительные силы существующих цехов, так что новый мастер являлся не конкурентом, а скорее помощником. Но с самых первых шагов цехи вырабатывают свой знаменитый принцип, согласно которо-

му всякий, занимавшийся тем или иным ремеслом, должен был вступить в число членов соответствующего цеха. Это так называемое *Zunftzwang*, благодаря которому в городе уже не могло остаться ремесла вне цехов. *Zunftzwang* столько же служит, по крайней мере, на первых порах, интересу и самого цеха, оберегая его монополию, сколько интересам потребителей, обеспечивая им доброкачественность изделий того или иного ремесла. Так как при отсутствии *Zunftzwang*'а всякий имел бы право заниматься ремеслом, а не принадлежащие к цеху были бы избавлены от его контроля и могли бы пускать на рынок недоброкачественный товар, то ясно, что потребитель, покупая товар, изготовленный под контролем цеха, мог питать большую уверенность, что не будет обманут.

Однако с течением времени основной принцип стал мало-помалу видоизменяться. Производство выросло, репутация цехов на рынке упрочилась, спрос увеличился в огромных размерах, а в среде цехов параллельно со всем этим стала вырабатываться сословная исключительность. Мы видели, как цехи охраняли свои прерогативы от подмастерьев. Ясное дело, что от людей, не принадлежащих к цеху, они должны были охранять их с еще большим усердием. Тут уже интересы потребителей отступают на задний план, и все больше и больше выдвигается другой источник *Zunftzwang*'а — выгода самих цехов. *Zunftzwang* из простого принуждения входит в состав цехов превращается в запрещение для лиц, не принадлежащих к корпорации, заниматься ремеслом. Разница ясна, ибо в старое время действие *Zunftzwang*'а легко устранялось вступлением в цех, а теперь, чтобы вступить в цех, необходимо было пройти тяжелый искуc. Подкладка этой перемены в точках зрения все та же, что и в перемене положения подмастерьев. Цех из института, преследующего и общественную выгоду, сделался почти исключительно средством для охранения промышленной монополии.

Во всей этой эволюции только один принцип остался неизменным. Цехи как были, так и остались институтом, против-

ным духу крупного производства. Капитал, конечно, находит применение и здесь, но роль его была очень незначительна. Мастеру, чтобы завести дело, немного нужно было денег: он должен был нанять помещение, приобрести необходимые инструменты и затем располагать еще небольшой суммой для закупки материала. Главным хозяйственным моментом был труд, а капитал находился на службе у труда. В противоположность современному промышленному строю, в цеховой организации была исключена самая возможность появления крупных капиталов. Огромная часть постановлений цеховых статутах была направлена к тому, чтобы воспрепятствовать более предприимчивому мастеру расширить свое производство. У мастера должна была быть только одна мастерская, нередко определялось даже количество изделий, которое могло быть выработано в известный промежуток времени, запрещалось заводить такое дело, которого мастер не понимает, и вести его исключительно при помощи подмастерьев, и продавать товары, в изготовлении которых сам не участвовал. Запрещалось принимать ученика к себе, а затем уступать его другому мастеру, запрещалось работать в воскресные и другие праздничные дни. Преследовались рекламы и витрины*, ограничивалось число учеников и подмастерьев. Так, в Констанце в 1386 г. администрация цеха портных издала постановление, согласно которому воспрещалось мастерам держать больше чем по пяти подмастерьев и по два ученика. В Экзетере максимум был еще меньше: три подмастерья и один ученик. Впрочем, констанцский максимум и для Германии был очень высок. Обычно и там количество подмастерьев не превышало трех. Если же благодаря тому, что в той или другой мастерской производство увеличивалось настолько, что побивало конкурентов и затем вело к вздорожанию продуктов, то такого мастера немедленно приводили в норму и определяли количество товаров, которое он мог ежегодно производить.

* Витрина могла быть устроена только в одном окне.

Вся эта политика покоилась на одном теоретическом положении. Цех стремился уравнивать условия производства для своих членов. Ни один мастер не должен был получить возможности производить больше, чем другие. Это — тот же принцип, который руководил и торговой политикой*. Однако, этот факт вовсе не уполномочивает нас говорить о том, что цеховой промышленности не была знакома противоположность между интересами рабочих и предпринимателей. Она, как мы уже отчасти могли убедиться из истории класса подмастерьев, несомненно, существовала. Правда, средневековые условия были не похожи на те, которые в наше время создаются фабричной промышленностью, но основной характер был один и тот же. Мы имеем право утверждать и существование дальнейшего момента в этих условиях, вмешательство классовой общественной власти в отношения между рабочими и предпринимателями. Итальянские городские республики, английские и французские муниципалитеты, немецкие городские управления — словом, все организации, в которых руководящей силой является буржуазия, начиная с XIV в. издают ряд постановлений, регулирующих норму заработной платы в интересах мастеров. А после Черной Смерти, когда обезлюдение вызвало усиленный спрос на рабочие руки и сразу подняло заработную плату, что, в свою очередь, могло тяжело отозваться на положении хозяйства вообще, в отношении между мастерами, с одной стороны, и учениками и подмастерьями, с другой, вмешивается и королевская власть в Англии и Франции; короли обеих стран и итальянские республики издают целый ряд прямо драконовских постановлений; рабочим, отказывающимся соглашаться на специально выработанные, якобы «нормальные» условия грозили тяжелыми наказаниями. Рабочая плата, правда, была увеличена, но такое увеличение было ничтожно в сравнении с тем, какое установило свободное действие законов спроса и предложения непосредственно после моровой язвы. Ясно, что

* См. выше. — С. 194.

такие насильственные меры не могли содействовать укреплению цеховой организации. Она была сильна солидарностью своих членов, а эта солидарность в корне подрывалась появлением розни между мастером и рабочим, возмущавшей о нарождении иных условий организации промышленности вообще.

Итак, цеховой строй, как таковой, приходит в упадок, потому что среди ремесленников развивается кастовый эгоизм, принцип монополии проводится гораздо энергичнее, и, вообще, вся организация отстает от тех оснований, с которыми было создано их процветание в XII—XIV веках. Но наряду с этой внутренней причиной была и внешняя, более могущественная, которая также вела цехи к упадку вместе со всем строем городского хозяйства. Эта причина — все та же хозяйственная эволюция, которая в свое время создала процветание города. Теперь у нее явилась другая задача. Конец Средних веков принес Европе развитие кредита, рост капиталов, капиталистическую организацию некоторых отраслей промышленности и прочие признаки замены городского хозяйства народным.

Против этой могучей волны цехи не могли плыть и пришли в упадок. Но их дальнейшая история выходит из рамок нашего изложения.

Городские финансы

Мы познакомились с организацией торговли и промышленности в городах и знаем, как накапливалось богатство у горожан. С другой стороны, нам не раз приходилось указывать на то, что в богатстве городов заключалась их сила, что в нем они всегда черпали ресурсы для завоевания самостоятельности. Естественно, возникает вопрос, каким образом была организована городская финансовая система и каким образом богатства отдельных бюргеров содействовали образованию общественного фонда.

Финансы городов представляют одну из важнейших сторон городского быта, и их изучение имеет двойной интерес. Во-

первых, в самой городской жизни они играют очень крупную роль, а во-вторых, они во многих отношениях являются образцом для последующей финансовой организации европейских государств.

Доходы города составлялись из четырех источников: доходов с городской общественной собственности, судебных доходов, косвенных налогов и прямых налогов.

Доходы с городской собственности едва ли достигали очень крупных цифр. Сюда прежде всего относилась плата за пользование старыми коммунальными землями, альмендой, главным образом сбор за право выгона скота на общинные луга и пастбища. Право это горожане тщательно охраняли и не допускали на городские земли скота окрестных сельских обывателей. Собственно арендная плата за право пользования городскими полями стояла на втором плане, и постепенно сокращалась по мере того, как земледелие в городах теряло свое значение; самые поля после уборки хлеба тотчас обращались под выгон. К доходам со старых общинных земель, которыми город владел еще будучи простой сельской общиной, присоединялись доходы с другой категории общинной земельной собственности, с земель, приобретенных городом в позднейшую эпоху, большей частью у прежних городских сеньоров. Приобретение таких земель было сопряжено с крупными денежными затратами, которые не скоро окупались арендной платой, но города обыкновенно не останавливались перед этими расходами, ибо объединение городской площади являлось для них столько же вопросом чести, сколько и вопросом политической необходимости*. Другой категорией доходной городской собственности были находящиеся внутри городских стен дома, лавочки, палатки, большей частью расположенные на рыночной площади и отдаваемые в наем куп-

цам и ремесленникам. Эта категория собственности более позднего происхождения. Наоборот, переживанием старых порядков было владение выкупленными у сеньоров мельницами, а в некоторых местах и пекарнями, также доставлявшими небольшой доход*.

Вторым источником городских доходов были доходы судебные, главным образом штрафы, налагаемые городским судом на провинившихся бюргеров и поступающие, если не целиком, то, по крайней мере, частью, в городскую казну. Но во многих немецких и французских городах, не исключая и коммун, городские сеньоры сумели сохранить за собою часть судопроизводства, так же, как и некоторые права по владению альмендой. Муниципалитеты, конечно, изо всех сил старались отнять у сеньоров и эти остатки прежнего могущества, расширить сферу своего судопроизводства и захватить в свою полную собственность альменду. Таким образом, соперничество и борьба, которая на первый взгляд направлялась исключительно политическими причинами, имели и свою экономическую подкладку. Альменда и суд были доходными статьями, и города не хотели их упускать.

То же приходится сказать частью и о третьем источнике городских доходов, косвенных налогах, но не обо всех. Здесь нужно различать две группы: старые, унаследованные от сеньориального режима, и новые, создавшиеся уже в эпоху городской независимости. К числу первых относятся всякого рода въездные, проездные и таможенные пошлины, пеажи, мостовщина, октруа и проч., которые раньше собирались сеньорами в свою пользу, одно время делились между сеньорами и городами и только путем продолжительной борьбы были захвачены городами всецело. Так, в Амьене, где еще в начале XII века все этого рода пошлины принадлежали сеньору, к концу следующего город теми или иными способами уже совершенно

* В Англии и в части французских городов это последнее соображение, конечно, не могло иметь значения, но тенденции к округлению городской площади мы встречаем и там.

* Лишне говорить, что не все подобные заведения были выкуплены у сеньоров. Они возникали и самостоятельно.

оттеснил сеньора от пользования этой доходной статьей*. Другая группа городских косвенных налогов была создана уже в позднейшую эпоху. Это налоги на предметы потребления. Происхождение их относится приблизительно к XIII веку, но известны и более ранние случаи; так в Венеции уже в X веке была учреждена соляная монополия. В Германии, по-видимому, впервые были обложены акцизом (*assisa*, *Accise*, — слово, появившееся в этом значении тогда же) напитки (XIII в.), затем мало-помалу акциз распространился и на другие предметы потребления. О соляном налоге мы узнаем приблизительно в это же время. В начале XIII века он появляется во Флоренции, в Тулузе и некоторых других южнофранцузских городах; одновременно в Генуе учреждается соляная монополия, приносящая ежегодного дохода около 3000 фунтов, за Генуей следует Неаполь при Фридрихе II, а столетием позже, когда королевская власть расчистила себе дорогу, соляная монополия появляется во Франции. Филипп VI ордонансом 1343 года приказал всюду построить казенные склады, куда должна была стекаться соль из всех варниц; и никто уже не имел права покупать ее в других местах. Даже коммуны, дожившие до этого периода, были бессильны противодействовать этому правилу. В XIV веке такая же монополия появилась и в некоторых немецких городах: Цюрихе, Аугсбурге, Бреславле. Налог на разные напитки известен почти повсюду, несколько реже встречается налог на всякого рода зерно. Акцизные таксы постепенно росли, и все больше и больше возбуждали против себя негодование среди горожан. На всех языках существуют названия, показывающие, как велика была ненависть к этому роду обложения. В Германии его звали *Ungeld* или *Unrecht*, в Италии *mala tolta*, во Франции — *maltôte*. Несмотря на преследования эти названия держались очень крепко, но городские управления не хотели считаться с общественным мнени-

* Здесь, как и повсюду, города действовали частью путем открытой борьбы, частью путем соглашения, наряду с вооруженной силой тут действовал и выкуп.

ем, ибо акциз наряду с другими косвенными налогами был очень существенным источником городских доходов.

Прямые налоги появляются не одновременно и не везде получают одинаковое развитие. Первоначальным прямым налогом был оброк с городского лена, уплачиваемый всюду, где приобретение городской самостоятельности являлось результатом мирного расширения сеньориальных отношений. Он взимался в английских городах для уплаты *firma burgi*, во французских *villes de bourgeoisie* и новых городах, в новооснованных немецких княжеских городах. Во французских коммунах прямые налоги были иные. Борьба, результатом которой являлось образование коммуны, стоила присяжной общине денег, которые нужно было уплачивать то союзникам, то королю, то сеньору. Деньги эти выплачивались из кармана членов коммуны. Каждый новый член, вступающий в коммуну, приобщался к завоеванным ею раньше вольностям, в приобретении которых он ни морально, ни материально не участвовал. Поэтому было вполне логично, когда с каждого нового члена, присягающего коммуне, требовали известного денежного взноса. Но этот взнос (*droit d'entree*) был обыкновенно невелик, хотя в некоторых коммунах достигал довольно крупной суммы. Наоборот, другой прямой городской налог, *taille*, приобрел в большинстве коммун значение важнейшего финансового ресурса.

Taille была имущественным налогом. Раскладка ее была основана на декларации, дававшейся под присягой. Но одной присяги, по-видимому, было мало, и утайка части имущества была обычным явлением. С этим злом коммунальная администрация вела постоянную борьбу. Показавший меньшую цифру имущества лишался той его части, которая в декларации была скрыта. Отказ в уплате налога и сопротивление сборщикам вели к тяжелым наказаниям. Распределялся налог членами коммунального управления, которые в этих случаях призывали к себе на помощь частных лиц, преимущественно из богатых купцов. *Taille* не была правильным налогом, собираемым еже-

годно. Могли быть годы, когда горожане не выплачивали ее совсем, но зато несравненно чаще приходилось уплачивать ее по два раза в год. Размеры ее также не были постоянны, они определялись смотря по необходимости. Самый сбор приводил к целому ряду крайне печальных недоразумений. Во-первых, в коммунах были элементы, изъятые из уплаты налогов: духовенство, знать, вдовы, крестonosцы и молодые девушки, лишённые поддержки. Другая категория лиц постоянно заводила споры, доказывала свое право на изъятие; это были: вассалы, слуги духовных и светских баронов, духовенство, занимающиеся торговыми операциями; наконец, городская аристократия, в руках которой находилась раскладка, имела весьма непохвальную, но очень обычную склонность щадить карманы своих родственников и друзей и нарушать пропорцию, облагая немущих больше чем следует.

Эти неурядицы усиливались еще потому, что к обычному налогу, который шел на покрытие муниципальных издержек, присоединялись другие, так сказать, внемуниципальные: приобретение хартии иногда обуславливалось уплатой ежегодной ренты, выкуп оставшихся повинностей поглощал большие суммы, часто приходилось раскошелиться для займов королю, которые по имени были добровольными (*prêts volontaires*), а на самом деле обязательными, и возвращались далеко не всегда; сюда же присоединялись подарки королевским чиновникам и проч. Все это довершало финансовую дезорганизацию коммун, и они часто кончали полным банкротством, потому что платежная способность горожан истощалась в корне.

В немецких городах прямые налоги далеко не приобрели того значения, как во французских коммунах. Основую обложения там были косвенные налоги. Прямые и появляются там очень поздно, за исключением упомянутых выше феодальных повинностей. Только в XIV и XV веках в имперских городах появляется имущественный налог, а наряду с ним для бедных классов населения, изъятых из платежа имущественного нало-

га, поголовный в 5 шиллингов. Вообще, в Германии так же, как и в Италии, городская жизнь протекала правильнее, чем в Англии и во Франции в том отношении, что верховная власть не вмешивалась в управление и не эксплуатировала город*. Впрочем, даже Англия могла считать себя счастливой по сравнению с Францией, где коммуны подвергались беспощадному разорению. Это обстоятельство выяснится сейчас же, как только мы захотим узнать, на что расходовали города собранные путем налогов средства. Мы сначала рассмотрим внемуниципальные расходы, а затем перейдем к муниципальным.

Внемуниципальные расходы, как уже замечено, были почти не знакомы Германии и Италии. Приходилось, конечно, и там иногда выкладывать на экстраординарные расходы крупные суммы, но это случалось крайне редко. В Англии постоянным поводом для обложения городов сверх их обычных податей были королевские расходы, на которые не было средств. И короли требовали уплаты, грозя в противном случае отменить хартию**. Такие случаи были несравненно более часты до правления Эдуардов и до установления парламентского строя. Иоанн Безземельный превосходно умеет изобретать новые налоги, но особенным мастером по этой части был Генрих III, который не пропускал ни малейшего повода, чтобы не воспользоваться им и не взыскать с городов какого-нибудь налога, подарка, займа или штрафа.

По мере того, как в Англии эта эксплуататорская практика понемногу выводилась, во Франции она начинала налаживаться лучше. При слабости королевской власти такая политика едва ли могла рассчитывать на успех, но позднее, когда явилась сила, горожанам пришлось плохо. Мы прежде всего приведем знаменитый список расходов Нуайонской коммуны за 1260 год, чтобы получить некоторое представление о колоссальных расходах французских городов. Вот этот документ: «Когда ко-

* Об общегосударственных повинностях немецких городов см. выше. — С. 75.

** См. выше. — С. 74.

роль (речь идет о Людовике IX) отправился за море, мы ему дали 1500 ливров*; а когда король был за морем и королева довела до нашего сведения, что он нуждается в деньгах, мы дали ему 500 ливров. Когда король вернулся из-за моря, мы ему ссудили 600 ливров, но получили от него только 500, а 100 подарили ему. Когда король заключил мир с английским королем, мы ему дали по этому случаю 1200 ливров. И каждый год мы должны вносить королю 200 ливров за то, что мы получили от него нашу коммуну. И каждый год подарки, которые мы делаем проезжающим через Нуайон различным лицам**, стоят нам добрых 100 ливров, а то и больше. И когда граф Анжуйский (брат Людовика) был в Эно, нам дали знать, что он нуждается в вине; мы отправили ему десять бочонков, что стоило нам вместе с издержками на перевозку 100 ливров. Затем он дал нам знать, что ему нужны солдаты для охраны его лена, и мы послали ему 500 человек, что стоило нам 500 ливров, и даже больше. И когда граф был в Сен-Кантене, он обратился к коммуне Нуайона, и ее отряд отправился в названный город, чтобы состоять при графе в качестве телохранителей. Это нам стоило добрых 600 ливров. Затем, когда королевская армия выступила в поход, нам дали знать, что граф нуждается в деньгах и что с нашей стороны было бы низостью, если бы мы не пришли к нему на помощь. Мы ему ссудили 1200 ливров, но скинули 300, чтобы получить скрепленную печатью расписку на остальные 900».

Вот как искусно обирались вольные города знатными особами. Но этим не ограничивались чрезвычайные расходы коммун. Они должны были платить еще и сеньору, и королевским чиновникам. Мало того, парижский парламент так и ждал случая, чтобы подвергнуть коммуну денежному штрафу. За задержку взносов, которыми коммуна была повинна королю, за

* Ливр в переводе на современные деньги превышает 100 франков.

** Дело идет о придворных чиновниках короля и других знатных особах.

неправильность, допущенную городскими судьями и опротестованную перед парламентом, коммуна должна была выплачивать тяжелую пеню. Процесс с сеньором, проигранный горожанами, всякое беззаконие, совершенное в городе, например волнение народа, признанное вредным королевской юстицией, вели к тому же. О цифрах этих взысканий может дать понятие штраф, наложенный на Бове Филиппом Красивым, составивший 10 000 ливров. Ясно, что такие огромные единовременные затраты не могли покрываться налогами, а непредвиденность этих расходов уничтожала всякую возможность существования бюджета. Приходилось прибегать к займам и уплачивать большие проценты (10%, 15% и даже 25%). К концу царствования Людовика IX все коммуны в неоплатных долгах. Королевская власть терпеливо ждет момента, когда коммуна окончательно запутается, и, как паук кидается на изнемогшую в его сетях жертву, бросается и душит вольный город. Мы уже знаем*, что это обстоятельство было одной из главных причин потери коммунами своей независимости.

Что касается обычных расходов города, то были две главные статьи, на которые уходили средства городов: содержание укрепления и содержание милиции. К ним мы теперь и перейдем.

Военная организация в городах

Расходы на постройку и поддержание укреплений исторически явились раньше, чем расходы на военное дело. В эпоху появления городов все жители были солдатами; защищая свой город, они защищали себя. Поэтому первое время город пользовался бесплатным военным отрядом. Но укрепления нужно было строить, и так как к личному труду горожан прибегать скоро оказалось неудобно, то это стало требовать денег. Едва ли не потому мы не встречаем у римских городов каменных стен, что их бюджеты не могли вынести такого расхода. Пер-

* Ср. выше. — С. 81–83.

воначально вся сумма городского дохода, которая оставалась после покрытия необходимых платежей в пользу сеньора, шла на укрепления. Мы знаем, что во многих городах *ad opus castri* обращались судебные доходы, в Германии на это шли акцизы. *Der Stadtbau* — обстроение города нужно понимать именно в смысле его укрепления. Поддержание укреплений почти всегда являлось и ближайшим поводом для введения акциза, что во многих немецких городах служило исходным пунктом развития финансовой системы. На тесную связь между финансами и укреплением города указывает уже одно то обстоятельство, что заведование финансами и надзор за постройкой стен часто соединялись в руках одних и тех же лиц.

Выше* указывалось на то, что каменные стены редко были первоначальным укреплением города. Только там, где поблизости были развалины римских городских стен или же легкодоступные каменоломни, горожане пользовались камнем. Обыкновенно же вала со рвом было достаточно для отражения стремительных, но не очень опасных вражьих набегов. Если где и воздвигали стены, то этим названием торжественно скреплялась деревянная загородка или часток. Каменные капитальные стены явились позднее, и приблизительно в XIII веке сделались необходимой частью всякого города. Стены составляли гордость горожан; охраняемый ими бюргер мог спать спокойно и мирно пользоваться плодами торговой или промышленной деятельности. Но стены были в то же время и щитом городских вольностей, так что когда побежденный в борьбе город присуждался к срытию своих укреплений, то этот акт символизировал утрату независимости. Город без стен — это то же, что безоружный воин в жаркой схватке; его часы сочтены.

Иногда город имел не одну стену, а две концентрических и даже больше. Так, например, в Кобленце было три стены; внутренняя — римский *castellum*, более широкая средняя, возникшая в XI или XII в., наконец внешняя, появившаяся в XIII в.

* С. 32—35.

и отстоящая уже на довольно значительное расстояние от второй*. Иногда, как во Франкфурте-на-Майне, внутренняя стена действительно отделяла Старый город от Нового: ворота на ночь запирались, как будто бы через них мог проникнуть в город неприятель. Лишь в XVI веке этот внутренний барьер пал.

Стены были снабжены башнями различной формы, число которых в больших городах доходило до сотни. Во французских коммунах была еще одна особенность — вечевая башня — *befroi*** , снабженная колоколами. Когда коммуна уничтожилась, колокола увозились королем. Так поступил Филипп VI, уничтоживший в 1331 г. навсегда ланскую коммуну. Так поступил, как знают читатели, полтора века спустя на другом конце Европы, московский царь Иван III, уничтоживший новгородскую коммуну. Аббат Корбийский действовал еще радикальнее: когда Филипп Красивый передал ему вновь владетельные права над Корби, он обманом удалил горожан из города и велел начисто срыть вечевую башню.

Другая крупная статья городских бюджетов — военные расходы — вначале не играла ровно никакой роли. Как только что замечено, в первое время каждый горожанин был солдатом, и жалования за это не получал. Но позднее военные расходы стали поглощать большие суммы, хотя во многих странах их употребление было разное.

Всего проще обстояло дело в Англии. Города платили сначала единовременные взносы, право или неправое требуемые королями, потом налоги, вотируемые парламентом, и горожане, как таковые, не несли никакой воинской повинности. На их деньги нанимались солдаты. Английским городам нечего было заботиться о городской милиции, ибо они составляли часть централизованного государства. То время, когда в горо-

* Подтверждение быстрого роста городов в XIII веке сравнительно с предыдущими и последующими.

** *Beffroi* иногда помещалась на стене, иногда же прямо в центре города; известны случаи, когда вечевые колокола вешались в колокольне собора.

дах были гильдии солдат (knights guilds), призванные нести военную службу и защищать города от неприятельских набегов, кончилось с норманнским завоеванием.

Правда, ремесленные гильдии в Англии, как и в других странах, могли всегда составить военный отряд, и мы знаем случаи, когда это становилось необходимо и когда ремесленники выходили в поле. Особенно часто приходилось менять инструменты на оружие лондонским ремесленникам. В смутную эпоху первой половины XIII века ремесленные отряды Лондона дважды ополчались против королевской власти: раз, когда они приняли сторону Стефана Лангтона⁷ и баронов против Иоанна Безземельного, а другой, когда они стали под знамена Симона Монфора⁸ и разделили с ним честь победы при Льюисе. Но помощь лондонцев имела как теперь, так и позднее больше моральное, чем материальное значение, и чем сильнее становится власть королей, тем меньше мы слышим о городских ополчениях. Роль городов в защите страны все больше и больше стала ограничиваться их денежной помощью.

Англия и в данном отношении, как во многих других, стоит особняком. Гораздо характернее отношения в континентальных государствах.

Во Франции в первое время все города, в качестве феодальных кланов, были обязаны в числе других феодальных повинностей, которые они несли по отношению к сеньору, также и военной повинностью (*ost et chevauchee*). Каждый горожанин, в качестве вассала, должен был по первому зову сеньора взять оружие и идти в поход. Только в исключительных случаях тот или иной город откупался от военной повинности на более или менее продолжительный срок. Случаи же полного выкупа *chevauchee* были чрезвычайно редки. После образования коммун военная повинность по отношению к сюзерену обыкновенно оставалась в силе, но на практике она ограничивалась. Хартии предусматривали возможное со стороны сюзерена требование и оговаривали размеры той территории, на какую был обязан

сопровождать войско сюзерена коммунальный отряд, время, в течение которого каждый горожанин должен был нести поход на свой счет, количество солдат и обозных телег, которое должна была поставлять коммуна*. Отряды городов буржуазии и новых городов выступали под предводительством сеньориальных должностных лиц, *prevôts*; коммунальным отрядом командовали выборные должностные лица и главным образом мэр, которые одни имели право собирать и вести городское ополчение**.

Но военные задачи города не оканчивались с отправкой мэра и городского отряда в войско сюзерена. Коммуна жила в тяжелых условиях, она всегда должна была быть готова отразить нападение врагов, которых у нее было много, особенно в рядах баронов. На помощь сюзерена, по крайней мере, на скорую, рассчитывать было нечего, и вольный город сам должен был заботиться о себе. Поэтому каждый горожанин являлся в то же время солдатом в городском ополчении. Служба была постоянная. Прежде всего, горожане по очереди несли сторожевую службу на крепостных стенах и у городских ворот; затем, так как горький опыт показал коммуна, что и внутри города у них имеются враги, были организованы ночные обходы, а для наблюдения за обходами — контрольные отряды, которые следили за тем, чтобы обход не заснул. Затем по первому призыву мэра горожанин должен был бросить свои занятия и браться за оружие, чтобы идти на неприятеля, на этот раз собственного, с которым он должен был биться не по долгу фео-

* Почти никогда коммуна не была обязана выставлять в поле всех своих членов.

** В некоторых городах военное командование было главной обязанностью мэра; на городских печатях мэр обыкновенно представлялся в вооружении и с военными атрибутами. В Байоне в XII и XIII веках в мэры обыкновенно выбирали либо военного, либо моряка. Были и такие города, где к коммунальному отряду присоединялись люди соседних поместий, признававших того же сюзерена. Так было в Пуатье, где под коммунальное знамя собирались люди аббатства и 41 окрестного прихода.

дальной присяги, а для защиты городских интересов. Словом, член коммуны был солдат, и солдат очень занятой.

Для выяснения связи военной службы с финансовой организацией необходимо принять во внимание одно существенное обстоятельство. Коммунальные отряды появляются в королевских войсках сравнительно поздно, не ранее конца царствования Людовика VII (1137–1180), но еще Филипп Август (1180–1223), который в свое долгое царствование вел очень много войн, не решается часто прибегать к помощи своих вассальных коммун. Правда, пехотные ополчения Корби, Амьена, Арра, Бове и Компьеня появляются в очень решительный для Филиппа момент, при Бувине, но появляются затем, чтобы быть рассеянными немецким рыцарством. Для Филиппа коммуны были важны не своими плохо вооруженными отрядами, а своими внушительными укреплениями. Ввиду этого понятна будет та готовность, с какой короли соглашались на выкуп воинской повинности коммун. В конце XIV века вместо военной службы коммуны, вассальные королю, выплачивали ему только налог*. Горожане также охотно пошли на эту реформу, не думая, конечно, вместе с тем упразднить своей внутренней военной организации. За своими стенами, когда можно было защищать родной город, они были отличными солдатами, и современные хроники записали не один случай геройской обороны коммун; но лицом к лицу с закованными в сталь всадниками, которые крушили их тяжестью своих коней и своего вооружения, эти дюжие купцы и ремесленники должны были чувствовать себя не особенно хорошо.

Таким образом, широкая военная роль коммун завершилась созданием специального налога для найма королю солдат, более опытных в поле. Что касается внутренней военной службы горожан, то с усилением королевской власти и тут произошла

* В это время уже завершался переход и этой натуральной в своем роде повинности в денежную. Отдельные случаи выкупа были и раньше, уже при том же Филиппе Августе.

существенная перемена: во главе городской милиции стали вместо выборных магистратов специалисты военного дела, присылаемые королями. Для последних это было и выгоднее, и безопаснее.

В Германии первоначально городские отряды состояли исключительно из бюргеров. Организация этих отрядов была различна. В принципе, всюду держалась всеобщая повинность, — точно так же, как и во Франции. Но иногда военной службой городские управления обязывали только тех бюргеров, которые располагали имуществом выше определенной нормы, а чаще от таких лиц — и только от них — требовалась служба в полном вооружении. Но так как исчисление размера имущества представлялось делом довольно мудреным, то для определения того, в каком вооружении должен явиться бюргер, прибегали к внешним признакам; при этом воинская повинность часто комбинировалась с своеобразным налогом на роскошь. Например, бюргер, который носит серебряный пояс и жена которого «одевается пестро», должен явиться в панцире и вооруженный арбалетом (позднее мушкетом). По материальному достатку распределялась также и служба конная, и пехотная: более состоятельные должны были иметь боевого коня. Словом, здесь отчасти воспроизводится хорошо известная древнему миру тимократическая система⁹. Что касается военного строя, то тут коренное изменение, хотя и не повсеместно, произвела борьба цехов с патрицианскими городскими советами. Там, где патрициям удалось удержать свое господство, построение городского отряда осталось старое, по территориальным единицам, по кварталам; там, где победили цехи, милиция стала строиться по корпорациям; где дело кончалось компромиссом, встречаются обе системы.

Но немецкие города недолго придерживались системы собственной милиции. Бюргеры богатели, независимость их росла, и для охраны ее стоило делать более крупные затраты. Немецкий вольный город фактически был государством, и у него бы-

ли свои задачи, которые ему предстояло выполнить. У него были враги, с которыми нужно было бороться, были союзники, которым нужно было помогать. Между тем обычные дела бюргеров с развитием торговли и промышленности настолько усложнились, что вдобавок ко всему нести еще и военную службу сделалось крайне трудно. Между тем деньги были; их непрерывно доставляли налоги; эти деньги и стали употреблять на содержание наемных отрядов. Благодаря богатству городов такие отряды бывали очень значительны; поэтому-то небольшие города неоднократно с успехом выдерживали борьбу с могущественными князьями. Наиболее же обычной целью походов городского отряда были замки рыцарей-разбойников, которые затрудняли торговые сношения города с селом и грабили купцов, отправлявшихся в более отдаленную торговую экспедицию.

Содержание наемных отрядов стоило дорого; а так как в эту рубрику военных расходов обыкновенно заносились и траты на содержание городских стен и на дипломатические сношения, то вся сумма поглощала нередко огромную часть обычных доходов. Мы знаем, что Кельн в один мирный год (1379 г.) истратил на эту цель 82% своих доходов. При больших размерах кельнского городского хозяйства это составляло очень крупную сумму; нечего и говорить, что в военные годы она была гораздо больше. Случалось и так, что обычных доходов не хватало; тогда прибегали к специальным налогам на военные цели.

В Италии организация военного дела в городах мало отличалась от немецкого по ходу своего развития. И там сначала военную службу несли ополчения горожан, и несли ее с честью. Это они покрыли себя бессмертной славой на полях Леньяно. Но позднее и итальянские муниципии по тем же причинам, что и немецкие, перешли к наемному войску, и нигде наемники не играли такой огромной роли, как в Италии. В этом отношении со средневековой Италией может быть сопоставлен только древний Карфаген, тоже гордая своими бо-

гатами торговая республика. Роль наемников в Италии достаточно известна. Мы знаем, как их предводители, знаменитые кондотьеры¹⁰, держали в своих руках судьбы целых городов-государств, и как они нередко захватывали тиранию в городах. Наиболее типичным кондотьером был гениальный Франческо Сфорца, основавший династию в Милане, в том самом Милане, который стоял во главе патриотического союза против Барбароссы и каррочьо которого решила судьбу дня при Лоньяно.

Таким образом, в организации военного дела в средневековых городах намечаются два течения. Там, где является сильная центральная власть, города, вошедшие добровольно или по принуждению в общий государственный организм, передают целиком или в очень значительной степени заботу об охране их от врагов государству. Там же, где городам удается удержать за собою политическую независимость, они прибегают к услугам наемных отрядов. В обоих случаях горожане кончают тем, что отказываются от личного несения военной службы и заменяют личную воинскую повинность денежной. Но только в одном случае эти денежные повинности носят характер государственного налога, в другом — сохраняют характер налогов городских.

Народное образование и призрение бедных в городах

Начиная с XIII века* городскому хозяйству прибавляется еще один, правда небольшой источник расходов — расходы на народное образование и призрение бедных.

Средневековые школы являются, вообще говоря, созданиями церкви**; низшее же образование вплоть до конца Средних веков оставалось по преимуществу в руках духовенства. Первыми

* Это общая дата. В некоторых местах раньше, в некоторых и позже.

** Исключением из этого правила являются только университеты, да и то не всегда.

соперниками церкви на поприще народного образования и являются города. Это вполне понятно. Церковные школы воспитывали будущих клириков, между тем как жизнь предъявляла требования уже совершенно иного характера. Купцу нужно было, чтобы его сыновья умели писать на родном языке и хорошо считать, знали правила вычисления процентов и другие основы коммерческой арифметики. Вот этого-то как раз и не давала церковная школа, и этим обуславливалась успешность борьбы светского начала с церковным в сфере народного образования.

Не сразу, конечно, пришли к пониманию необходимости именно светской школы. Вначале спрос на грамотных людей выражался простым увеличением количества школ существующего типа. Первым шагом здесь было, вероятно, открытие параллельных классов при городских монастырских и соборных школах; в основных обучались свои послушники, а в параллельных — пришлые молодые люди, готовящиеся к духовному сану, и миряне. В XIII веке во всех крупных городах Европы появляются уже низшие школы иного типа; они называются «приходскими» и «городскими»; однако, к приходу и вообще к какому-либо церковному учреждению они отношения уже не имеют, но с другой стороны и светского характера не носят; это пока все еще точные сколки с церковных школ как по программам преподавания, так и по его методам. Отличие их от параллельных отделений церковных школ заключается в том, что они находятся в ведении городских управлений, и только.

На этой стадии развитие школьного дела, конечно, не могло остановиться. Купцу было совершенно безразлично, знает ли его сын тонкости латинской грамматики или богословское учение о составе чисел, умеет ли он петь церковные гимны. Ему нужен был грамотный купец. Естественно, что спрос на светскую школу, где бы в центре преподавания стоял не латинский, а родной язык, прежде всего обнаружился в крупных торговых центрах. В Пьяченце, Ферраре, несколько позже в Милане появляются светские школы в XIII столетии, в Триви-

джи, в Бреши — в XIV. Во Флоренции около 1338 года в городских светских школах уже обучалось 8 000—10 000 детей обоего пола. В некоторых городах, как в Милане и Ферраре, учителя освобождались от сторожевой и военной службы, чтобы иметь все время свободным. В других странах, в богатом фламандском городе Генте, светская школа появляется уже в конце XII века. В ганзейских городах светские школы всюду учреждаются в XIII веке, по крайней мере, с его середины, когда деловым языком перестал быть латинский. Затем они распространились по всей Европе. Правда, городским управлениям приходилось тратить много усилий, чтобы сломить оппозицию учителей церковных школ и их старшин, так называемых схоластиков. Эти благочестивые люди смотрели на открытие светской школы, которая подрывала их доходы, как на нарушение их освященной временем преподавательской монополии, поднимали бесконечные тяжбы, доводили дело до римской курии. Только приличной суммой денег удавалось городам заткнуть их алчные глотки. Но, хотя церковная школа оставалась еще довольно долго преобладающим типом низшего учебного заведения, дни ее тем не менее были сочтены*. С возникновением гуманистической литературы в сознание общества стали мало-помалу проникать более трезвые педагогические взгляды. Леонардо Бруни (1369—1444) первый заговорил о реформе преподавания; его идеи были разработаны Верджеро, Гуарино и другими гуманистами, а Витторино да Фельтре¹¹, которому оказывали покровительство Гонзаги мантуанские, устройством своей Casa gioiosa положил практическое начало

* Об университетах мы не можем здесь говорить, ибо это не входит в нашу задачу. Университеты представляли свободные товарищества в городах и в этом отношении положение их представляет много аналогий с положением цехов. Разница, однако, весьма существенная, ибо университеты не входят в городскую общину и не признают власти городских советов. Такой *modus* сложился очень рано. У университетов устанавливается более тесная связь с церковью (в Германии, впрочем, она была слабее, чем во Франции) и с государством, и в городе они являются как бы обособленными островами с собственной организацией.

реформе народной школы. Движение в следующую эпоху распространилось повсюду: Гергард Грот с учениками в Германии¹², Колет¹³ в Англии усердно трудились над пересозданием старых школьных основ. Ясно, что первый приют школы нового типа нашли в городах.

Призрение бедных также было первоначально исключительно в руках церкви, но мало-помалу и города стали принимать участие в церковной благотворительности. Тут конкуренция светского начала не встречала ровно никакой оппозиции со стороны духовенства, ибо материальных интересов его не задевала. Участие городов сперва сказывалось в том, что муниципалитеты принимали на себя часть расходов по содержанию находящихся в городе приютов, и их доля со временем все более и более возрастала. В городах же понемногу подготавливалась та реформа в организации благотворительности, которая позднее привилась очень крепко. Католическая церковь знала один способ призрения бедных — приюты и богадельни. В городах выработалась другая система, которая давала возможность всей общине принять участие в этом душевспасительном деле. Эта система сделалась, по крайней мере, в Германии особенностью протестантского призрения бедных. Протестантизм устранил ту точку зрения, которая считала нищенство заслугой и подвигом, и у него выработалось более реальное и, следовательно, более гуманное отношение к этому вопросу. Начало этой реформы было также положено городами.

Отношение горожан к духовенству

В предыдущем мы нигде не давали систематического очерка отношений между различными сословиями, населявшими город. Лишь мимоходом касались мы этого вопроса, между тем он освещает одну из любопытнейших сторон городской жизни. Теперь мы остановимся на нем подробнее.

Мы знаем, что сословная нивелировка является одним из отличительных признаков городского строя. В силу этой его

тенденции он не терпит в себе несвободных элементов, в силу же он не терпит в себе также привилегий, создавшихся не в городе или раньше города. Между тем в городе всегда жили представители двух исстари привилегированных сословий: духовенства и дворянства, и горожане должны были выяснить свое отношение к ним. Они его и выясняли. Это отношение всюду было оппозиционным. Конечно, только в тех городах, которые не были подчинены никакой внешней власти, истинный характер междусословных отношений может вскрываться более или менее отчетливо. В зависимых городах он затемняется различными пертурбирующими условиями. Поэтому мы и будем иметь в виду только независимые города.

Большинство последних до эмансипации было подчинено духовным сеньорам; сама эмансипация нередко совершалась путем упорной борьбы, когда обе стороны пускали в ход всевозможные средства, чтобы только доставить перевес своему делу. С тех пор церковь осталась врагом свободных городов, врагом обезоруженным, правда, но бдительным, чутким, готовым всегда воспользоваться слабостью противника и нанести удар. Достаточно пробежать рассказы современных хронистов из духовных лиц, передающих эпизоды из истории городов, чтобы увидеть, с каким искренним отвращением, с какой глубокой ненавистью относилось духовенство к неведомой дотоле силе, подрывавшей его общественное влияние и его материальные ресурсы. Вот отзывы трех писателей, принадлежащих к трем различным нациям, но обнаруживающих поразительное единогласие в своих приговорах.

«Коммуна! — восклицает Гиберт, аббат Ножанский, — слово новое и какое гнусное! Благодаря ей, крепостные (*capite censi*) уплачивают взамен прежних повинностей простой ежегодный оброк, а если свершат противозаконный проступок, то отвечают лишь законом установленной пеней: прочие же повинности, которые должны нести холопы, для них вовсе не существуют».

Тот же негодующий тон слышится в рассказе немецкого историка Оттона, епископа Фрейзингенского, повествующего о

внутренних порядках ломбардских коммун: «Люди низшего сословия, ремесленники, которые занимаются самыми презренными промыслами, которых другие народы не допускают до несения благородных и достойных свободного человека должностей — там достигают высших степеней и даже опоясываются рыцарским мечом».

Совсем захлебываясь от ярости, передает английский летописец, винчестерский монах Ричард Девизский о даровании Иоанном Безземельным коммунальной хартии Лондону. «Ни сам король Ричард, — говорит он, — ни отец его Генрих II за тысячу крат тысячу марок не допустили бы этого заговора (*conjuratio*), из которого вышло то зло, которое зовется коммуной. Коммуна! Пузырь народной спеси, страх королевству, тлен для духовенства (*Communia est tumor plebis, timor regni, teror sacerdotii*)». Гиберт говорит как представитель церковных феодалов, ему горько, что церковь лишается своих доходов. Оттону, внуку императора, сыну владетельного князя, ближе к сердцу интересы рыцарства, хотя он и монах. Ричард же кипит, частью с точки зрения лояльного, привыкшего к королевской власти гражданина, частью из-за интересов духовенства. Ему уже хорошо известно, что такое коммуна во Франции.

Такое отношение духовенства к свободным городам — явление всеобщее. Не только высшее духовенство, которого освободительное движение оскорбляло в его лучших чувствах и очень чувствительно било по карману, но и низшее, которое тоже было предметом эксплуатации прелатов, которое само вышло из среды того же народа и которого с горожанами соединяли нередко тесные узы, — даже и оно держалось враждебно по отношению к вольным городам. Для духовенства, к какому бы рангу оно не принадлежало, вольный город был посягательством на все законы божеских и человеческих, разрушением основ социального порядка. Поэтому оно громит их своими анафемами, поэтому во всех соборах раздаются беспрестанные проповеди против преступной клики, осмелившейся под-

нять руку на божественный институт церковного землевладения. Особенным усердием в этом отношении отличались французские прелаты. Но сами по себе прелаты были бессильны. Эмансипационного движения, вызванного такими причинами, которым не страшны были никакие проклятия и никакие анафемы, они не остановили. Только там, где вольные города должны были пасть и только с помощью более сильной власти, власти королей, впоследствии удавалась епископам и аббатам вернуть себе часть прежнего престижа. Но эта часть была очень невелика; львиную долю захватили другие.

В свою очередь и горожане платили духовенству той же ненавистью и всячески старались оттягать у них и те остатки прежнего величия, которые удалось им сохранить; отсюда постоянная борьба, имевшая целью уничтожить церковную юрисдикцию, пережившую появление городских советов, отсюда постоянное стремление заставить и духовенство платить налоги, от которых оно было свободно и, вообще, подчинить его действию городских законов. Но нигде, по крайней мере в первое время, не удалось горожанам одержать полную победу. Единственно, что было достигнуто — да и то не всюду — эта остановка роста церковного землевладения в городах. Достигалось это различными путями: то церкви прямо запрещалось приобретение земельной собственности, то ее обязывали немедленно перепродавать приобретенный участок бюргеру; иногда запрещалось даже отчуждение в пользу церкви движимости, по крайней мере, превышающей известную ценность. Некоторые города не позволяли даже своим горожанам вступать в церковные общины и братства, чтобы этим путем церковь не могла как-нибудь приобрести новую движимую или недвижимую собственность. Нередко городские управления вмешивались и во внутреннюю церковную организацию; пытались приобрести влияние на замещение церковных должностей и заручиться правом ревизовать находящиеся в городе церковные учреждения, вроде больниц, школ и приютов.

Столкновение города с церковью часто приводило к серьезным осложнениям, к кровавым стычкам. Церковь пользовалась своим страшным для средневекового человека оружием — интердиктом¹⁴, горожане изобретали свои средства, чтобы задеть наиболее чувствительные струны духовенства. До чего доходило взаимное озлобление показывает, например, следующий случай, имевший место в коммуне Сен-Рикье в 1264 году. В городе находилось аббатство того же имени. С незапамятных времен было установлено, что ежегодно, в день праздника Lendit, монахи устраивали торжественную процессию и проходили через весь город с мощами основателя монастыря св. Рикье и другого святого, св. Вигора. Этим воспользовались в 1264 г. горожане, которые перед этим неизвестно в который раз повздорили с монахами. Они тоже устроили процессию. Задушили кошку, положили ее в раку, скопированную с той, в которой хранились мощи св. Рикье, отыскали где-то лошадиную кость, долженствующую изображать руку св. Вигора, заключили и ее в «раку», разделись в парчовые облачения, достали якобы святой воды и понесли свои «реликвии» по городу такой же торжественной процессией, какой монахи проносили настоящие мощи. В одном месте процессии повстречалась с двумя субъектами, заранее обученными той роли, которую они должны были исполнять в этом своеобразном спектакле; они, по видимому, сцепились друг с другом не на жизнь, а на смерть. Тогда из толпы, сопровождавшей процессию, раздался голос: «Св. Рикье, ты не пойдешь дальше, не водворив согласия между двумя смертельными врагами». Едва были произнесены эти слова, как «враги» упали друг другу в объятия и обменялись братским поцелуем. Тогда публика стала кричать, что мощи св. Рикье совершили чудо. Но этим пародия не кончилась. Устроили настоящую часовню с подсвечниками и с алтарем, обтянутым парчой, на алтарь положили раки с дохлой кошкой и лошадиной костью. Пилигримы и путешественники, не знавшие ничего об этой комедии, с чистым сердцем приходили по-

клониться в часовню. Два дня и две ночи простояла она, и все это время горожане проводили в непристойных плясках. Все это было известно мэрам и эшевенам, которые, кажется, были отлучены от церкви, когда папе донесли о скандале.

До такого кощунства немецкий бюргер не дошел бы никогда. В Германии умели различать церковь и духовенство. С духовенством воевали, потому что оно хотело пользоваться правами, не признавая обязанностей, а это вредило интересам города и шло вразрез с его основной социальной тенденцией, требующей уравнивания. Но церковного благословения лишиться не хотели. Тот же бюргер, который ожесточенно боролся против податных изъятий духовенства, помогал строить собор. Город, подвергнутый отлучению епископом, считал вопросом первостепенной важности обладать красивой приходской церковью. У городских нотаблей нередко были свои часовенки и родовые усыпальницы в церквях, которые украшались ценными алтарными иконами и художественно исполненными надгробными памятниками. Но и во Франции случай в Сен-Рикье единственный. Горожане в Средние века были, вообще говоря, добрыми христианами, но в городах же впервые появляются и новые веяния. Это — дух терпимости, порождаемый дальними странствованиями, мирными столкновениями с чужеземцами, с евреями, изредка и с сарацинами, столь характерный для эпохи после крестовых походов. Он воспитался в городах, особенно в таких, как итальянские, но не пустил до поры до времени глубоких корней и не привел к религиозному скептицизму. Даже эпизоды, подобные только что описанному, свидетельствуют больше об озорстве, чем о принципиальном отрицании. Лучшим показателем настроения горожан является городская литература — все эти фаблю¹⁵, швенки, новеллы. Они полны эпизодами, высмеивающими попов и монахов, изобличают их лицемерие, коварство, шарлатанство, распутство, чревоугодие, но дальше не идут и религии, церкви, как института, не касаются. Принципиального отрицания мы не встречаем даже у са-

мого блестящего представителя этой литературы, у Боккаччио, хотя у него могли бы ожидать его встретить. Время скептицизма еще придет, но для этого потребуются несколько новых условий, которые появятся позднее и будут знаменовать новую культурную эпоху.

Отношение горожан к знати. Евреи в городах

Отношение городов к светским баронам было несравненно более миролюбивым, чем к духовенству. И это обстоятельство также понятно. Во-первых, крупные города редко имели сеньорами светского феодала, а влияние баронов, живших в городе или под городом, встречало всегда сильный противовес во влиянии епископа или аббата. Баронам принадлежали обыкновенно мелкие города, а если в крупных иногда светский магнат являлся сюзереном, то зачастую, как на юге Франции, он делил свою верховную феодальную власть с другими. Затем почва для столкновений с рыцарем у горожан была менее широка чем почва для столкновений с духовенством. Но была еще одна причина, частью вытекающая из изложенных. Там, где барон был сеньором, размеры городской свободы были меньше, чем в городах, возникших из духовных сеньорий. В небольшом городке, с малочисленным населением, барону трудно было диктовать свои условия гражданам.

Отношения между городом и светским феодалом складывались по-разному: в маленьких городах, где он был сеньором, он не давал воли горожанам; в крупных же он либо придерживался нейтралитета, либо силою был вынужден вступать в число горожан. Но нейтралитет светской аристократии необходимо тоже понимать с оговоркой. Дело в том, что почти повсюду, как до периода эмансипации городов, так и после, между духовной и светской знатью шли постоянные раздоры. Городская свобода зарождалась в самый разгар этих столкновений, и светская знать, несмотря на свое воспитанное веками предубеждение против виллана, спешила вступить в коалицию

с горожанами, чтобы сообща ополчиться на врага. Многие из французских коммун только таким путем сумели добиться независимости. И потом, когда уже побежденные епископы делали попытки, частью самостоятельно, частью с помощью королей, вернуть утраченное положение, светский барон охотно помогал городу. Такой случай известен и нам по истории Лана*. Словом, нейтралитет очень часто переходил в прямой союз с горожанами против духовных сеньоров.

Примеры подчинения городов светскому сеньору наблюдаются в мелких французских коммунах и новых городах. Нейтралитет, переходящей в союз, — в крупных коммунах и немецких городах, насильственное же включение знати в городские списки наиболее типично для Италии.

К Италии мы и обратимся прежде всего. Начиная с XIII в. в Ломбардии мало-помалу исчезают самостоятельные феодальные владетели. Большинство их принуждено записываться в города. Так, Висконти вошли в городские списки Милана, Эсте — в списки Феррары, Эццелино — Вероны и Виченцы. В 1209 году последние сеньоры Тосканы покидают свои замки, и их принимают гостеприимные стены Флоренции. Такой синойкизм, как можно было предсказать, заранее не обещал ничего хорошего, хотя Италия лучше, чем какая-нибудь другая страна была подготовлена к сословной консолидации**. И в самом деле, несколько лет совместного житья с дворянами показали флорентийским гражданам, что знать, переселяясь в город, привезла с собою свои крамолы и интриги, что она пока не думала складывать оружия перед купцами и менялами, а, наоборот, обнаруживает очень серьезные поползновения захватить власть в свои руки. Все это заставило буржуазию сплотиться и вновь отеснить дворян. Так как хватились вовремя, то победу одержать было не трудно: знать не успела организовать в достаточной степени. А чтобы обезопасить себя на будущее вре-

* См. выше. — С. 57—58.

** См. выше. — С. 52—53.

мя и упредить какие бы то ни было новые опасные для себя попытки, флорентийцы издали постановление, по которому дворянин только тогда мог получить доступ к городским должностям, когда запишется в какую-нибудь из городских корпораций. Смысл закона понятен: он должен был разрушить единство сословия; принятый во Флоренции в 1282 г., в следующий год он прошел в большинстве тосканских городов. Но это было лишь первым шагом. За ним следует ряд других мероприятий, направленных против знати. В их числе видное место занимает освобождение крестьян, которое столько же было вызвано экономическими причинами, сколько и социальными: с уничтожением барщинного труда иссяк источник благосостояния знати; земля без даровых рабочих уже не приносила прежнего дохода и скоро оказалась в залоге у богатых мянл. Далее крайне эластичная податная система, отдававшая раскладку налога всецело в руки господствующего класса, открывала возможность облагать дворян больше, чем следовало. Наконец, во Флоренции в самом конце XIII века был издан исключительный закон, по которому записанный в корпорацию дворянин за известные преступления лишался своих бюргерских прав и изгонялся в лоно прежнего сословия на вечные времена. «Dee a perpetuo essere rimesso tra grandi», — как говорит современный историк. Таким образом, в самом торговом центре Европы является новая точка зрения, перевертывающая вверх дном все прежние представления. В то время, как повсюду дворянство было честью, здесь оно делается равносильным политической смерти. Вне права гражданства нет полноправия.

Такими насильственными мерами была достигнута сословная консолидация в стране, где торговля достигла высшего расцвета, а феодализм никогда не переставал быть наносным институтом. Иначе обстояло дело в других странах. В Германии в городах всегда жили епископские служилые люди, министерялы, частью свободного, частью несвободного происхождения.

До освобождения городов они играли руководящую роль: из них составлялся совет епископа, в их руках находилось заведование монетным и таможенным делом; они составляли суд и пользовались большей частью епископских доходов. Даже когда управление городом перешло к патрициату, они и тут сохранили большое значение, и вначале были свободны от бюргерских повинностей. Имя министерялов исчезает почти повсеместно после периода междуцарствия и заменяется более общим названием рыцарей (*milites* вместо *ministeriales*). К этому же времени происходит очень существенная перемена: они мало-помалу подчиняются городским налогам и городскому суду. Междуцарствие с его постоянными мелкими войнами привело еще к одному капитальному факту, завершившемуся благодаря восстанию цехов. Те из рыцарей, которые не слились с патрициатом, стали уходить из городов, чтобы основаться более прочно и более самостоятельно в селе. В городах же их оставалось сравнительно немного. Немецкие города не обладали такими средствами, чтобы подобно итальянским принудить знать поселиться в городах*. Но по отношению к местной городской знати были все-таки выработаны меры, клонящиеся к ограничению влияния рыцарства. Светская знать в немецких городах никогда не возбуждала против себя такой ожесточенной вражды, как духовная, но и к рыцарям бюргеры все-таки относились с недоверием. У рыцарей хотя земли в городах было и меньше, чем у духовенства, и привилегии их не так убыточны для бюргеров, как привилегии клира, тем не менее, когда сельские рыцари хотели снова селиться в городе, их пускали туда неохотно; в некоторых же городах без дальних околичностей отказывали в приеме. Причина этого отчуждения та же, что и в Италии — забота об однородности городского состава, но теми радикальными мерами, к которым прибегали итальянские города, немецкие не могли воспользоваться: для этого рыцарство все-таки было

* Крупная знать: князья, графы и бароны уезжали из городов, как только исчезала должность бургграфа, и города приобрели свободу.

сильно. Что касается до рыцарей, которые жили в своих крепких замках в окрестностях города, то отношения бюргеров к ним были вполне определены. Они были носителями принципа замкнутого хозяйства, часто не позволяли своим крестьянам возить в город сельские продукты, своими пошлинами затрудняли торговлю, а разбойничьими нападениями на купцов приносили огромный вред горожанам. Словом, они являлись живым противоречием хозяйственному принципу городов и подрывали основной ресурс городского благосостояния. И горожане были к ним безжалостны. Подобно тому, как наш крестьянин не знает сострадания к конокраду, так и средневековый бюргер не знал сострадания к владельцу разбойничьего замка. Расправа с ними была коротка, и огромная часть походов городских ополчений была направлена против них*.

Во Франции отношения уже прямо обратны тому, что мы видим в Италии. Агрессивная роль принадлежит баронам, города ведут лишь оборонительную политику. С мелкой знатью церемонятся еще меньше; все эти виданы, кастелляны, фогты (avoque), соседние владельцы замков охотно соглашаются на выкуп горожанами всех тех повинностей, которые последние обязаны еще нести по отношению к ним. Они знают, что в случае надобности горожане возьмут и силою то, что им нужно; выкуп же приносил им серьезную выгоду. Но когда городам нужно было иметь дело с крупными баронами, то с ними уже приходилось сильно считаться. Тут наблюдается разная политика со стороны баронов. Одни прямо враждебны городам и коммунальному движению, другие, пользуясь своим могуществом, умеют взять его в свои руки и направить так, как это им выгодно; третьи, наконец, частью по недостатку сил, частью из вражды к духовенству, частью также из-за соображений материальной выгоды покровительствуют движению.

Графы фландрские являются типичными представителями первого рода баронов. Они не хотят мириться с освободитель-

ной тенденцией городов, но последние, не будучи в состоянии силой добиться хартий, выжидают благоприятного момента и пользуются малейшим затруднением своего сеньора, чтобы осуществить свою цель. Нормандские герцоги и графы Шампани представляют вторую группу сеньоров. Они дают хартии, но их хартии очень скромны и не наносят ущерба их интересам. Таковы Руанские установления. Наконец, герцоги Бургундские, графы Неверские и графы Понтье прямо благоприятствуют движению. У последних расчеты наиболее простые: они хотят путем создания коммун увеличить свои доходы и обзавестись крепостями на случай войны; но в то же время они хотят ослабить влияние церковных сеньоров. Последнее обстоятельство с еще большей силою сказывается в деятельности графов Неверских. Что касается до могущественных герцогов Бургундии, то они следуют в меньших размерах той же политике, какую в более широком масштабе осуществляют Капетинги. Они хотят сокрушить мелкую знать, как духовную, так в особенности светскую.

Здесь мы должны обратить внимание еще на один элемент городского населения, о котором у нас до сих пор не говорилось ничего, на евреев и их своеобразное положение в городах.

Евреи с незапамятных времен занимались торговлей в Европе и, следовательно, принадлежали к числу купцов. Но в то время, как европейский купец еще и не думал выступать на коммерческом поприще, еврей уже наживал колоссальные богатства*. Вместе с сирийцами евреи первые стали знакомить Европу с произведениями Востока. Начиная с эпохи Римской империи, в меровингский и каролингский период, евреи как купцы пользуются очень большой, скорее, впрочем, отрицательной, чем положительной популярностью. Короли относились к их деятельности довольно благосклонно. Они, конечно, пользовались всеми привилегиями, которыми пользовались остальные купцы, но им давались и специальные привилегии.

* О торговой деятельности евреев см. в другой книжке настоящей коллекции, которая будет посвящена истории торговли¹⁶.

* См. выше. — С. 236.

Людовик Благочестивый позволил им жить согласно своим законам во многих городах, сам брался разрешать их споры с христианами и под угрозой огромного штрафа (20 ф. золота) запретил убивать еврея. Когда города более или менее сложились и обзавелись рынками, там немедленно появились евреи, и в виду того оживления, которое вносили они в торговлю и денежный оборот, городские сеньоры охотно позволяли им основываться у себя и даже осыпали их специальными привилегиями, охранявшими их личность и имущество. Такие привилегии Генрих IV немецкий даровал евреям Шпейера и Вормса (последняя была подтверждена Барбароссой). Но привилегии не спасали еврея от преследований горожан; весть о первом крестовом походе положила начало их бедствиям, и каждый новый поход сопровождался новым избиением евреев. Однако, гонения не ослабляли энергии евреев; с тем удивительным упорством, к которому приучила эту замечательную нацию ее история, евреи продолжали жить бок о бок с христианами и заниматься своим делом. Нам хорошо известна жизнь евреев в Кельне в середине XII века. Они принадлежали там к числу горожан и наравне с христианами владели домами и землями; только они образовывали свою общину — *universitas Judaeorum*. У них был свой общинный дом, свое кладбище за стенами города, синагога, ежегодно они выбирали своего раввина (*episcopus*), который был в то же время и судьей. Как привилегированная община, они стояли под непосредственным покровительством сначала архиепископа, потом города; особые грамоты определяли их права и обязанности. При возобновлении грамот, что происходило через определенное количество лет, они должны были выплачивать известную, с каждым разом увеличивающуюся подать; они были освобождены от обычных городских податей, но зато не пользовались и гражданскими правами. Главным их занятием была отдача денег в рост.

Однако по мере того, как города приобретали самостоятельность и руководство городской политикой переходило в руки

купцов, естественных конкурентов еврея, положение последних ухудшалось. Их все больше сторонились, их все больше ограничивали в правах, преследования становились чаще и ожесточеннее, ибо к первоначальным религиозным мотивам и национальной антипатии присоединились экономические причины: торговое соперничество и эксплуатация населения еврейскими менялами. Так, тот же Кельн запретил в середине XIV века дальнейшее увеличение еврейского землевладения в городе. Такие же постановления были изданы и в других городах. Отсюда и ведет начало тот факт, что еврейские гетто, пережившие Средние века и увидевшие XIX век, были так тесны. Но и экономическая роль еврея также пережила Средние века и до сих пор дает повод к новейшим проявлениям средневекового религиозно-экономического фанатизма.

Количество и распределение населения

Когда говорят о городе, то современному читателю он представляется чем-то вроде современного города. Это было бы большой ошибкой. К сожалению, мы не можем дать здесь очерка внешней картины города, но мы постараемся показать при помощи цифр, как сильно отличались средневековые города от современных. Это, прежде всего, относится к количеству жителей. Наш промышленный век приучил нас к такому масштабу, что самые населенные средневековые города кажутся нам очень незначительными.

Возьмем Англию. В эпоху норманнского завоевания на города приходилась одна десятая часть всего населения: 150 000 из 1 500 000. Самыми крупными городами были Лондон, Уинчестер, Бристоль, Йорк, Норич, Линкольн, но ни в одном из них не жило более 7 000—8 000 человек. Триста лет спустя это отношение изменилось. В 1377 году, по вычислению одного английского ученого, население в крупных городах распределялось таким образом: в Лондоне 35 000, в Йорке 11 000, в Бристоле 9 500, в Ковентри немного больше 7 000, в Нориче поч-

ти 6 000, в Линкольне — 5 000. Ни в одном из остальных городов не насчитывалось больше 5 000 человек.

Для Германии у нас есть несколько более подробные цифры. Для некоторых городов даже возможно проследить движение населения. В Гамбурге в 1311 г. было около 7 000 жителей; в 1419 г. количество их увеличилось до 22 000, но затем оно упало до 12 000 (1525 г.) и лишь к концу XVI в. вновь поднялось до 19 000. В Базеле в 1446 г. было 10 200 чел. свыше четырнадцатилетнего возраста, но в этот год там был собор, так что цифра ненормально высока, к 1454 г. она делается более естественной — 8 000 чел. свыше четырнадцатилетнего возраста; по некоторым расчетам можно принять все население Базеля в середине XIV в. почти в 15 000 чел. В Цюрихе население с середины XIV и в течение XV века беспрестанно падает и лишь с конца его вновь и то очень медленно начинает расти. Вот табличка.

Год	Кол-во населения (чел.)
1357	12 375
1374	11 050
1410	10 570
1467	4 713
1529	5 687
1588	8 649

Наоборот, во Фрейбурге (швейцарском) оно с 5 200 человек в 1444 году выросло до 5 800 человек в 1447 г., т. е. в течение трех лет. В Ростоке с 10 785 человек в 1375 г. выросло до 13 935 человек в 1410 г. Во Франкфурте-на-Майне с 10 000 человек в 1387 г. упало до 9 000 человек в 1440 году.

Вот еще несколько цифр, вычисленных по отношению к отдельным годам: Аугсбург (1475 г.) — 18 300 человек, Гейдельберг (1439 г.) — ок. 5 200, Лейпциг (1474 г.) — ок. 4 000, Майнц (конец XV в.) — 5 767, Нюрнберг (1449 г.) — более 20 000, Страсбург (1473 — 1477 гг.) — более 20 000, Ульм (1427 г.) — около 20 000 жителей.

Ни для одной из других стран у нас нет таких богатых сведений, как для Германии; даже сведения, касающиеся народонаселения английских городов далеко не отличаются полнотой. Что касается прочих, то там вычисления чересчур приблизительны, чтобы можно было ими оперировать*. Для Франции мы кое-как еще можем составить себе некоторое понятие о населении Парижа. Его считают в эпоху Филиппа Красивого равным 240 000 человек, что представляется преувеличенным, по крайней мере, раза в три. Из других крупных городов наиболее населенными были Руан, Монпелье, Тулуза и особенно Реймс. Столетняя война со всеми сопровождающими ее смутами сильно поубавила население, и только к XVI в. замечается чувствительный прирост сравнительно с началом XIV в.

Для бельгийских городов имеются некоторые более положительные сведения, хотя среди них нет указаний для тех городов, которые являются особенно типичными для Средних веков и прежде всего для Брюгге и Гента. Вот еще небольшая табличка, по-видимому, тоже преувеличенная.

Год	Брюссель	Лувен	Мехельн	Антверпен
1435	56 386	30 808	—	—
1472	53 848	26 448	—	—
1480	54 680	28 968	18 328	56 690
1496	—	—	17 404	68 010

Италия, самая развитая в торговом и промышленном отношении страна, имела и наибольшее количество населения в городах. К сожалению, и тут цифры крайне приблизительные и, по всей вероятности, дают слишком щедрый расчет. Поэтому и вычисления относительно разных эпох плохо вяжутся между собою. Мы все-таки приведем некоторые цифры. В Милане во

* Для Германии тоже существует ряд таких малонадежных данных, например, население Любека в первой половине XIV в. считают равным 70 000—80 000 душ, Бреславля в 1348 г. — около 22 000, Данцига в 1415 г. — около 40 000.

второй половине XV в. было около 85 000 жителей; к середине следующего столетия (1542 г.) — 57 075; в Венеции в 1424 г. — 190 000 жителей; в 1563 г. — 165 724; во Флоренции в 1351 г. — около 50 000 жителей; два века спустя (1562 г.) — 59 216; в Болонье в 1371 г. — 32 000 жителей; в 1587 г. — 72 000 жителей; в Риме в конце XVI в. около 109 000 жителей.

Здесь не могут быть поставлены, ни тем более разрешены даже главные вопросы статистики народонаселения. Для этого у науки пока нет достаточных средств. Если для некоторых городов и имеются данные, то это обстоятельство чисто случайно; мы ими обладаем не потому, что город принадлежит к числу наиболее типичных, а потому, что ему посчастливилось найти хорошего исследователя своей старины. Мы возьмем несколько пунктов, относительно которых в литературе имеются более или менее надежные указания.

Прирост мужского населения во Франкфурте происходит следующим образом (исключены нехристиане и сыновья граждан).

Годы	Прирост за 50 лет	Средний прирост за год
1311—1350	1 293	32
1351—1400	1 535	31
1401—1450	2 506	50
1451—1500	2 537	51

Из каждых 100 новых горожан, явилось во Франкфурт из окрестностей, отстоящих от города.

Годы	до 2 миль	2—10 миль	10—20 миль	более 20 миль
1311—1350	54,8	35,5	6,5	3,2
1351—1400	39,4	42,9	11,1	6,6
1401—1450	22,9	54,4	12,6	10,1
1451—1500	23,2	51,2	11,3	14,3

Таким образом, область, из которой город притягивает к себе население, все возрастала. Этот факт, вероятно, не представляет особенности Франкфурта и воспроизводится повсюду. В Бремене в эпоху с конца XIII до начала XVI вв. та часть переселенцев, происхождение которых удалось установить, распределяется следующим образом.

Область	Процент переселенцев
До 2 миль	20,7
От 2 до 10 миль	23,5
Свыше 10 миль	55,8

В Киле до XIV в. почти все пришлое население было из ближайшей округи, не более 4 миль пространством, из приблизительно 150 различных пунктов. Начиная с XIV в. область переселения сильно расширяется. Приток новых жителей идет не только из всех частей Шлезвига и Гольштейна, но и из Вестфалии, восточноэльбских областей и проч.

Таким образом, во всех этих случаях область переселения с течением времени все расширяется. Этот факт объясняется легко. Первые переселенцы — это жители ближайшей сельской округи; количество жителей более отдаленных местностей невелико. Кто же эти жители более отдаленных местностей? Конечно, не крестьяне: те бы нашли город поближе. Это купцы и ремесленники, т. е. люди, для которых тот, а не иной город представляет известный интерес. Количество последних и увеличивается с течением времени; городское торговое право в последующие столетия Средних веков уже складывается, и господствующая в его нормах исключительность делает выгодной натурализацию в крупных торговых центрах; затем купцу по торговым соображениям может оказаться более удобным поселение в определенном городе. Что касается ремесленников, то к концу Средних веков начинаются странствования подмастерьев, и этого одного факта уже достаточно для объяснения роста переселенцев из более отдаленных местностей. Поэтому, если взять одно купе-

ческое или одно ремесленное население, то цифры будут иные даже для древнейших времен. Ближайшая же сельская округа к этому времени уже успевает отдать городу весь свой излишек в людях. Вот еще несколько цифр, поясняющих это явление. В кельнской купеческой ассоциации только 44% происходили из теперешней Рейнской провинции, остальные — из более отдаленных мест, причем 72% ее членов и раньше уже жили в городах. В Констанце большинство поселившихся в городе между 1489 и 1501 годами раньше были жителями городов и других мест, более отдаленных. В их числе подмастерьев было 641 человек.

Перейдем к распределению городского населения по полу и по возрасту. Женщин в средневековых городах было сравнительно с современными условиями больше, что прежде всего объясняется разницею в промышленных условиях городского развития. Вот каково было соотношение между мужским и женским полом в некоторых городах.

Нюрнберг (1449 г.)	100:121
Базель (1454 г., два округа)	100:108
Франкфурт (1431—1437 гг., только евреи)	100:140
Росток (1594 г.)	100:120
Кельн (1507 г.)	100:105

Во всех подсчетах городского населения бросается в глаза одно явление, общее, по крайней мере, для тех немецких городов, история которых исследовалась с этой точки зрения — ненормально малое число детей, что легко объясняется большою смертностью в детском возрасте. С детскими болезнями бороться не умели, гигиена и профилактика находились в зачаточном состоянии, и эпидемии уносили огромное количество жертв среди детей, а также и среди взрослых. Вот некоторые данные: в Нюрнберге* дети составляли 35% бюргерского, т. е. обладав-

* Возрастное соотношение здесь, впрочем, плохо разграничено.

шего правом гражданства населения, так что на одного бюргера приходилось несколько меньше двух детей. Во Франкфурте средний процент детей у евреев доходил всего до 27%.

Имущественные отношения в городах также могут быть иллюстрированы некоторыми цифрами. В Базеле, городе, который считался богатым, в 1429 году из 2 536 лиц, занесенных в книгу плательщиков податей, только 13 владели имуществом, оценивавшимся выше 9 500 гульденов (при переводе на нынешний курс около 71 250 руб.), причем в эту сумму входила ценность всего имущества, движимого и недвижимого, до последней пуговицы. Лица, владевшие имуществом свыше 2 000 гульденов (около 15 000 руб.), составляли едва 5% плательщиков податей. В 1454 году самый богатый человек в Базеле владел имуществом в 12 600 гульд. (около 95 000 руб.). В Гейдельберге в 1439 г. 45 патрициев, или $\frac{1}{7}$ всех плательщиков, владели $\frac{1}{5}$ всего имевшегося в городе имущества, в Берне в 1448 г. 64,2% населения платили имущественный налог, остальные либо поголовно пятишиллинговую подать, либо были вовсе освобождены от уплаты податей.

Количество пролетариев определяется следующими цифрами. В Базеле в 1429 г. было 649 человек, имущество которых составляло не более 10 гульденов (в их числе были, конечно, и круглые бедняки); это дает 25,5%. В 1454 г. число их возросло до 702 (32%). В Гамбурге в 1451—1538 гг. бедняки составляли 16—24% населения; в Фрейбурге (швейцарском) их было 28,3%, в Берне несколько меньше (около 24%); в Аугсбурге около 1520 г. бедных было почти 2 000 чел.

Откуда бралось такое количество неимущих? Главным образом из сел, ибо далеко не все пришлые элементы принимались в число граждан. Это явление одинаково хорошо знакомо всем странам. Но ближайшие причины огромного роста городского пролетариата еще не вполне выяснены.

Обратимся к цифрам, иллюстрирующими положение промышленности.

Основным фактом является здесь тот, что количество людей, занимающих самостоятельное положение в промышленности, в Средние века было в несколько раз больше, чем в настоящее время. По сравнению, например, с франкфуртскими условиями в 1387 и 1875 гг. разница оказывается, по крайней мере, в четыре раза. Это обусловлено многочисленностью отраслей одного и того же ремесла; сильная дифференциация производства отвечала одной из наиболее настойчиво проводимых городами тенденций — не допускать появления крупных предприятий.

По количеству всего больше было цехов, занимающихся производством пищевых продуктов: булочников, мельников, пивоваров, мясников и проч.; на втором месте стоят цехи, занимающиеся изготовлением одежды: портные, сапожники, скорняки и проч.; затем идут цехи металлического производства, затем столяры, плотники и др. Однако в городах, в которых сильно развита текстильная промышленность, этот порядок нарушается, и первое место по численности принадлежит цехам ткачей, валяльчиков, строгальщиков, красильщиков материй, которые при обыкновенных условиях представлены слабо. Вот несколько цифр.

Города	Кол-во цехов	Кол-во мастеров
Париж (1292 г.)	350	4 159
Франкфурт-на-Майне (1335 г.) . 14		1 246 (1387 г.)
Любек (1474 г.)	50	—
Нюрнберг (1363 г.)	50	1 217
Страсбург (1395 г.)	29	—
Вена (1405 г.)	77	450 (1454 г.)
Аугсбург (1368 г.)	17	—
Гамбург (1376 г.)	22	718
Базель	—	1 076 (1451 г.)

В Гамбурге (1376 г.) первое место по количеству занимали пивовары (181 мастер); за ними шли 69 пекарей, 57 мясников, 31 рыболов. В Страсбурге в 1467 г. было 29 пекарей белого

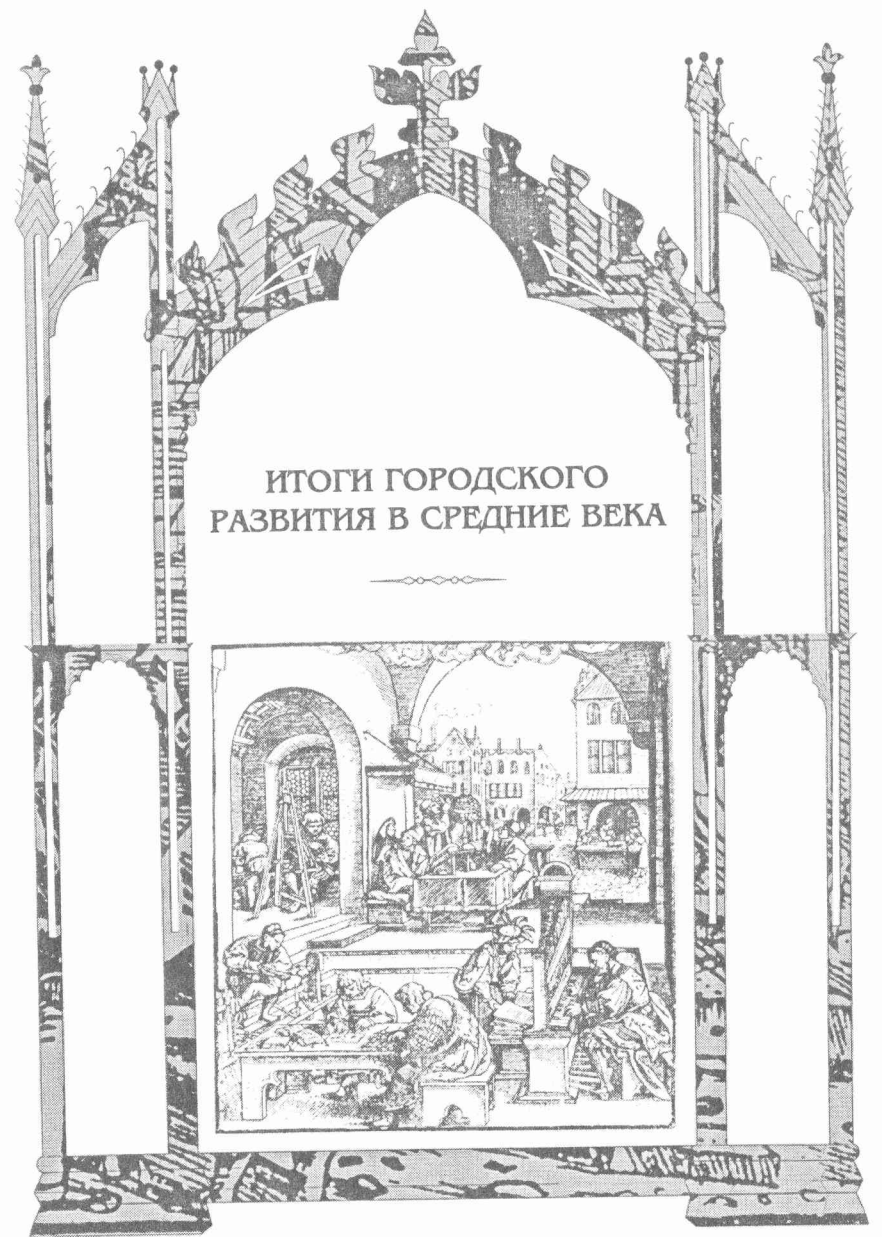
хлеба, и этого количества оказывалось мало; через несколько лет в цехе прибавилось еще три мастера. В Нюрнберге (1363 г.) первое место занимали мастера металлического производства различных отраслей (337), затем кожевники и скорняки (вместе 152). Но в Ульме, например (1471—1487 гг.) одних ткачей бархатных материй было 90 человек, а во Франкфурте (1387 г.) мастера, занятые в текстильном производстве, составляли 309 человек (из них 272 ткача шерстяных материй).

Города стояли друг от друга на очень небольшом расстоянии. Этого требовали интересы сельского населения, и экономическая эволюция, разрушившая хозяйственную автономию села, дававшая то ему удобство, что каждый крестьянин мог иметь под рукою рынок, где он мог достать все ему необходимое в сравнительно очень короткий срок. В Германии на каждый город приходилось в Средние века не больше 8 кв. миль территории, но в юго-восточной Германии это пространство было еще меньше: 2,5 кв. мили, в средней и северо-западной 3—4 кв. м. Так что в любом месте страны крестьянин в один день мог съездить в город и вернуться оттуда к себе в село. Градостроительная горячка, обуявшая князей в XIII и XIV веках, грозила еще больше уменьшить размеры территорий, обслуживаемых городом, но излишек очень скоро исчез, перейдя в разряд захудалых местечек. Отражением этого явления было постановление Саксонского Зерцала¹⁷, гласившее: «Man en muz cheinen markt buwen deme andern einer mile nah (нельзя строить рынка, который был бы к другому ближе, чем на одну милю)».

Из этих цифр в связи со всем предыдущим выясняется экономическое значение средневекового города.

Города делаются экономическими единицами, когда в них появляется рынок. Рынок же появляется тогда, когда того требуют изменившиеся условия экономического развития; городами покрывается все пространство территории, на котором прежде они были исключением и где господствующим социально-экономическим типом были села и поместья. С появлением го-

родов завершается утрата последними своей хозяйственной автономии. Частью естественным путем, частью при помощи насильственных мер — там, где дело идет о владельцах замков, затруднявших торговлю посредством пошлин или прямым разбоем — городу удается создать определенный хозяйственный округ, центром которого является он сам. Но тут же намечается и следующий момент экономического развития — первые признаки народного хозяйства. Купцы заводят сношения с чужими странами, чтобы из-за границы привозить на родину незнакомые или недостающие ей продукты и вывозить свой излишек. Все эти условия вызывают появление в городах соответствующих организаций, призванных служить частью потребностям местной округи, частью облегчать отдаленные сношения. Так, в городах появляются купеческие гильдии, ганзы, склады, ремесленные корпорации. Охраняемые торговыми и промышленными монополиями города до тех пор могли спокойно взирать на будущее, пока отразившиеся в городском хозяйстве формы не сделались чересчур узки для новых потребностей хозяйственной жизни. Тогда должен был начаться упадок, и он действительно скоро дал знать о себе. Социальные отношения, которые в блестящий период городского хозяйства складывались так, что интересы всех классов городского населения находили себе удовлетворение, стали изменяться. Классовые противоречия стали обнаруживаться все с большей и большей силой; те слои городского населения, которые попали в разряд эксплуатируемых, сплотились и вступили в борьбу с эксплуатирующими, и весь строй, который держался на совместной деятельности обоих элементов, начал мало-помалу разлагаться. Средневековые формы пришли в упадок. Но города не погибли. Было приостановлено их дальнейшее развитие в том же быстром темпе, в каком шло до начала нового времени, примерно до XVI века. В дальнейшем им предстоит еще более блестящий период, но то будет период капиталистического хозяйства, и основы городского процветания будут совершенно иные.

Краткий обзор

История города в Средние века является решающим моментом в истории города вообще. Современный город утратил некоторые существенные черты средневекового города и взамен их приобрел другие, ему чуждые, но он сохранил основные признаки, которые явились в Средние века. Поэтому изучение средневекового города представляет не только исторический интерес; оно может помочь разобраться во многих сложных вопросах современного городского строя.

История европейского города начинается с римских городов. Но связь тех и других почти исключительно внешняя. Римские города, там, где они существуют, указывают место средневековым, дают материал для постройки новых городов и лишь в очень редких случаях передают своим потомкам некоторые из своих учреждений; только в сильно романизованных странах римские традиции, но не специально муниципальные, а общие, оказывают влияние на позднейшие городские распорядки. В остальном город — создание Средних веков.

- ✦ Краткий обзор
- ✦ Экономическая роль городов
- ✦ Социальная роль городов
- ✦ Политическая роль городов
- ✦ Культурная роль городов. Заключение

Первые города в Европе возникают под давлением военной необходимости; в эпоху народных передвижений и следующий за ней период феодальной анархии, когда господствовало право сильного, когда по всей стране слышался звон оружия, гремел торжествующий клич победителей и раздавались жалобные стоны раненых, умирающих и уводимых в плен, укрепления должны были играть и, действительно, играли важную роль: за ними только и можно было найти защиту от врага. Укреплениями обводились старые римские города, лишившиеся их раньше и епископами спасенные от полного упадка, другие епископские резиденции, монастыри, поместья, села; укрепления строились и на чистом месте, которое почему-либо часто подвергалось вражьи набега. Укрепленное поселение объявлялось на том или ином основании неприкосновенным, выделялось в мирную округу, обеспечивавшую жителям более безопасное существование. Таковы были первоначальные ячейки городов; их было немного, и у них не было отличного от села устройства. Село и город юридически не различались: у города были укрепления, село было открыто; на этом разница между ними прекращалась.

Коренное различие между этими двумя видами поселения появилось вместе с хозяйственным переворотом XII века, результатом которого было вытеснение натурального хозяйства меновым. Частью автономный внутренний процесс, частью давление мировой торговли привели к разложению единой феодальной семьи вилланов, жившей в тисках сеньориальной опеки, и к выделению из нее новых профессиональных классов. Процесс этот шел из передовых торговых стран в отсталые и всюду преобразовывал состав общины, сначала свободной, затем и крепостной. Освободившийся купец, наделенный привилегиями, получил возможность странствовать по стране; в городах появились рынки для облегчения сношений между городами и селами; в них селились купцы, приносящие туда

свои профессиональные обычаи; в селе и городе выделились ремесленники. Условия торговли и промышленности требовали свободы для своих носителей — она явилась, и городской воздух получил почти волшебную силу — он стал освобождать крепостного. Условия торговли и промышленности требовали для своих носителей также и безопасности — и она явилась в кодексах городского уголовного права, под угрозой тяжелых наказаний запрещающего нарушение специального городского мира. Условия торговли и промышленности требовали более подвижных норм гражданского права — явились и они, чтобы облегчить отчуждение и наследование имущества.

Оживленная торговая и промышленная деятельность в городах накапливала в руках бюргеров богатство, и им стало невмочь выносить зависимость от сеньора, стеснявшего им свободу операций. И зависимость исчезла полностью или в такой степени, что уже не мешала отдаваться профессии; частью оружием, частью при помощи денег городам, умевшим пользоваться всякими крупными и мелкими политическими комбинациями, удалось сбросить стеснительное иго. Некоторые из них приобрели при этом и политическую независимость, некоторые принуждены были довольствоваться чисто гражданскими вольностями.

Теперь город был уже городом в юридическом смысле. Между ним и селом лежала целая пропасть. У города было свое право и свое устройство. Городское устройство соединяло в себе в разных местах черты сельского устройства (альменда, условия вступления в число граждан) с чертами общегосударственной организации, переработанной в сеньориальном режиме (обыкновенно суд, редко администрация) и с совершенно новыми, созданными преобразованием социальной жизни учреждениями (администрация, финансы). Торговля и промышленность в городах также создали для себя новые формы и вызвали своеобразную политику для защиты своих интересов.

Горожане обнаружили далее последовательное стремление к уравниванию сословного состава в городах, боролись более или менее успешно со старыми привилегиями духовенства и светских баронов, принуждали последних либо совсем сливаться с прочим городским населением, либо уходить из города. Но если городам удавалось сломить старые сословные перегородки, то в них появлялась рознь иного, более нового порядка — между богатым купечеством и ремесленниками. Эта рознь привела в вольных городах к открытой борьбе из-за участия в управлении города, и в большинстве случаев борьба кончалась уравниванием в правах обоих сословий. Но затем начинается еще новая рознь в сфере промышленности — на этот раз типичная классовая противоположность между мастерами, предпринимателями и подмастерьями-рабочими. Классовая борьба приводила к упадку городской промышленности, а всеми видами сословной и классовой розни внутри городов пользовался могущественный враг городской независимости — королевская и княжеская власть. В цветущую эпоху своего существования города успешно боролись с врагами, и так как каждый в одиночку был слишком слаб, то они заключали между собою союзы. Таковы коалиции французских коммун, направленных против сеньоров и крупных баронов, таковы испанские германдады, боровшиеся как с феодалами, так и с королями, такова лига ломбардских городов, прославившая себя победою над Барбароссой, таковы немецкие союзы, направленные против князей, и самые крупные из них Рейнский и Швабский*. Даже тогда, когда города соединялись главным образом для торговых целей, как фламандская ганза или великая немецкая Ганза, они должны были иногда поднимать оружие как для охраны своих интересов, так и для отражения врага. Немецкой Ганзе пришлось даже вынести войну с целой державой — Данией, войну, окончившуюся поражением врага купеческого союза. Но если

* Конфедерация английских Пяти Портов стоит особю.

союзы помогли в блестящую пору городского развития, то они в эпоху упадка сделались частью невозможны, частью бессильны, и независимость городов скоро кончилась; в одних странах это произошло раньше, в других позже. Иную форму принял упадок городов в Италии, где они, не утрачивая внешнего положения, попали в руки тиранов.

Политические условия не одни содействовали упадку городов, были и экономические. С открытием Америки и морского пути в Индию экономическая жизнь стала мало-помалу обнаруживать стремление к расширению узких рамок городского хозяйства и к преобразованию на основе национального хозяйства. А городам трудно было сразу приспособиться к этой перемене. Они держались за старое и приходили в упадок. Цветущая городская жизнь замерла, чтобы позже оживиться при новых условиях, со средневековыми имеющими мало общего.

Экономическая роль городов

Историческая роль, которую пришлось сыграть средневековым городам, была огромна. «Города в Европе являются как бы постоянными лагерями культуры, очагами трудолюбия и началом лучшего государственного устройства, без которого страна до сих пор оставалась бы пустыней», — говорит знаменитый Гердер, и это в значительной степени справедливо.

В экономическом отношении город является одним из важнейших факторов разложения натурального хозяйства. Возникновение городов было само по себе ответом на запросы экономической эволюции, но города очень скоро сделались самым могущественным орудием этой эволюции. Раз образовался город, т. е. поселение, снабженное рынком, с жителями, занимающимися торговлею и промышленностью и не имеющими поэтому времени для производства жизненных припасов, — хозяйственная автономия окружающей его сельской округи должна была немедленно распасться. Город не мог выносить ря-

дом с собою автономных хозяйств, не нуждающихся в производимых в нем продуктах и не вынужденных сбывать в него свои продукты. Если бы вокруг него сельские хозяйства сохранили свою независимость, город, как таковой, перестал бы существовать. Поэтому город изо всех сил старается притянуть сельские поселения в круг своего хозяйственного влияния. Если ему не удастся достигнуть этого путем чисто хозяйственного давления, то он не задумывается пускать в ход силу: ведет борьбу с мелкопоместной феодальной знатью, принуждает дворян бросать их крепкие замки и поселяться за своими стенами, разрушает рыцарские гнезда, оберегает свои промышленные интересы постановлениями о заповедной миле, препятствующей развитию сельской промышленности. Селу при этих условиях остается только земледелие всех видов; лишь в редких случаях ему удастся отстоять некоторые промыслы. Торговля и промышленность захвачены городом и там получают свою организацию.

Складочное право и гостинное право (*Stapel und Gästerecht*) обеспечивают городу его торговую монополию. Той же цели служат купеческие организации. Но по мере того, как хозяйственная эволюция идет дальше и изменяются господствующие политические формы Европы в сторону абсолютизма, городское хозяйство, как таковое, падает. В Англии целый ряд интермуниципальных соглашений постепенно нейтрализуют влияние охранительных мер, издаваемых городами, и знаменуют переход к внутренней свободной торговле под эгидою сильной государственной власти. В Германии, с упадком городов и с поглощением их княжеской властью, последней приходится взять в свои руки заведование городской торговой политикой, охранять складочное право в тех городах, где его существование продолжает быть выгодным, уничтожать там, где оно утратило экономический смысл и лишь тормозит торговлю. Словом, на место разрозненной деятельности отдельных городов

становится единая, руководимая государством торговая политика*.

Эта политика постепенно расширяет сферу своей деятельности, и мы хорошо знакомы с нею в ее современном виде. Но основные формы и основные принципы этой политики, первые попытки протекционизма, первые робкие шаги на почве фритредерства — все это создание средневековых городов и коммерческого гения средневекового купца.

То же самое было и с промышленными формами. Цехи — создание городов, и вначале существовали исключительно в городах и исключительно для городов, но по мере изменения господствующей экономической идеи, город стал чересчур тесен для промышленности вообще и для цеховой организации, в частности. И цеховые распорядки мало-помалу там, где политические условия этому не препятствуют, делаются предметом общегосударственного законодательства и распространяются и на внегородские территории. Английские парламентские статуты с начала XVI века все больше и больше вмешиваются в область регламентации промышленности, которая раньше была исключительным достоянием городского законодательства. Статуты пользуются наиболее типичными уставами ремесленных гильдий и с некоторыми видоизменениями делают их общегосударственными регламентами. Городские корпорации мало-помалу лишаются своих прерогатив, и промышленность начинает складываться более ровными полосами по всей стране. Раньше в городах были представлены все промышленные отрасли; теперь каждая отрасль сосредоточивается в таком районе, который по естественным условиям более благоприятствует ей. Основы парламентского законодательства покоятся таким образом на началах, выработанных корпорациями; некоторые из

* Если государство сильно, то оно оказывает покровительство и заграничной торговле (Англии, позднее Франции), если оно слабо, то его роль не выходит из пределов государства (немецкие княжества).

наиболее характерных черт гильдейской системы воспроизводятся и в системе домашней промышленности.

В Германии было то же самое. Территориальные князья пользовались цеховыми статутами, чтобы на основании их издавать общегосударственные постановления. При этом городские цехи в некоторых местах удерживались, в других — отменялись. Иногда князья, оставляя в силе местные цеховые статуты, старались водворить в них однообразие, или ограничивались тем, что усиливали влияние государства в отдельных городах. Если издавались общегосударственные статуты для цехов, то большей частью брался какой-нибудь типичный местный статут и только снабжался именем князя; тут князья неоднократно пользовались статутами городов, не входивших в их территории. Словом, и в Германии городское промышленное законодательство служило образцом для государственного.

Во Франции в этом отношении наиболее характерна деятельность Людовика XI. Этот король, при котором французский абсолютизм впервые стал на твердую почву, при котором города почти всюду потеряли остатки независимости, при котором королевская власть с помощью богатой буржуазии превратила в своих чиновников муниципальную магистратуру, — в своей промышленной политике заботился об одном: подчинить автономные корпорации своей власти и ввести единообразие в пеструю смесь корпорационных статутов. Этого нужно было только захотеть, потому что города не могли противиться могущественному королю. Людовик издал в 1479 году ордонанс, регулирующий суконное производство во всей стране по образцу парижских статутов и уничтоживший монополию корпораций. Но его сын не обладал железной энергией отца; уступая требованиям заинтересованных лиц, чуть не на другой день после смерти Людовика, Карл VIII фактически отменил ордонанс 1479 года. Дело Людовика XI будут продолжать впо-

следствии Генрих IV и Кольбер; тогда вновь обратятся к статутам парижских ремесленников, хотя будут искать в них уже не совсем того, чего искали прежде.

Социальная роль городов

Социальная роль городов не менее значительна. Прежде всего приходится обратить внимание на их деятельность в процессе разложения крепостного права. «Гражданская свобода, — говорит один историк, — распространялась радиусами из больших промышленных и торговых центров; в частности, Средняя и Северная Италия, где всего раньше и всего сильнее забила ключом промышленная и торговая жизнь, сделалась в то же время первым очагом крестьянской эмансипации».

Средневековый город для своих торговых и промышленных целей требует большого наплыва жителей; мы знаем, что на первых порах он вырастал как колонизационный пункт путем переселения. По мере того, как развивается торговля и увеличивается спрос на городские товары, город должен увеличивать число людей, занятых в обоих главных отраслях его деятельности. Поэтому городское право прежде всего дает личную свободу поселившемуся в сфере его действия крепостному; поэтому городской воздух получает способность делать виллана свободным подобно тому, как более тяжелый воздух поместья сообщал зависимость свободному человеку.

Города сделали первый шаг на поприще развязки крепостных отношений; за ними вслед разложение крепостных отношений стало все в более и более широких размерах осуществляться и в негородских территориях Европы. С появлением города и самим помещикам стало ясно, что освобождение крепостного люда выгодно им самим. Пока не было города, т. е. рынка, помещью некуда было сбывать продукты своего хозяйства; оно оставалось изолированным. Когда же явился рынок, продукты получили большую ценность; стало выгодно производить их в

большем количестве. Выдвинулся, следовательно, вопрос о производительности труда. А у помещиков к тому времени — совершенно так же, как и у наших к половине XIX века, — накопилось достаточно опыта, чтобы прийти к пониманию большей выгоды свободного труда перед крепостным. И они уже по собственному почину, но косвенно побуждаемые к тому городами, стали переводить крестьян с барщины на оброк.

С эмансипацией крестьян тесно связано ослабление двух высших феодальных сословий, как представителей крупного землевладения. В этом отношении города сделали также очень много. Не касаясь политического значения их борьбы с духовными и светскими баронами, укажем на то, что, завоевывая свою независимость, города пробивали широкую брешь в вековой твердыне феодализма, отнимая у его представителей сотни и тысячи вилланов, принуждая баронов и рыцарей оставлять замки, насильственно водворяя их в своих стенах, требуя от них подчинения своему праву. Но так могут действовать только самые сильные города. Более слабые поступают иначе. Духовенство и светская знать то совсем не допускаются в города, то лишаются права приобретать землю в черте городских стен; и, вообще, с ними ведут постоянную борьбу, цель которой заключается в том, чтобы отнять у них их привилегии и изъять и приравнять по правам и по обязанностям к другим горожанам. Все эти меры в связи с постоянными мелкими походами против разбойничьих замков приводят к тому, что к исходу Средних веков социальная роль представителей духовной и светской знати падает настолько, что и на политической почве центральная власть может гораздо легче справляться с ними. Знать лишается огромной части своих материальных ресурсов. Это в значительной степени дело городов, и результатом этого дела воспользовалось государство.

В городах же образовался новый, неведомый раннему Средневековью класс — буржуазия. Представительница торго-

вли и промышленности, она быстро завоевала себе видное общественное положение. Грозный враг двух старших сословий, порою неоценимый союзник королевской и императорской власти, творец национального богатства, буржуазия вначале завоевала себе и политические вольности, но затем должна была отказаться от независимости и посвятила себя исключительно хозяйственной деятельности. Ее богатства возрастали и к исходу Средних веков она учится эксплуатировать чужой труд и вкушает сладость прибавочной ценности. В XV веке, а в некоторых странах и раньше, появляется настоящая рознь между предпринимателями и рабочими. Средним векам также знаком рабочий вопрос, но это не современный рабочий вопрос, рожденный из недр капитализма. Средневековой капитализм — еще в младенческом состоянии. Он вырастет потом и вольет свежую кровь в жилы буржуазии. Но и в Средние века богатство — естественная питающая среда для буржуазии. Оно создает его силу и эта сила реализуется на политическом поприще в конце XVIII века.

Политическая роль городов

В политическом отношении города сослужили великую службу в процессе общественного развития. И здесь первым долгом приходится обратить внимание на их роль в качестве принципиального противника феодализма. Подобно тому, как они сокрушили феодальный способ производства и содействовали падению феодальных сословных перегородок, так и в политической сфере городам обязано государство тем, что пала мощь феодальной знати, которая была самым сильным его врагом.

До выступления городов феодализм в политической сфере был в полном расцвете. Государство раздробило свою власть, уступая огромную часть своих прерогатив духовенству, монастырям, светским баронам; когда же оно окрепло, то перед ним во всей ее настоятельности стала задача собирания своих расте-

рянных и отчужденных вольно или невольно прав. И когда города дали доказательства своей мощи, то королевская и императорская власть, естественно, обратилась к ним, ища в них союзников против врага. В некоторых государствах этот шаг делается прямо. Гений Генриха IV (1056–1106 гг.) немецкого первый пришел к пониманию той политической роли, которую суждено было сыграть горожанам, классу *burgenses*, и первый извлек выгоду из накопленных городами сил. Французские короли до Филиппа Августа не понимали положения дел и, повинаясь фискальным расчетам, принимали сторону то коммун, то их противников. Сами города крайне охотно вступали в договор, — то молчаливый, то ясно сформулированный, — с королевской властью для борьбы с общим врагом. Но последствия показали, что главную выгоду из союза извлекали не сами они, а их союзница, королевская власть. Только благодаря ее слабости немецкие города дольше пользовались плодами победы.

Содействие усилению центральной власти — один из политических результатов городского развития в Средние века. Но он далеко не единственный. Города расчищали путь для победоносного шествия королевской власти, но отказываться от утилизации своей силы горожанам, естественно, не хотелось. Их сила была в богатстве, а богатство сделалось важным фактором государственной жизни, когда был сокрушен принцип феодализма. Государству нужна материальная сила для осуществления своих целей, нужно войско. В феодальную эпоху войско составлялось из феодального ополчения, служилого дворянства, которое обязано было сражаться взамен земельных пожалований. Но когда королевская власть убедилась в опасности принципа раздачи земли, который стал для нее прямо губительным ввиду вытекающих из него последствий, то основы организации военной защиты должны были измениться. Военная служба стала оплачиваться не землею, а деньгами. В деньгах средневековое государство при крайне несовершенной

финансовой системе нуждалось всегда. У горожан же денег было много, но давать их, не получая взамен ничего, бюргеры не были расположены; они требовали за это некоторых прав и преимуществ. Отсюда возникло представительство третьего чина в государственных представительных учреждениях. Прибывая в парламенте или на генеральных штатах, представители городского класса получали возможность торговаться с королевской властью и распоряжаться карманом своего сословия по усмотрению. Таково было происхождение представительства чинов третьего сословия в представительных учреждениях. В Англии это было началом парламентского строя, но и в других государствах сделалось надолго одним из важнейших факторов политической жизни.

Дальнейший политический принцип, пущенный в оборот городами, заключался в том, что ими было выставлено совершенно новое обоснование власти. Феодальный принцип гласил: всякая власть от земли. Города выработали иной: всякая власть покоится на воле общины. Это — тот самый принцип, который в более сложной формулировке провозглашается современным государством. Он родился и прошел первую стадию своего развития в городах. Города разрушили принцип политического неравенства и на его место поставили противоположный принцип, провозгласивший общину союзом равных, они установили связь общины с территорией, как целого с целым. Все это — первые слабые, но теоретически вполне определенные контуры современного юридического строения государства. Они созданы логикой исторического процесса, великой силою экономического переворота и влиянием возрожденного римского права. Когда в Италии власть общины была поглощена властью тирана, то насильственный характер этого переворота легко было скрыть под положениями римского права, которое с готовностью предлагало хорошо обставленное учение о делегировании народом своей власти, о вполне легальном

принципате. Итальянские деспотии послужили образцами для позднейшего европейского абсолютизма, но основной публично-правовой характер городского строя в итальянских деспотиях был совершенно искажен. До подчинения тирану города были союзами равных, организованными и снабженными принудительными средствами в целях защиты интересов торговли и промышленности. При тиранах равенство осталось, но то было уже равенство подчинения одному человеку, провозглашавшему со слов римского юриста источником закона собственную волю. Средневековые города такого подчинения не знали, они знали одну вассальную зависимость, не изменявшую почти ничего в их юридическом характере, а некоторые из них фактически были свободны даже и от такой зависимости. Итальянские отношения создавали совершенно новые политические условия, которые в позднейшем развитии оказались очень плодотворны.

Таким образом, на истории средневековых городов мы можем проследить целую эволюцию политических форм. Возникшие в лоне феодального порядка, они усваивают себе первоначально некоторые его формы, но затем разрушают его основные принципы. В одних странах они вызывают сословную организацию монархии, но в других, где такая организация не могла установиться, прямо создают следующую форму политической власти — абсолютизм; последний, перенесенный в те условия, где господствует сословное представительство, сокрушает его и водворяет абсолютную монархию. Таково положение дела во Франции, начиная с Карла VII и Людовика XI, и в Испании при Карле V и Филиппе II. В административном отношении заслуга городов также огромна. «В них, — говорит один немецкий юрист, — общественная власть впервые приступила к решению великих задач, которые составляют сущность современного государственного управления. История немецкого административного права почти во всех своих частях при-

мыкает к правовым институтам и установлениям городов XIV и XV вв.». Во главе тех проблем, о которых говорит автор, стоит, конечно, торговая и промышленная политика.

Культурная роль городов. Заключение

В эволюцию европейского правосознания города сделали также большой вклад. Вклад этот заключался в том, что правовые нормы сделались более подвижны. Интересы торговли и промышленности настойчиво требовали разрыва с феодальными юридическими традициями, которые охраняли единство землевладения, были совершенно беззаботны насчет всяких имущественных сделок, принципиально отрицали личную свободу виллана, свято оберегали варварские формы процесса как уголовного, так и гражданского, жили первобытными представлениями о преступлении и наказании. Роль городов в этой эволюции не может быть оценена с достаточной определенностью ввиду того, что обнаружению влияния выработанных в городах юридических норм помешала рецепция римского права. Римское право, которое создалось в обществе, привычном к сложным запросам торговли, во многом совпадало с средневековым городским правом. Поэтому разграничить сферу влияния одного и другого представляется делом нелегким. Жизненность норм городского права ясно сказывается в том обстоятельстве, что в то время, как отсталая в торгово-промышленном отношении негородская территория была заполнена римским правом, в городах продолжало держаться свое, которое вполне удовлетворяло потребностям городской жизни. Особенно устойчивым оказалось любекское право, одно из наиболее разработанных. Внешним признаком этого процесса может служить следующий факт. Сельские шеффенские суды, которые не сумели выработать более жизнеспособных норм ни материального, ни процессуального права, едва пережили Тридцатилетнюю войну, в то время как городские удержались го-

раздо дольше. Гений средневекового гражданства обнаружил необыкновенную мощь в юридическом творчестве и надолго положил свою печать на рост европейского правосознания. То же было и в финансовой сфере, в которой города либо ввели ряд усовершенствований в существующий строй, либо всецело создали новые отрасли финансовой организации. Косвенные налоги на предметы потребления, ненавистная акциза, соляная монополия — все это возникло впервые в городах, и от них заимствовано было государством.

Словом, на какую область ни оглянуться, почти всюду в прошлом мы встречаем следы работы средневекового бюргерства, работы незаметной, мало оцененной, но крайне плодотворной. Средневековые города, если смотреть на них с высоты истории, представляются своего рода социальными лабораториями, где безвестные труженики, купцы и ремесленники, производили какие-то опыты, делали какие-то открытия, на которые не брали патента от истории. Эти открытия частью оказывались неудобными, частью забывались, частью незаметно делались общим достоянием и приносили плоды уже под другими названиями и под другими фирмами.

В городе же создался и тот могучий закал, который является отличительным признаком средневекового бюргера. Жизнь купца в то время была нелегка, торговать можно было только рискуя жизнью. Опасности, сторожившие его на суше и на море, изоощряли волю; нередко самый успех торгового предприятия зависел исключительно от отваги; среди постоянных приключений вырабатывалась твердость, изворотливость, хитрость, осторожность, терпение. «Посмотрите, — говорит один историк, — на лица Гирландайо в Santa Maria Novella (во Флоренции). Эти чинные фигуры, из которых многие списаны прямо с натуры, обладают той твердостью выражения и уверенностью во взгляде, которые свидетельствуют о непреклонной воле; тонкие и плотно сжатые губы сумеют, кстати, сол-

гать и не разомкнутся, чтобы выдать тайну. Они не против восстания, но они будут управлять им помощью слова; их истинное место в совете; там они обсуждают дела республики с тем же здравым смыслом, который обыкновенно проявляется ими в их конторах. Но стоит посягнуть на их свободу, и эти купцы возьмутся за оружие и ударят в набат. Привыкнув постоянно взвешивать шансы судьбы, они приобрели в делах правления ту ловкость, которая так помогала им при продаже шерсти или при размене их флоринов». В городах, словом, появляется, впервые в новой истории, тип, которому тесно в старых условиях умственной жизни. В городах подготавливается почва для того великого явления, которое получило в науке название эмансипации личности. Личность могла освободиться от пут церковной опеки только там, где уже существовала экономическая, социальная и политическая свобода. Кроме города, этот процесс не мог осуществиться нигде. Выработавшееся под опекою церкви средневековое мировоззрение явно сделалось анахронизмом в городах; там потребовалось иное мировоззрение, более соответствующее запросам освободившейся благодаря разнообразным условиям личности. Это мировоззрение и явилось позднее в гуманизме, этом типичном плоде городской культуры. Уже в городской литературе можно проследить некоторые черты нового мировоззрения, но полного своего выражения оно могло достигнуть только тогда, когда запросы личности нашли ответ в литературе древних. Позднейшая эволюция гуманизма привела к утрате специфических городских черт, но в то время уже многие приобретения городов сделались общим достоянием. Первые же шаги гуманистического мировоззрения могли быть сделаны только в городах.

Мы далеки от романтических восторгов, которым так охотно поддаются некоторые исследователи, отлично видим все темные стороны средневекового городского развития и нимало

не склонны проповедовать возвращение к средневековым городским порядкам. Но, думается нам, если в Средние века искать настоящей живой жизни, здоровых общественных отношений, царства упорного, плодотворного труда, то всего этого нужно искать не в церкви, не в государстве, не в поместье, а только в городах.

1. Общим сочинением по истории средневековых европейских городов до сих пор является книга Hüllmann'a, «Städtewesen des Mittelalters» (4 Bd. — 1826—1829), в общем давно уже устаревшая, но в некоторых частях сохраняющая еще значение. Это особенно относится к IV тому, в котором трактуется о городской жизни. Книга Карла Гегеля (Hegel K. Städte und Gilden der Germanischen Völker im Mittelalter: 2 Bd. — 1891) рассматривает историю городов и гильдий в Англии, Скандинавских странах, Нормандии, Северной Франции, во всех частях Нидерландов и в части Германии. Это ряд мастерских очерков, сделанных рукою лучшего знатока средневековой городской истории. В заключение дан краткий сравнительный обзор, несколько поверхностный. Богатейший фактический материал делает исследование Гегеля необходимым пособием при изучении истории средневековых городов.

2. История городов по странам разработана далеко не равномерно. По английской истории следует иметь в виду сочинение: Madox Th. «Firmaburgi, or an historical Essay, concerning the Cities, Towns and Boroughs of England» (1726), основная точка зрения которого уже оставлена, но сохраняет ценность по фактическим данным. Merewether and Stephens «The History of the boroughs and municipal corporations of the United Kingdom» (3 Vol. — 1835), дан обзор истории городов по царствованиям, единственная цельная история английских городов. Алиса Грин (Green A. Town life in the XV century. Vol. 1 — 1894) малооригинальный, но дельный обзор истории английских городов, преимущественно в XV веке. F. W. Maitland «Doomsdaybook and beyond» (1897); «Township and borough» (1898); в первой книге ценная глава о городах, в которой автор занимается главным образом англосаксонскими городами; вторая посвящена преимущественно истории Кембриджа; подвергается критике вопрос о происхождении городов. Собственная теория Мэтланда (гарнизонная теория) парадоксальна. Обе книги написаны блестяще.

3. Для Франции литературы больше. Мы не будем перечислять всех монографий по истории отдельных городов, что заняло бы слишком много места. Желающий подробнее ознакомиться с историей городов во Франции найдет все необходимые указания в перечисляемых сочинениях: Raynouard «Histoire du droit municipal en France sous la domination romaine» (2 Vol. — 1829); автор, ярый романист, старается доказать преемство между римскими и средневековыми французскими муниципальными учреждениями. Далее нужно иметь в виду т. IV «Истории цивилизации во Франции» Гизо и четыре работы Огюстена Тьерри (Thierry O. Lettres sur l'histoire de France. — 1827; Considerations sur l'histoire de France. — 1840; Essai sur l'histoire de la formation et des progres du tiers etat. — 1850; Tableau de l'ancienne France municipale). В «Lettres...» наряду с увлекательной картиной коммунальной революции представлена знаменитая теория борьбы за коммунальные вольности, одно время очень популярная. В «Considerations...» и «Tableau...» сделана попытка проследить происхождение французских муниципальных форм, причем источником их на юге объявляются римские учреждения, на севере — гильдия. Сохраняют свое значение также Warnkönig «Flandrische Staats- und Rechtsgeschichte» (3 Bd. — 1835–1839) «Französische Staat- und Rechtsgeschichte» (Bd. 1. — 1846). Из новых работ на первом месте стоит классический труд Ашиля Люшера (Luchaire A. Les communes franchises a l'epoque des Capetiens directs. — 1890), где против теории Тьерри выставляется более правильная и широкая теория соглашения. Разработка внутренней организации коммун сделана с редким мастерством Giry (Histoire de la ville de Saint-Omer et des ses institutions. — 1877; Etablissements de Rouen: 2 Vol. — 1883–1885), два прекрасных этюда по организации типичных коммун. Здесь же следует упомянуть главу о городах Лависса и Рамбо (Histoire Generale. — 1890), составленную Жири и Ревилем; она нужна для истории французских городов; история других разработана крайне поверхностно. Для позднейшего периода важна работа Henri See «Louis XI et les villes» (1892). По вопросу о происхождении городов две капитальных работы: Flach «Les origines de l'ancienne France» (2 Vol. — 1893) и Pirenne «Lorigine des constitutions urbaines au moyen âge» (//Revue historique. — 53, 57 Vol. — 1893–1895).

4. Для Италии на первом месте стоит работа К. Гереля «Geschichte der Städteverfassung von Italien seit der Zeit der römischen Herrschaft bis zum Ausgang des zwölften Jahrh» (2 Vol. — 1847). В приложении напечатан знаменитый экскурс в область истории Франции и Германии. Главный результат книги — почти окончательный подрыв гипотезы романи-

стов. Книга до сих пор является основным руководством по истории итальянских городов. Haulleville «Histoire des communes lombardes» (2 Bd. — 1857) важна по фактическим данным так же, как и книга Lanzani «Storia dei comuni italiani dall'origine al 1313» (1883). Книжка Handloike «Die lombardischen Städte unter der Herrschaft der Bischöfe und die Entstehung der Communen» (1883) содержит много интересных указаний на сеньориальный режим в ломбардских городах.

5. Для Германии литература в последнее время так разрослась, что нет никакой возможности привести ее всю. Из старых работ мы укажем только наиболее важные: Arnold «Verfassungsgeschichte der deutschen Freistädte» (2 Bd. — 1854). В основе изложения лежит история Вормса, но автор посвящает много места изложению внешних фактов и внутреннего устройства и других городов. Maurer «Geschichte der Städteverfassung in Deutschland» (4 Bd. — 1869–1871), капитальный и до сих пор незаменимый по богатству фактического материала труд; в нем изложена теория происхождения городов из сельской общины, марки. Против последней выступил Heusler Der Ursprung der deutschen Städteverfassung. — 1872. Nitzsch (Ministerialität und Bürgerthum. — 1859) проводит пользовавшуюся одно время всеобщим признанием в Германии теорию происхождения городского строя из сеньориального. Началом оживления литературы по истории городов послужило напечатание в Historische Zeitschr двух статей Георга Белова (Below G. Zur Entstehung der deutschen Stadtverfassung // Historische Zeitschr. — Bd. 58, 59. — 1887–1888). Вслед за этими статьями появилась его книжка «Die Entstehung der deutschen Stadtgemeinde» — 1889. Статьи были посвящены опровержению сеньориальной теории, книжка — обоснование новой, в которой Белов, примыкая в общем к Мауреру, исправлял и давал более определенный и юридически стройный вид его гипотезы. Возражения посыпались немедленно. Самые сильные принадлежали представителям еще новой гипотезы, так называемой гипотезы рыночного права (Marktrecht). Сюда относятся между прочим Al. Schulte (Die Reichenauer Städtegrundungen in X und XI Jahrh // Zeitschr. für d. Gesch. des Oberrheins. — 1890), и особенно R. Sohm «Die Entstehung des deutschen Städtewesens» (1890), в которой знаменитый юрист в блестящей форме защищает теорию происхождения города от рынка. Белов отвечал своим противникам в новой работе «Der Ursprung der deutschen Städteverfassung» (1892), но его выводы не получили всеобщего признания. Из других работ по происхождению городов следует упомянуть попытку Kuntze (Die Deutschen Stadtgrundungen oder Römerstädte und deutsche Städte

im Mittelalter. — 1891) возобновить гипотезу романистов; Keutgen (Untersuchungen über den Ursprung der deutsch. Stadtverfassung. — 1895), превосходное, очень осмотрительное исследование, автор которого особенно выдвигает значение общегосударственных учреждений для образования городского устройства. Rietschel (Markt und Stadt. — 1897) — попытка расширить гипотезу рыночного права; автор считает начало большинства немецких городов в рыночных поселениях. К. Hegel (Entstehung des deutschen Städtewesens. — 1898) — блестящее, самое авторитетное и во многом устанавливающее окончательную точку зрения на вопросы исследования лучшего знатока истории городов. — Более общие работы Below'a (Die ältere deutsche Städtewesen und Bürgertum // Monographien zur Weltgeschichte Ed. Heyk. — 1898; Die städtische Verwaltung des Mittelalters als Vorbild der späteren Territorialverwaltung // Hist. Ztschr. Bd. 75. — 1895) — популярное изложение; К. Bucher (Die Bevölkerung von Frankfurt a. M. im XIV und XV Jahrh. — 1886); Schönberg (Finanzverhältnisse von Basel. — 1879).

6. Для ознакомления с экономическими условиями в городах, кроме общих указанных в перечисленных работах, см.: О. Gierke «Deutsche Genossenschaftsrecht» (1 Bd. — 1868); L. Brentano «Arbeitergilden der Gegenwart» (1 Bd. — 1871); Levasseur «Histoire der classes ouvrieres» (In 2 Vol. — 1900); Fagniez «Etudes sur l'industrie et la classe industrielle a Paris au XIII et au XIV siecle» (1877); Н. Hauser «Ouvriers du temps posse (XV—XVI ss.)» (1898); статья о торговле и промышленности в Средние века Жири и Ревия во II томе «Histoire generale» Лависса и Рамбо; Inama-Sternegg «Deutsche Wirtschaftsgeschichte» (3, 4 Bd. — 1899—1901); Bücher «Entstehung der Volkswirtschaft» (1901); Hartmann «Urkunde einer römischen Gärtnergenossenschaft vom Jahr 1030» (1892); Schanz «Zur Geschichte der deutschen Gesellenverbände im Mittelalter» (1876); В. Schönlank «Soziale Kämpfe vor 300 Jahren» (1894); Stieda «Zur Entstehung des deutschen Zunftwesens. — 1876; Eberstadt (Magisterium und Fraternitas» (1897); «Der Ursprung des Zunftwesens und die älteren Handwerkerverbände des Mittelalters» (1900); A. Doren «Untersuchungen zur Geschichte der Kaufmannsgilden des Mittelalters» (1893); G. Schmoller «Strassburgs Blüte und die Volkswirtschaftliche Revolution im XIII Jahrh» (1875); «Strassburg zur zeit der Zunftkämpfe». (1875); «Strassburger Tucher und Weberzunft» (1879); «Studien über die wirtschaftliche Politik Friedrichs des Grossen» (// Jahrbuch für Gesetzgeb... und Volkswirtschaft. — 1884—1887); W. Cunningham «Growth of English Industry and Commerce during the early and middle ages» (1890); Rogers «Six centuries of work

and wages» (1884); Gross, «Gilda mercatoria». (1883); «Gildmerchant». (1890); Ashley «Introduction to english economic history and theory» (2 Vol. — 1894); «Survey historic and economic». (1900); Below, «Territorium und Stadt». (1900); «Ueber Theorien der wirtschaftlichen Entwicklung der Völker» (// Hist. Ztschr. — Vol. 86); «Der Untergang der mittelalterlichen Staatwirtschaft» (// Jahrb. für Nationalökonomie und Statistik Konrada III Folge. — Vol. 21. — 1901).

7. Много ценных указаний можно найти в общих сочинениях: Sismondi. Histoire de republicques italiennes au Moyen âge. — 1840. Green. History of english people. — 1877—1880. Lamprecht. Geschichte der deutschen Volks. — 2 Aufl. — 1894. Stubbs. Constitutional history of England. — 1874—1878. Waitz. Deutsche Verfassungsgeschichte. — 1843—1879. Glasson. Histoire des institutions et du droit francais. — 1887. Esmein. Cours elementaire d'histoire du droit francais. — 1895. Schröder. Deutsche Rechtsgeschichte. — 3 Aufl. — 1898. Fertile. Storia del diritto italiano. — 2 изд. — 1891. Pollock-Maitland. History of english law. — 1895.

8. Из перечисленных сочинений на русский язык переведены: Гизо, Тьерри («Lettres...» и «Essai...»), статьи Жири и Ревия в Histoire Generale, Бюхер («Entstehung...»), Роджерс, Эшли («Introduction»), Грин, Ламп्रेхт. Оригинальных сочинений по истории городов и городского хозяйства немного:

Смирнов А. Коммуна средневековой Франции. — 1873.

Дитятин И. И. Введение // Устройство и управление городов России. Т.1. — 1874.

Дживелегов А. Городская община в Средние века. — 1901.

По истории хозяйства:

Дитятин И. И. Хозяйство в Западной Европе // Статьи по истории русского права. — 1895.

Ковалевский М. М. Развитие народного хозяйства в Западной Европе. — 1899.

Ковалевский М. М. Экономический рост Европы: В 2 т. 1898—1900.

См. также статьи в «Книге для чтения по истории Средних веков»:

Амон Н. Город Кельн в Средние века // Книга для чтения по истории Средних веков / Под ред. П. Г. Виноградова. — III вып.

Михайловский В. Ганза // Книга для чтения по истории Средних веков / Под ред. П. Г. Виноградова. — III вып.

Моравский С. Французские города в Средние века // Книга для чтения по истории Средних веков / Под ред. П. Г. Виноградова. — II вып.

Покровский М. Н. Хозяйственная жизнь Западной Европы в Средние века // Книга для чтения по истории Средних веков / Под ред. П. Г. Виноградова. — IV вып.

Рашков С. Ломбардские города в XII в. // Книга для чтения по истории Средних веков / Под ред. П. Г. Виноградова. — II вып.

ПРЕДИСЛОВИЕ

¹ См. подробнее: Дживелегов А.К. Городская община в Средние века. Некоторые новые теории о происхождении средневековых городов. — СПб., 1901.

² См. подробнее: Hullman. Stadtewesen des Mittelalters: 4 Bd. — 1826—1829.

³ См. подробнее: Hegel K. Städte und Gilden der Germanischen Völker im Mittelalter: 2 Bd. — 1891.

⁴ В хронологии современной исторической науки под термином «Средние века» понимается период, следующий за историей Древнего мира и предшествующий истории нового времени, соответствующий времени зарождения, развития и разложения феодализма в Западной Европе (конец V — середина XVII веков).

⁵ Книга А.К. Дживелегова «Средневековые города в Западной Европе» является одной из первых в серии «История Европы по эпохам и странам в Средние века и новое время» (подсерия «Экономическая история Средних веков») Акционерного общества «Брокгауз-Ефрон».

ГЛАВА I. ВОССТАНОВЛЕНИЕ, РОСТ И УПАДОК ГОРОДОВ

¹ Лациум наряду с Этрурией, Умбрией — близлежащие к Риму области, из которых набиралась гвардия преторианцев. Современная итальянская область Лацио.

² Галлия — территория между р. По и Альпами (Цизальпинская Галлия); между Альпами и Средиземным морем, Пиренеями и Атлантическим океаном (Трансальпийская Галлия).

³ Эдикт римского императора Каракаллы о даровании прав римского гражданства провинциалам был издан в 212 году.

⁴ Вандалы — группа германских племен, в 429—439 гг. завоевавшие Северную Африку и разграбившие Рим в 455 г. К 534 году раннефеодальное государство вандалов завоевано Византией.

⁵ Аланы — ираноязычные племена сарматского происхождения, жившие с первых веков н. э. на территории Причерноморья и Предкавказья. Часть аланов участвовала в Великом переселении народов.

⁶ Свевы — группа германских племен, около 58 г. до н. э. были разбиты Юлием Цезарем. В 409 году часть свевов переселилась на Пиренейский полуостров, создав там свое королевство, которое в 585 году было завоевано вестготами.

⁷ Бургунды — германское племя, основавшее раннефеодальные королевства в бассейне Рейна (нач. V в) и в бассейне Роны (сер. V в).

⁸ Алеманны — германское племя, называвшееся раньше семнонами.

⁹ Вестготы — германское племя, западная ветвь готов, разграбившая Рим в 410 году, основавшая Тулузское королевство в 418 году в Южной Галлии (вытеснены франками), в V веке захватившие большую часть Пиренейского полуострова (вытеснены арабами в начале VIII века).

¹⁰ Аквитания — историческая область на юго-западе Франции.

¹¹ Гунны — кочевой народ, живший в II–IV веках в Приуралье. Массовое переселение гуннов с 70-х гг. IV века дало толчок Великому переселению народов.

¹² Франки — группа германских племен, живших в III в по нижнему и среднему Рейну.

¹³ Англи — германское племя, жившее на юге полуострова Ютландия. В V–VI веках принимали участие в англосаксонском завоевании Британии.

¹⁴ Саксы — группа германских племен, живших между реками Рейн и Эльба. В V–VI веках часть саксов участвовала в завоевании Британии.

¹⁵ Готы — группа германских племен, в III веке жившая в Северном Причерноморье.

¹⁶ Арианство — ересь, возникшая в IV в., получившая название от александрийского пресвитера Ария, утверждавшего, что Христос не подобен Богу-отцу, но создан им. Осуждалось на церковных соборах в 325, 381 гг.

¹⁷ Лаодикейский (в конце IV в) и Сардикский (344 г.) — поместные соборы, установившие правила избрания епископов и отношения их с светской властью.

¹⁸ Лат. *diocesis* — городской округ или часть провинции.

¹⁹ Меровинги — первая королевская династия (по имени основателя — Мервея) в Франкском государстве (конец V–751 г.)

²⁰ Каролинги — королевская и императорская династия (по имени основателя — Карла Великого) Франкского государства.

²¹ Верденский договор 843 года о разделе империи Карла Великого был заключен между его внуками Лотарем (получил земли в Италии и вдоль

Рейна и Роны), Карлом Лысым (получил территорию на Западе от Рейна) и Людовиком Немским (земли на Востоке от Рейна).

²² Норманны (викинги, вяряги) — скандинавы, участвовавшие в морских торгово-завоевательных походах в VIII–XI веках. В IX веке захватили Северо-восточную Англию, в X веке — Северную Францию (Нормандию).

²³ Нормандия — историческая область на северо-западе Франции, получившая свое название от норманнов, завоевавших эту территорию в X–XIII вв.

²⁴ Магьяры — самоназвание венгров.

²⁵ Капетинги (986–1328) — династия французских королей (по имени основателя — Гуго Капета).

²⁶ Авары — племенной союз тюрко-языческих племен, совершавших набеги на славян, Византию, франков. В VI веке основали в бассейне Дуная Аварский каганат.

²⁷ Ломбардия — область на севере Италии.

²⁸ Тэны (англ. *thegn, thane*) — служилая знать.

²⁹ Прелат (лат. *praelatus*) — звание высокопоставленного духовного лица.

³⁰ Спасенное место (лат).

³¹ Фризы — народ, населяющий территорию, соответствующую части современных Нидерландов и части Германии.

³² Левант (фр. *Levant* — Восток) — общее название стран части Средиземного моря.

³³ См. подробнее: Дживелегов А.К. Торговля на Западе в Средние века. — СПб., 1904. — (История Европы по странам и эпохам в Средние века и новое время).

³⁴ Салическая династия — другое наименование Франкской династии

³⁵ Гогенштауфены (1138–1254) — династия германских королей и императоров Священной Римской империи.

³⁶ Мавры — в Средние века название мусульманского населения Западной Африки и Пиренеев.

³⁷ Вилланы (лат. *villa* — поместье) — лично свободные, но зависимые от феодала как держателя земли крестьяне.

³⁸ право великое... право полезное (лат).

³⁹ Шериф (англ. *sheriff*) — должностное лицо, выполняющее в своем округе определенные функции.

⁴⁰ Коронер (англ. *coroner*) — специальный судья, в обязанность которого входит установление причин смерти при необычных обстоятельствах.

⁴¹ Великая Хартия вольностей — грамота, подписанная Иоанном Безземельным в 1215 году. Ограничивала права короля, предоставляя

привилегии рыцарству, городам и части крестьян. Входит в число действующих актов конституции Великобритании.

⁴² Симония — продажа званий и места духовенства.

⁴³ Церингены — франконская династия, основанная Конрадом I (ок. 990—1039), императором Священной Римской империи.

⁴⁴ Генрих Лев (1129—1195) — герцог Саксонии и Баварии, захвативший земли полабских славян: ободритов, поморян, лютичей.

⁴⁵ Отказ Генриха Льва участвовать в походе с императором Фридрихом I Барбароссой в Италию привел в 1180 году к потере Генрихом Львом почти всех владений и изгнанию из Германии.

⁴⁶ Сюзерен (фр. *suzerain*) — верховный сеньор территории (король, герцог, князь).

⁴⁷ с заменой того, что подлежит замене (лат).

⁴⁸ Авиньонское пленение пап — вынужденное пребывание пап (1309—1377, с перерывом 1367—1370) в Авиньоне под давлением франц. королей

⁴⁹ Валуа — французская королевская династия (1328—1589). Главные представители: Карл V, Людовик XI, Франциск I, Генрих II, Генрих III.

⁵⁰ Легисты — средневековое название юристов-романистов во Франции.

⁵¹ Филипп Красивый добился в 1312 году от папы упразднения ордена тамплиеров.

⁵² «Вельзер» (из Нюрнберга), «Фуггер» (из Аусбурга) — в XV—XVII вв. крупнейшие торгово-ростовщические дома.

⁵³ Тридцатилетняя война (1618—1648) — война в Германии в эпоху Реформации между габсбургским блоком, представлявшим интересы католицизма, и антигабсбургской протестантской коалицией.

⁵⁴ В 1789 году во Франции со взятия Бастилии 14 июля началась Великая Французская революция (1789—1794).

ГЛАВА II. ГОРОДСКОЕ УСТРОЙСТВО И ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

¹ Заранее (лат).

² Фиск (лат. *fiscus*) — казна.

³ Фогт (нем. *Fogt* — защитник) — светское должностное лицо в церковной вотчине, наделенное судебной, административной, фискальной властью.

⁴ Эшеваны (фр. *eschévins*) — административные лица с судебными и судебными функциями.

⁵ Альменда (нем. *Allmende* от средневекового *al(ge)meinde* — то, что принадлежит всем) — земельные угодья, находящиеся в собственности общины.

⁶ *Filialis* (лат. — сыновий).

⁷ Как угодно (лат).

⁸ Черная смерть — обозначение чумы, эпидемия которой в Европе (1347—1353) унесла жизни более 24 млн. человек.

⁹ Кодекс Юстиниана — часть Кодификаций Юстиниана, включающая в себя 4652 отрывка из императорских распоряжений, излагающих церковное право и обязанности гос. служащих; частное право, уголовное, административное и финансовое право.

¹⁰ Подеста (лат. *podestas*) — в средневековых итальянских городах-коммунах глава исполнительной и судебной власти.

¹¹ Гибеллины — политическое движение, возникшее в ходе борьбы между папством и Священной Римской империей в Италии и выражавшее интересы феодалов.

¹² Чомпи (итал. *ciompi*) чесальщики шерсти и другие наемные рабочие Флоренции, поднявшие восстание в 1378 году и создавшие свое правительство. Восстание было подавлено.

¹³ Медичи (*Medici*) — флорентийский род, игравший значительную роль в истории средневековой Италии. Основали одну из крупнейших торгово-промышленных компаний, правили Флоренцией.

¹⁴ Кооптация (лат. *cooptatio* — дополнительное избрание) — введение новых членов в выборный коллегиальный орган по его собственному решению.

¹⁵ В теле (лат).

ГЛАВА III. ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ

¹ Война Алой и Белой розы (1455—1485), в ходе которой была уничтожена значительная часть старой феодальной знати.

² Столетняя война (1337—1453) между Англией и Францией за Гиель, Нормандию, Анжу, Фландрию.

³ См. подробнее: Дживелегов А.К. Торговля на Западе в Средние века. — СПб., 1904. — (История Европы по странам и эпохам в Средние века и новое время).

⁴ См. подробнее: Дживелегов А.К. Указ соч.

⁵ Имеется ввиду эпидемия чумы в Европе (1347—1353).

⁶ Городской воздух делал свободным (нем).

⁷ Стефан Лангтон, архиепископ Кентерберийский, своим протестом содействовал подписанию Иоанном Безземельным Великой Хартии Вольностей.

⁸ Симон Монфор граф Лейстер (*Leicester*) в 1258 году стал во главе оппозиции, победил короля 14 мая 1264 г. при Льюисе, стал регентом и

протектором, на народном собрании 1265 г. положил начало парламентского строя Англии.

⁹ Тимократия (гр. *time* — цена, честь; *kratos* — власть, сила) — форма государственного правления в Древней Греции, при которой права и обязанности соразмерялись согласно собственности гражданина.

¹⁰ Кондотьеры (итал. *condottieri*) — предводители наемных отрядов в средневековой Италии, находившиеся на службе отдельных государей и римских пап.

¹¹ Витторино де Фельтре в 1423 г. организовал при дворе герцога Мантуанского школу «Дом радости», в которой учились дети герцога и его приближенных.

¹² Герхард Грот (Грооте) (1304—1384), основатель христианской общины в Девентере, члены которой назывались гергардинистами или братьями общины.

¹³ Колет (Colet) Джон (ок. 1467—1519) в 1505 г. стал настоятелем собора святого Павла в Лондоне и в 1509 г. открыл при соборе школу, основанную на гуманистических принципах воспитания.

¹⁴ Интердикт (лат. *interdictum* — запрещение) — временное запрещение совершать на определенной территории богослужения.

¹⁵ Фаблио — небольшие рассказы в стихах юмористического и сатирического характера

¹⁶ См. подробнее: Дживелегов А.К. Торговля на Западе в Средние века. — СПб., 1904. — (История Европы по странам и эпохам в Средние века и новое время).

¹⁷ Зерцало — название литературного произведения нравоучительного или педагогического характера.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Автари — король Лангобардского королевства (с 584 г.) — 34.

Альфред Великий (849—901) — король Англии, объединивший под своей властью несколько ангосаксонских королевств — 33.

Амвросий святой (340—397) — отец церкви, епископ Милана, противник арианства, сторонник строгой церковной дисциплины. Покровитель Милана — 50, 154, 168.

Амира — немецкий ученый и историк — 17.

Анжуйский граф — брат французского короля Людовика IX — 228.

Аристотель (384—322 гг. до н.э.) — древнегреческий философ — 156.

Арульф святой — 51.

Атилла — легендарный предводитель гуннов — 25.

Бенедикт святой — 38.

Беренгар — епископ Камбрейский — 50.

Беренгар I — сын герцога Эборгарда Фриаульского и Гизелы, дочери Людовика Благочестивого, король Италии (с 888 г.), император (с 896 г.) — 98.

Боккаччо Джованни (1313—1374) — итальянский писатель эпохи раннего Возрождения — 246.

Бомануар — ученый, юрист — 82, 161.

Браун — мэр Лондона — 198.

Бруни Леонардо (1369—1444) — государственный секретарь Флорентийской республики, автор сочинений о государственном устройстве Флоренции — 239.

Бруннер Генрих (1840—1915) — немецкий историк-медиевист, проф. Берлинского университета (1873), член

Прусской АН (1884). Сторонник общинной теории — 17.

Васко да Гама (1469—1524) — португальский мореплаватель, открывший морской путь в Индию вокруг Африки — 81.

Верджеро Пьетро-Паоло (1350—1444) — оратор, педагог, автор трактатов «*De ingenius moribus*», «*Vitae principum Carrariensium*» и др. — 239.

Вигор святой — 244.

Витторино де Фельтре (1378—1446) — итальянский педагог и гуманист — 239.

Вильгельм I Завоеватель (ок. 1028—1087) — англ. король из Норманнской династии, разбивший войско англосаксов при Гастингсе (1066) и установивший прямую вассальную зависимость всех феодальных землевладельцев от короля — 45, 46, 62, 63.

Гвидо — архиепископ Милана — 50.

Гегель К. немецкий историк, автор работы «*Städte und Gilden der Germanischen Völker im Mittelalter*» (2 Bd. — 1891) — 14, 16, 17

Генрих I (ок. 876—936) Птицелов — герм. король (с 919 г.), основатель Саксонской династии, присоединил Лотарингию и ряд земель полабских славян — 31, 33, 35, 67, 98.

Генрих I (1068—1135) — англ. король (с 1100 г.) — 63.

Генрих II (1133—1189) — англ. король (с 1154 г.) из династии Плантагенетов. Имел обширные владения в Франции — 52, 64, 186, 242.

Генрих III (1017—1056) — император Священной Римской империи (с 1039 г.) — 67, 74.

- Генрих III (1207–1272) – англ. король (с 1216 г.) из династии Плантагенетов, при правлении которого был создан первый английский парламент – 74, 227.
- Генрих IV (1050–1106) – император Священной Римской империи (с 1056 г.) из Франконской династии – 67, 68, 72, 95, 112, 252, 273, 276.
- Генрих V (1081–1125) – император Священной Римской империи (с 1106 г.) из Франконской династии – 57.
- Генрих Лев (1129–1195) – герцог Саксонии и Баварии – 69, 70.
- Герард – епископ Камбрэ – 56.
- Гердер И.Г. – 269.
- Гиберт – аббат Ножанский – 241, 242.
- Гирландайо Доминико Бигорди (1449–1494) – живописец флорентийской школы – 280.
- Годри – епископ Лана – 57, 58.
- Грот Г. (1304–1384) основатель христианской общины в Девентере, члены которой назывались герардистами или братьями общины – 240.
- Гуарино Гуарини да Верона (1374–1460) – итальянский гуманист и педагог – 239.
- Гюльман – немецкий историк и теолог, автор «Stadtewesen des Mittelalter» (4 Bd. – 1826–1829) – 16.
- Зом Р. – немецкий историк и юрист, автор монографии «Die Entstehung des deutschen Stadtewesen» (1890) – 17.
- Иван III (1140–1505) – великий князь Московской Руси – 85, 231.
- Иероним, Евсевий, Софроний (342–420) – блаженный, знаменитый учитель и столп западной церкви – 25.
- Иоанн Безземельный (1167–1216) – англ. король (с 1199 г.) из династии Плантагенетов – 65, 74, 169, 227, 232, 242.
- Иоанн Добрый (1319–1364) – франц. король (с 1350 г.) из династии Валуа – 83.
- Иоанн Креститель – предтеча Христа – 165.
- Каракалла (186–217) – римский император – 24.
- Карл V Мудрый (1338–1380) – франц. король (с 1364 г.) из династии Валуа – 83, 194, 278.
- Карл VI Безумный (1368–1422) – франц. король (с 1380 г.) из династии Валуа – 83.
- Карл VII (1403–1461) – франц. король (с 1422 г.) из династии Валуа – 83, 278.
- Карл VIII (1483–1498) – франц. король из династии Валуа – 272.
- Карл Великий (742–814) – король и император франкского государства. Его завоевания Лангобардского королевства, области саксов привели к созданию обширной империи – 28–30, 96, 97, 181, 201.
- Колет Дж. (ок. 1467–1519) – английский гуманист, теолог, один из предшественников Реформации – 240.
- Кольбер Жан Батист (1619–1683) – министр финансов Франции – 273.
- Конрад II (ок. 990–1039) – император Священной Римской империи (с 1024 г.), основатель Франконской династии – 67, 68.
- Кэр Жак – 83.
- Лангтом Стефан – архиепископ Кентерберийский. – 232.
- Ландульф – архиепископ Милана – 50.
- Людовик VI – франц. король из династии Капетингов – 57, 58, 59.
- Людовик VII (ок. 1119–1180) – франц. король (с 1137 г.) из династии Капетингов – 48, 58, 59, 60, 234.
- Людовик VIII (1187–1226) – франц. король (с 1223 г.) из династии Капетингов – 60, 73.
- Людовик IX Святой (1214–1270) – франц. король (с 1226 г.) из династии Капетингов – 82, 83, 228, 229.
- Людовик XI (1423–1483) – франц. король (с 1461 г.) из династии Валуа – 84, 180, 272, 278.
- Людовик Благочестивый (778–840) – франкский император (с 814 г.) – 252.
- Минерва – мифологический персонаж – 51.
- Монфор Симон, граф Лейстер (1206–1265) – положил начало парламентского строя в Англии, став регентом и протектором после победы при Льюисе над королем 14 мая 1264 г. – 232.
- Оттон I (912–973) – герм. король (с 936 г.) и основатель Священной Римской империи из Саксонской династии – 98.
- Оттон – епископ Фрейзингенский – 241, 242.
- Рикье святой – покровитель г. Сен-Рикье – 244.
- Ричард Девизский – винчестерский монах – 242.
- Ричард I Львиное Сердце (1157–1199) – англ. король (с 1189 г.) из династии Плантагенетов – 65, 169, 242.
- Ротари (606–612) – король Лангобардского королевства (с 636 г.) – 34.
- Сальвиан – монах с острова Лерен, автор трактата «О божественном управлении» (ок. 440), представляющего собой апологию Провидения – 25.
- Сфорцо Франческо – кондотьер – 237.
- Филипп II Август (1165–1223) – франц. король (с 1180 г.) из династии Капетингов – 59, 60, 82, 84, 186, 224, 234, 276, 278.
- Филипп IV Красивый (1268–1314) – франц. король (с 1285 г.) из династии Капетингов – 83, 216, 229, 231, 255.
- Филипп VI – франц. король из династии Капетингов – 224, 231.
- Филипп – граф Сент-Омера – 186.
- Фридрих I Барбаросса (ок. 1125–1190) – герм. король (с 1152 г.), император Священной Римской империи (с 1155 г.) из династии Штауфенов – 71, 162, 252.
- Фридрих II Штауфен (1194–1250) – герм. король (с 1212 г.), император Священной Римской империи (с 1220 г.) – 70, 72, 154, 216, 224.
- Шрёдер – немецкий историк, автор монографии «Deutsche Rechtsgeschichte» (2 Bd. – 3 Aufl. – 1890). – 17.
- Эдгар – 104.
- Эдуард I (1239–1307) – англ. король (с 1272 г.) из династии Плантагенетов – 170, 195.
- Эдуард II – англ. король из династии Плантагенетов – 195.
- Эдуард III (1312–1377) – англ. король (с 1327 г.) из династии Плантагенетов – 196.
- Эшли – мэр Лондона – 198.
- Юпитер – римский бог – 51.

Научно-популярное издание

Дживелегов Алексей Карпович

**СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА
В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ**

Ответственный редактор *А.В. Арсентьев*
Редактор *Д.Н. Бутко*
Оформление серии и дизайн *И.П. Сибирмовская*
Компьютерная верстка *Н.В. Шумова*
Корректоры *В.С. Акимова, Н.М. Бройко*

Издательский дом «Книжная находка»
www.booknahodka.ru
По вопросам оптового приобретения обращаться по e-mail:
info@booknahodka.ru

Подписано в печать 11.11.2002 г. Формат 60x90 1/16
Гарнитура Кудряшов
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 19. Тираж 1000 экз. Заказ № 5013

Отпечатано в Тверской областной типографии.
170000, г. Тверь, Студенческий пер., 28.

ISBN 5-94987-004-2

9 795949 870043

**В 2002 ГОДУ
УВИДЯТ СВЕТ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «КНИЖНАЯ НАХОДКА»:**

Серия «Колыбель цивилизации»

Ростовцев М.И. «Рождение Римской империи»

Основанная на многочисленных источниках работа известного ученого-антиковеда М.И. Ростовцева (1870–1952) посвящена периоду гражданской войны в Древнем Риме и первым десятилетиям существования Римской империи.

Книга рассчитана на широкий круг любителей истории.

Ростовцев М.И. «Эллинизм и иранство на юге России»

Книга известного русского ученого-антиковеда М.И. Ростовцева (1870–1952) посвящена истории древних народов, населявших территорию юга России: киммерийцев, скифов, меотов, синдов, сарматов и их взаимодействию с населением греческих городов и государств Северного Причерноморья.

Книга рассчитана на широкий круг любителей истории.

Серия «Юность Европы»

Петрушевский Д.М. «Очерки из истории средневекового общества и государства»

Работа известного отечественного историка Д.М. Петрушевского (1863–1942) посвящена истории поздней Римской империи, а также развитию государственных и национальных образований германцев, англосаксов, остготов и франков на территории средневековой Европы.

Книга рассчитана на широкий круг любителей истории.